

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный университет правосудия»
Северо-Кавказский филиал

Кафедра уголовно-процессуального права

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА,
КРИМИНАЛИСТИКИ
И ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
«Современные проблемы уголовного судопроизводства,
криминалистики и экспертной деятельности по уголовным делам»

(08 ноября 2021 г.)

Сборник статей

Краснодар
2022

УДК 343.13
ББК 67.410.2
С56

Ответственный редактор
Бородинова Т.Г., *Заслуженный юрист Кубани,*
заведующий кафедрой уголовно-процессуального права
СКФ ФГБОУВО «РГУП», доктор юридических наук, доцент

С 56 Современные проблемы уголовного судопроизводства, криминалистики и экспертной деятельности по уголовным делам : материалы Всероссийской научно-практической конференции «Современные проблемы уголовного судопроизводства, криминалистики и экспертной деятельности по уголовным делам» (08 ноября 2021 г.). Сборник статей / Отв. ред. Т.Г. Бородинова; СКФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2022. – 148 с.

ISBN 978-5-91718-698-6

Настоящий сборник научных работ создан на основе материалов Всероссийской научно-практической конференции «Современные проблемы уголовного судопроизводства, криминалистики и экспертной деятельности по уголовным делам», проведенной 08 ноября 2021 года кафедрой уголовно-процессуального права СКФ ФГБОУВО «РГУП». Тематика статей определялась с учетом современных проблем правовой регламентации и практики применения основных институтов уголовно-процессуального права, криминалистики и экспертной деятельности по уголовным делам, затрагивающим основные права и законные интересы лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства. Данное научное издание адресуется всем, кому интересны актуальные вопросы действующего уголовно-процессуального законодательства, криминалистических и экспертных исследований, связанных с производством по уголовным делам. Материалы публикуются в авторской редакции.

ББК 67.410.2
УДК 343.13

ISBN 978-5-91718-698-6

© Коллектив авторов, 2022
© Оформление ООО «Издательский
Дом – Юг», 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Бородинова Т.Г. Инновационные технологии в современном уголовном судопроизводстве назначение и границы распространения	6
Бурмагин С.В. Вариативность механизма принятия судебного решения в уголовном судопроизводстве	12
Валов С.В. Рассмотрение замечаний на протокол процессуального действия в досудебном производстве	16
Гаевой А.И. Видеозапись как доказательство в уголовном судопроизводстве в контексте проблем современного уголовно-процессуального законодательства	23
Губко И.В., Лукш Я.О. Меры пресечения в отношении несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых): виды и особенности применения	29
Егорова Т.И., Курбатова Г.В. Признаки массовых беспорядков в местах лишения свободы: вопросы механизма преступления	35
Кольчурин А.Г. К вопросу об использовании видеоконференц-связи в уголовном судопроизводстве	39
Костенко Р.В. Главный дефект нынешнего УПК РФ	45
Кубицки А.В. Структурный подход к деятельности экспертно-криминалистических подразделений МВД Республики Молдова	49
Лукожев Х.М., Самаркина Ю.Э. Проблемы отказа прокурора от обвинения в суде апелляционной инстанции	57

Овчинникова Е.А. К вопросу о пределах судебной компетенции в российском уголовном судопроизводстве	63
Петрикина А.А., Мукарамов М.А. Использование криминалистических средств доказывания в деятельности защитника с учетом цифровизации уголовного судопроизводства	66
Полухин В.М. Современные виды процессуальных средств обеспечения разумного срока уголовного судопроизводства в Российской Федерации	69
Садикова Ю.В. Современное состояние института проверки и пересмотра приговоров, постановленных на основании вердикта коллегии присяжных заседателей	75
Сафонов А.А. Осмотр места происшествия как источник получения следов – вещественных доказательств	83
Сибилькова А.В. Тренд планирования расследования преступлений на современном этапе развития криминалистики	89
Ставило С.П. Актуальность учета видов и форм соучастия в вопросе дифференциации уголовной ответственности соучастников преступления	94
Тарасов А.В. Криминалистические аспекты использования цифровых технологий в деятельности адвоката	100
Черкасова Е.А., Орловская Н.В. Суд присяжных в современной России: этап обновления	107
Чистилина Д.О. Социально-правовая обусловленность полномочий председательствующего в суде с участием присяжных заседателей	112

Шутемова Т.В. Современные теоретико-прикладные проблемы использования прокурором возможностей криминалистики в уголовном судопроизводстве	118
---	-----

Трибуна молодого ученого

Бородинова В.В. Понятие нравственных начал в уголовном судопроизводстве России	123
---	-----

Бухарина Н.П. Некоторые типичные следственные ошибки по делам о коррупционных преступлениях	132
--	-----

Миргородская Э.Р. Роль суда в доказывании при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ	136
--	-----

Сокольских И.И. Основные проблемы тактики осмотра места происшествия	140
---	-----

**По материалам
Всероссийской научно-практической конференции
«СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА,
КРИМИНАЛИСТИКИ И ЭКСПЕРТНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ»
(08 ноября 2021 г.)**

**ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ НАЗНАЧЕНИЕ
И ГРАНИЦЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ**

Бородинова Т.Г.

Заслуженный юрист Кубани, д-р юрид. наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовно-процессуального права,
Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»

Современные шаги по активному внедрению инновационных технологий в сферу судопроизводства Российской Федерации носят целенаправленный характер, следующий из государственных целевых установок на повышение качества осуществления правосудия, эффективности рассмотрения судебных дел, обеспечение доступности и открытости правосудия. Это усматривается из проводимой государством стратегии развития и совершенствования судебной системы России, отраженной в федеральных целевых программах¹, которые ориентированы на раз-

¹ Постановление Правительства РФ от 21.09.2006 № 583 «Развитие судебной системы России на 2007–2012 годы». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 14.09.2021) «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Правительства РФ от 20.11.2001 № 805 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 годы». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

решение проблем, связанных с недостаточно высоким качеством правосудия, выражающимся в несоблюдении сроков судопроизводства, недостаточном уровне информированности населения о судебной деятельности, неудовлетворительной работе судов и др.

И в качестве одного из важных средств разрешения названных проблем на государственном уровне предлагается скорейшее внедрение в организацию функционирования судебной системы инновационных цифровых технологий. По отношению к цели – повышению качества правосудия – они выступают одним из прогрессивных средств ее достижения.

Говоря о существующих реалиях в судебной системе России, председатель Совета судей Российской Федерации В.В. Момотов отметил: «С развитием электронного правосудия судебский корпус страны обоснованно связывает дальнейшее развитие его доступности как одной из составляющих его социальной эффективности»¹. Прежде всего, следует отметить, что направленность судебной деятельности в русле применения информационных технологий основывается на серьезной законодательно-нормативной базе всех уровней.

В соответствии с Указом Президента РФ «О стратегии развития информационного общества Российской Федерации на 2017–2030 годы»² предусматривается создание широкой программы развития информационной и коммуникационной структуры в нашем государстве. В этот процесс вовлекается и судебная система Российской Федерации, развитие которой предполагает последовательное внедрение и совершенствование системы электронного правосудия, отвечающего принципам открытости, свободного доступа к информации о деятельности судов путем электронного документооборота.

Возможности по внедрению в деятельность судов цифровых технологий предоставляет реализация федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 го-

¹ Выступление В.В. Момотова на парламентских слушаниях Совета Федерации по теме: «Вопросы обеспечения гарантий прав и свобод человека и гражданина. Качество, оперативность, доступность. О критериях социальной эффективности судебной власти» / В.В. Выступление // Адвокатская газета. – 2018. – № 24(281).

² Указ Президента РФ № 203 от 09.05.2017 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

ды»¹. В Постановлении Правительства, посвященного реализации данной программы, указывается «ряд проблем, связанных с качеством правосудия, сроками судопроизводства, недостаточной информированностью граждан о деятельности судебной системы, неудовлетворительной работой судов, неэффективным исполнением судебных актов, отсутствием необходимых условий для осуществления правосудия и др.»². В связи с чем, были выдвинуты задачи повышения качества правосудия и совершенствования судебной защиты посредством создания условий для развития электронного судопроизводства, облегчающего доступ к правосудию, ускоряющего процедуру рассмотрения уголовных дел.

На ведомственном уровне Верховный Суд РФ и Судебный Департамент при Верховном Суде РФ выработали ряд обязательных рекомендаций по внедрению цифровых технологий в практическую деятельность судов. В частности, детальной регламентации особенностей применения законодательства, регулирующего особенности использования документов в электронном виде в уголовном судопроизводстве, посвящено отдельное Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 57 от 26 декабря 2017 г.³.

Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 утвержден и введен в действие с 01 января 2017 г. порядок подачи в суд документов в электронном виде⁴.

В науке уголовного процесса такой четкости, которая есть в выработке практических алгоритмов работы судов в области применения электронных технологий, нет. Это ожидаемо, поскольку мозг человека не работает по заданному алгоритму.

¹ Постановление Правительства РФ № 1406 от 27.12.2012 «Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Верховный Суд РФ. – URL : <https://www.vsrfr.ru/files/26294> (дата обращения 18.09.2021).

⁴ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ № 251 от 27.12.2016 (ред. от 05.11.2019) «Об утверждении порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Как и любой процесс, цифровизация судопроизводства не может быть безграничной. В данном случае она должна осуществляться с учетом сохранения гарантий прав граждан на полноценную судебную защиту, которую невозможно обеспечить исключительно автоматически. Категорично это утверждение относится к уголовному судопроизводству, которое «на протяжении тысячелетий... было традиционной сферой человеческой деятельности»¹ и сегодня продолжает таковой оставаться в силу природы уголовно-процессуальных отношений, включающих весомую нравственную составляющую, которую учесть и воплотить в судопроизводстве под силу лишь человеку.

Как известно, в основу уголовно-процессуальной деятельности помимо правовых, заложены базовые нравственные ориентиры: гуманизм, справедливость, равенство, которые не поддаются алгоритмизации и «оцифрованию». Кроме того, присутствие в содержании уголовно-процессуального регулирования существенно значимых эмоционально-моральных и оценочных компонентов («внутреннее убеждение» «судейское усмотрение», «совесть судьи») не позволяет допускать такого уровня цифровизации уголовного судопроизводства, который оправдан в рамках иных видов судопроизводства. В связи с этим, следует говорить о необходимости дифференцированного подхода к вопросу о границах использования цифровизации в правосудии. Унификация процессуальных отраслей в данном случае не приемлема.

Эта позиция ясно демонстрируется Правительством России в представленном на заседании Государственной Думы РФ в апреле 2021 года проекте федерального закона о регулировании дистанционного участия в судебном процессе, который касается арбитражного, гражданско-процессуального и административного судопроизводства и не затрагивает вопросы функционирования электронного правосудия в уголовном процессе².

¹ Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости / Л.А. Воскобитова // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 5(150). – С. 93.

² Законопроект № 1144921-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования дистанционного участия в судебном процессе» // Система обеспечения законодательной деятельности. – URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1144921-7> (дата обращения 09.09.2021).

В науке уголовного процесса также обращается внимание на необходимость особого подхода к распространению инновационных технологий в уголовное судопроизводство, требующего первоначального тщательного обсуждения рисков цифровизации и определяющих критериев, «которыми сто́ит руководствоваться при принятии решения о возможности и необходимости разработки и внедрения таких технологий в уголовное судопроизводство...»¹.

Восприятие правосудия в сознании россиян исторически тесно связано не только с правом, но и с совестью². В настоящее время закрепленный в ст. 17 УПК РФ принцип свободы оценки доказательств включает положение о том, что судья, присяжные заседатели в ходе судебного разбирательства уголовного дела должны оценивать предлагаемую совокупность доказательств по их внутреннему убеждению, основывающемуся не только на законе, но и на совести. Под совестью в науке уголовного процесса предлагается понимать индивидуальную «способность судьи к самоконтролю в рамках уголовно-процессуального закона и к справедливости в праве»³.

И совесть, и внутреннее убеждение, и справедливость – субъективно-субъективные категории, которые верно применить к «нестандартным» обстоятельствам конкретного уголовного дела способен только человек. Формально постановить приговор «по шаблону» для судьи, возможно, значительно проще, но это прямой путь к выхолащиванию самой идеи справедливого, гуманного правосудия по уголовным делам. Очевидно, что внедрение «электронного правосудия» в уголовное судопроизводство нуждается в дополнительном осмыслении и в отдельном регулировании, с учетом его специфики.

¹ Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости ... – С. 93.

² Панкова О.В. Развитие доктринальных основ правосудия в дореволюционной России / О.В. Панкова // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2018. – № 3. – С. 171.

³ Якушева Т.В. Совесть судьи при оценке доказательств для постановления приговора как конституционная гарантия государственной защиты прав подсудимого / Т.В. Якушева, М.А. Стародубцева // Концепт. – 2019. – № 1. – С. 144–149.

Исключительное содержание уголовного судопроизводства требует особого подхода к выбору его формы, в том числе и «трансформированной» с помощью цифровых технологий. Процессуальная форма уголовного судопроизводства складывалась не одну сотню лет, она сформирована с учетом правовой культуры нашего общества, которая должна оставаться в своей основе неизменной. Какой бы прогрессивной не представлялась новая процессуальная форма, она не должна исказить базовое содержание уголовного процесса.

По своей природе цифровые технологии представляют собой разновидность процессуальных технологий, под которыми понимается система «объективированных в процессуально-правовых актах (нормативных, правореализационных и правоприменительных) способов, приемов и механизмов, позволяющих гарантированно достигать цели и задачи процессуально-правового регулирования, реализовывать права и законные интересы участников процессуально-правовых отношений»¹.

Иными словами, процессуально-правовые средства представляют собой законодательно предлагаемые правовые инструменты, оптимальный подбор и использование которых позволяет эффективно достигать целей судебного процесса².

Достижению целей как всего правосудия, так и его отдельных этапов, призваны служить и процессуально-цифровые технологии, под которыми предлагаем рассматривать нормативно предусмотренные способы, приемы и механизмы получения, обработки, передачи и сохранения информации, представляющей интерес для судопроизводства, с помощью современных компьютерных методик (айти-разработок).

Процесс внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводства, автоматизация его отдельных этапов не могут быть безграничными. Они должны проистекать с учетом его процессуально-правовой и нравственной природы, объективно присущих ему особенностей, влитых в устоявшуюся традиционную форму уголовного правосудия. Существующая фрагментарная регламентация инновационных технологий, внедряемых в современное

¹ Шрамкова М.Н. Указ. соч. – С. 13.

² Беляева Г.С. Процессуально-правовые средства: понятие, признаки и виды / Г.С. Беляева // Lex Russica (Русский закон). – 2015. – № 3. – С. 26.

уголовное судопроизводство, оставляет нерешенными ряд проблем нормативного регулирования. Требуется создание целостного нормативно-процессуального механизма реализации каждой инновационной технологии.

ВАРИАТИВНОСТЬ МЕХАНИЗМА ПРИНЯТИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Бурмагин С.В.

канд. юрид. наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела методической,
научно-исследовательской работы и качества образования
НЧОУ ВО «Северный институт предпринимательства»

Отечественной теории права хорошо известен термин «механизм», который широко используется для обозначения и дефиниции различных правовых явлений и конструкций, таких, например, как «механизм правового регулирования»¹, «процессуально-правовой механизм»², «механизм правоприменения»³, «механизм реализации» того или иного правового принципа⁴ и т.д.

В каждом подобном случае под механизмом подразумевают некий набор инструментов (правовых средств), с помощью или посредством которых в том или ином виде юридической деятельности обеспечивается достижение определенной цели. Аналогич-

¹ Алексеев С.С. Общая теория права. – М. : Проспект, 2009. – С. 364–365.

² Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. – М. : НОРМА, 2003. – С. 162–163.

³ Чванов О.А. Механизм правоприменения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1995. – С. 10–11.

⁴ Нафикова Г.А. Механизм реализации принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2010. – С. 11; Рыжкова И.А. Механизм реализации принципа уважения чести и достоинства личности при производстве следственных действий в России и за рубежом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2019. – С. 10.

ным образом в науке уголовно-процессуального права определяется механизм принятия уголовно-процессуальных, в том числе судебных, решений.

Так, профессор П.А. Лупинская, рассматривая общий механизм принятия решений как многофакторную систему, состоящую из взаимодействующих объективных и субъективных факторов, не только правового характера, но и социального, политического, психологического и личностного свойства, особое значение придает совокупности всех тех правовых средств, при помощи которых в правоприменительной деятельности обеспечивается принятие законных и обоснованных решений, и определяет эту совокупность как собственно юридический механизм принятия решений¹.

Как в любом системном образовании в юридическом или, как мы его определяем, процессуально-правовом механизме принятия решений выделяются структурные элементы, а поскольку принятие процессуального решения представляет собой акт правоприменения, то и свойственные процессу правоприменения этапы (или стадии).

Механизм принятия судебных решений в уголовном процессе очевидно является разновидностью общепроцессуального механизма, он упорядочивает и направляет интеллектуально-волевою деятельность судей при осуществлении ими уголовного правосудия. В системе механизма принятия судебных решений можно выделить такие структурные элементы как:

- 1) цель и задачи, на достижение или выполнение которых направлено решение;
- 2) объект решения – те конкретные общественные отношения, которые подлежат индивидуальному урегулированию посредством принимаемого решения;
- 3) предмет решения – тот правовой вопрос (комплекс вопросов) или правовая ситуация в целом, требующие правоприменительного судебного решения;
- 4) субъект решения – компетентный судебный орган;
- 5) определенные законом судебные полномочия по принятию решения;

¹ Лупинская П.А. Теоретические основы принятия решений в советском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1973. – С. 12–13.

- 6) способы инициирования решения;
- 7) фактические и юридические основания и процессуальные условия принятия решения;
- 8) средства и методы установления оснований решения и вынесения его судом;
- 9) альтернативы решения и условия их выбора;
- 10) процессуально-правовые факторы влияния на принятие решения;
- 11) процедура принятия судебного решения.

В таком обобщённом представлении механизм принятия судебного решения имеет универсальный характер и распространяет свое действие на все без исключения решения уголовного суда, раскрывает нам процесс принятия судебного решения так сказать в общем, абстрактном виде. Но реальное уголовное судопроизводство более конкретно, оно охватывает целую систему многочисленных и разнообразных судебных решений, различающихся по многим параметрам и принимаемых в различных видах судебно-уголовных производств: основных, контрольных, исполнительных, реабилитационных¹, что неизбежно обуславливает специфику их принятия, которая и отражается в механизме принятия судебных решений.

При этом, как полагаем, нет оснований утверждать о возможности конкретизации общего для всех решений механизма их принятия до уровня единичных судебных дел, т.е. вести речь о множестве механизмов принятия судебных решений, каждый из которых был бы предназначен для отдельного вида судебного решения, а тем более – для индивидуального решения по конкретному делу.

Как уже отмечено, механизм принятия судебного решения универсален, его структура и элементный состав постоянны. Изменению, в зависимости от реальных условий функционирования данного механизма, подвергается только содержательное наполнение его элементов. Например, различные виды судебных решений принимаются определенными судебными органами, имеют специфическое целевое назначение, для них в законе установле-

¹ Подробнее о типах и видах судебных производств в уголовном процессе см.: Бурмагин С.В. Судебные производства и решения в системе уголовного правосудия : монография. – М., 2021. – С. 214–362.

ны собственные основания и условия их принятия, для их вынесения предусмотрены соответствующие судебные полномочия и, как правило, своеобразная процедура.

Поэтому с научной точки зрения корректнее выделять не модели самого механизма принятия судебных решений, что встречается у некоторых авторов¹, а модели (или варианты) его реализации. Иными словами, вариативность механизма принятия судебного решения существует не в структуре механизма (совокупность его элементов всегда постоянна, и ни один из них не выпадает из механизма), а в содержании элементов механизма, которое варьируется в зависимости от множества факторов. П.А. Лупинская, например, указывала, что правовые модели принятия решений в уголовном процессе могут различаться фактическими основаниями для их принятия, уровнем доказанности этих оснований, правовыми выводами (собственно решениями), которые должны или могут последовать за установленными фактически основаниями².

На наш взгляд, наиболее значимым для вариативности принятия судебных решений фактором является дифференциация судебных решений по их функционально-целевому назначению, по видам уголовно-процессуальной деятельности суда или соответствующих судебных производств, для которых предназначены решения, а также по отношению к главному (основному) вопросу рассматриваемого судом дела.

На основе данных критериев в познавательных целях и для успешного решения практических правоприменительных задач можно и необходимо разграничить:

а) модели принятия итоговых и промежуточных судебных решений: процесс принятия первых охватывается всем уголовным производством в определенной судебной инстанции, а вторых – ограничивается соответствующей судебной процедурой, являющейся всего лишь частью того или иного судебного производства;

б) модели принятия промежуточных (вспомогательных) решений в устной форме с их фиксацией в протоколе судебного

¹ Беляев М.В. Судебные решения в российском уголовном процессе: теоретические основы, законодательство и практика : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2019. – С. 215.

² Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. – М., 2010. – С. 101.

заседания и в письменной форме с вынесением отдельного судебного акта;

в) модели принятия основных судебных решений, завершающих различные виды судебно-уголовных производств: основных (по уголовным делам), контрольных, исполнительных, реабилитационных, судебно-проверочных и т.д.

В заключение следует отметить, что детальное изучение механизма принятия судебных решений и анализ моделей его реализации в уголовном правосудии имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, поскольку позволяет:

– во-первых, познать как общие закономерности принятия судебных решений, так и частные, особенные, характерные для отдельных видов судебных производств и судебных решений, предусмотренных в уголовном процессе;

– во-вторых, выявить недостатки правовой регламентации процесса принятия тех или иных судебных решений;

– в-третьих, учесть эти закономерности, особенности и недостатки в процессе правового регулирования судебной деятельности и в практике судебного правоприменения в целях совершенствования и повышения эффективности уголовного правосудия.

РАССМОТРЕНИЕ ЗАМЕЧАНИЙ НА ПРОТОКОЛ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Валов С.В.

канд. юрид. наук, доцент,

старший научный сотрудник

научно-исследовательского отдела

ФГКОУВО «Московская академия

Следственного комитета Российской Федерации

Замечание – это обращение, используемое адресантом для фиксации недостатков, обнаруженных им в ходе или результатах деятельности государственных органов и должностных лиц без указания путей и средств устранения выявленных отклонений.

Как правило, такое обращение представляется в форме краткого суждения или высказывания по поводу чего-нибудь увиденного, услышанного, прочитанного. Поскольку такие обращения являются результатом сопоставления модели с реальностью или своего представления об идеале с происходившим в действительности, то зачастую замечания носят критический характер, содержат в себе указание на выявленные противоречия или ошибки. Данное свойство замечаний отмечается в рекомендательных документах Генеральной Ассамблеи ООН¹.

В отличие от предложений в замечаниях не высказывается мнение о мерах, которые должен предпринять государственный орган или его должностное лицо для устранения выявленного недостатка². Полагаем, что это связано с тем, что субъективное мнение адресанта может отражать его заблуждения относительно хода и результатов деятельности государственного органа и его должностных лиц.

В универсальном порядке рассмотрения обращений замечания являются разновидностью заявлений³. В уголовном судопроизводстве им придается самостоятельное значение.

Замечания допускается приносить в ходе досудебного (ч. 6 ст. 166 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁴) и судебного (ст. 260, ч. 2 ст. 338 УПК РФ) производства по уголовному делу.

Обращения участников уголовного судопроизводства, адресованные должностным лицам следственных органов по вопро-

¹ Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы: утверждена Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 09 декабря 1998 г. № 53/144. Ст. 8. – URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/defender.shtml (дата обращения 01 ноября 2021).

² Мальков В.В. Советское законодательство о жалобах и заявлениях. – М. : МГУ, 1967. – С. 10.

³ См. п. 3 ст. 4 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (ред. от 27.12.2018). СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060; 2018. № 53. Ч. I. Ст. 8454.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 01.07.2021). СЗ РФ. 2001. № 52. Ч. I. Ст. 4921; 2021. № 27. Ч. I. Ст. 5122 (далее – УПК РФ).

сам, связанным с проведением ими проверки сообщений о преступлениях или производством предварительного расследования по уголовным делам, рассматриваются в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством.

Право подавать замечания на протоколы следственных и судебных действий является одним из элементов правового статуса участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения (п. 10, 17 ч. 2 ст. 42, п. 16 ч. 4 ст. 44 УПК РФ) и защиты (п. 8 ч. 4 ст. 46, п. 10, 17 ч. 4 ст. 47, ч. 2 ст. 53, п. 13 ч. 2 ст. 54 УПК РФ), а равно иных участников уголовного судопроизводства (п. 3 ч. 3 ст. 58, п. 2 ч. 3 ст. 59, п. 1 ч. 3 ст. 60 УПК РФ).

Право принесения замечаний имеется у всех лиц, непосредственно участвовавших в следственном и ином процессуальном действии. Как известно, субъекты следственного и иного процессуального действия делятся на обязательных и факультативных участников. Состав обязательных субъектов каждого следственного или иного процессуального действия определяется законом, а факультативные участники допускаются к участию в них на основании решения должностного лица, производящего конкретное следственное действие. Они могут воспользоваться своим правом на принесение замечаний только, если принимали участие в том следственном действии, о ходе и результатах которого составлен протокол, с которым их знакомят. Данный вид обращения может быть адресован только лицу, непосредственно производящему следственное действие.

Указанными характеристиками замечания отличаются от других видов обращений – ходатайств, жалоб и отводов. Субъектами заявления ходатайств (ч. 1 ст. 119 УПК РФ) и жалоб (ч. 1 ст. 123 УПК РФ) являются не только участники уголовного судопроизводства, но и иные лица, права и законные интересы которых затронуты в ходе досудебного производства процессуальными действиями или принятием процессуальных решений. Субъектами заявления отводов является ограниченный перечень участников уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 62 УПК РФ) вне зависимости от их участия в конкретном процессуальном действии.

Замечания могут приноситься не только на протоколы следственных действий, но и иных процессуальных действий, ход и результаты которых в ходе досудебного производства оформляются данным видом процессуального документа. Так, в соответ-

ствии с ч. 8 ст. 115 УПК РФ протокол составляется при наложении ареста на имущество. В связи с этим далее положения о замечаниях рассматриваются в связи с протоколами процессуальных действий, если не оговорено другое.

В соответствии с универсальным правилом, содержащимся в ч. 6 ст. 166 УПК РФ, замечания приносятся в ходе производства следственного или иного процессуального действия на этапе окончательного оформления его результатов, после ознакомления с предварительным вариантом протокола.

Исходя из того, что замечания могут дополнять или уточнять содержание протокола, они могут быть выражением как позитивной критической позиции субъекта, стремящегося обеспечить полное и достоверное отражение в протоколе хода и результатов процессуального действия, так и деструктивной, направленной исключительно против кого-либо или чего-либо, к кому или чему имеется негативное отношение.

Полагаем, что замечания могут касаться как содержания, так и формы протокола. Говоря о форме, рассматриваем суждения о наличии в протоколе обязательных реквизитов, удостоверяющих производство следственных или иных процессуальных действий в соответствии с требованиями закона (ч. 3 ст. 166 УПК РФ). Замечания к содержанию протокола в большей степени отражают оценку субъектом хода и результатов следственного и иного процессуального действия, их фиксации при написании текста от руки или выполнении его с помощью технических средств.

Порядок рассмотрения замечаний участников следственных и иных процессуальных действий определяется общими и особенными правилами их производства. Поскольку все внесённые в ходе производства процессуального действия замечания о дополнении и уточнении протокола должны быть оговорены и удостоверены подписями этих лиц (ст. 166 УПК РФ), то они должны быть рассмотрены следователем незамедлительно. Аналогичный порядок установлен и для председательствующего при рассмотрении замечаний на протокол судебного заседания (ст. 260 УПК РФ).

Вместе с тем, ч. 7 ст. 186 УПК РФ изначально устанавливала несколько иной порядок принесения замечаний на протокол о результатах осмотра и прослушивания фонограммы, в которой отражены результаты контроля и записи телефонных и иных переговоров. Участники осмотра и прослушивания фонограммы были

наделены законодателем правом изложить свои замечания в том же протоколе или отдельно. Аналогичная правовая конструкция применена законодателем для порядка фиксации в протоколе результатов осмотра документов, содержащих информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ч. 5 ст. 186¹ УПК РФ).

Когда замечания изложены участником выше указанных следственных действий непосредственно в протоколе, то они рассматриваются в общем порядке, определённом ч. 6 ст. 166 УПК РФ. В соответствии с ним все внесённые замечания о дополнении и уточнении протокола оговариваются и удостоверяются подписью участника следственного действия, который высказал замечания.

Закон не уточняет порядок действий в том случае, когда субъект принесения замечаний на протокол воспользуется правом изложить их отдельно. Возникают вопросы к временному интервалу объективации таких замечаний: должны ли они быть произнесены (оформлены) в период производства следственного и иного процессуального действия или за его пределами?

На возможность принесения замечаний после окончания следственного или иного процессуального действия в определенной степени может указывать норма, содержащаяся в ч. 1 ст. 166 УПК РФ, согласно которой протокол составляется в ходе следственного действия или непосредственно после его окончания. При системном толковании ч. 1 ст. 166, ч. 7 ст. 186 и ч. 5 ст. 186¹ УПК РФ можно прийти к выводу о том, что участник может реализовать свое право изложить замечания отдельно от протокола после его составления, т.е. после завершения следственного действия.

Допускаем, что законодатель конструкцией ч. 7 ст. 186, ч. 5 ст. 186¹ УПК РФ стремился закрепить право участника на неприкосновенность к процессуально непригодной форме фиксации хода и результатов следственного действия. Неприкосновенность выражается в отказе подписать составленный следователем протокол, но вместе с тем в пределах времени производства следственного действия изложить в письменной форме свою оценку хода и содержания следственного действия, в котором субъект принимал участие. Включение во временной интервал производ-

ства следственного действия процедуры изложения замечаний на отдельном бумажном носителе и его приобщения к протоколу может быть зафиксировано записью в протоколе о приобщении к нему в качестве дополнения отдельно изложенных замечаний одного из участников. Факт отказа от подписания протокола участником, воспользовавшимся правом внести замечания отдельно от протокола, удостоверяется в соответствии с требованиями ч. 1 и 2 ст. 167 УПК РФ.

Полагаем, что если замечания на протокол осмотра и прослушивания фонограммы, а также на протокол осмотра документов, содержащих информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, были представлены отдельно (за пределами промежутка времени, в течении которого были составлены указанные протоколы), то они могут быть рассмотрены в порядке, аналогичном для рассмотрения председательствующим замечаний на аудиозапись судебного заседания, а именно в течение 2 суток со дня их подачи.

УПК РФ прямо не определяет, необходимо ли следователю выносить постановление о рассмотрении замечаний. Полагаем, что в связи с тем, что порядки и сроки составления протокола следственного действия и судебного заседания в определённой степени различаются, следователь не выносит постановление о рассмотрении замечаний, поступивших непосредственно в ходе составления протокола. Тем более закон обязывает следователя внести в протокол все поступившие от участников следственного действия замечания о его дополнении или уточнении. Записи о дополнении или уточнении протокола могут быть выполнены или следователем, или лицом, сделавшим соответствующие замечания (ч. 2 ст. 166 УПК РФ). Но в том и другом случаях внесённые в протокол замечания должны быть оговорены и удостоверены подписями лиц, реализовавших свое право на принесение замечаний (ч. 6 ст. 166 УПК РФ).

Если субъект, имеющий право на принесение замечаний, не воспользовался предоставленным ему правом, то свои обращения, касающиеся хода и результатов следственного или иного процессуального действия, а также их полноты, правильности и достоверности фиксации в протоколе, он должен оформить в иной процессуальной форме в виде ходатайства или жалобы.

Вместе с тем, если замечания были поданы отдельно от протокола и за пределами временного периода его составления со ссылкой на ч. 7 ст. 186, ч. 5 ст. 186¹ УПК РФ, то следователю необходимо вынести постановление об удостоверении правильности или отклонении принесённых замечаний, об изменении текста протокола, на который были принесены удовлетворенные замечания.

Таким образом, в досудебном производстве замечания рассматриваются в качестве одного из видов обращений участников уголовного судопроизводства, адресованных субъекту, производящему проверку сообщения о преступлении или предварительное расследование по уголовному делу и составляющему по результатам своей процессуальной деятельности протокол следственного или иного процессуального действия.

Правом принесения замечаний на протокол имеют только те субъекты, которые непосредственно принимали участие в конкретном следственном или ином процессуальном действии, о ходе и результатах которого составлен протокол.

Законодателем установлен общий и особенный порядки принесения и рассмотрения замечаний на протоколы следственных и иных процессуальных действий.

Особый порядок принесения замечаний на протокол установлен для фиксации хода и результатов производства осмотра и прослушивания фонограммы, осмотра документов, содержащих информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Законодательная модель рассмотрения принесённых отдельно от протокола замечаний по результатам производства указанных выше следственных действий не отличается полнотой и логичностью. Она допускает возможность рассмотрения замечаний как в период составления протокола, так и после его оформления следователем. Правовая неопределённость в регулировании рассмотрения отдельно принесённых замечаний требует внесения изменений в правовые нормы о порядке составления протоколов о ходе и результатах осмотра и прослушивания фонограммы, а также осмотра документов, содержащих информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

ВИДЕОЗАПИСЬ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Генрих Н.В.

канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-процессуального права,
Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»

В идеозапись, являясь одним из передовых средств фиксации информации о событиях, происходящих в окружающем нас мире, в сочетании с современными цифровыми средствами телекоммуникации и связи, позволяет решать весьма эффективно многие задачи в различных областях человеческой деятельности, в том числе и в судопроизводстве.

Анализ современного законодательства, регламентирующего судопроизводство в России, позволяет нам с определенной долей условности выделить пять, относительно самостоятельных, и в то же время взаимообусловленных форм применения видеозаписи.

1. Применение видеозаписи, как средства обеспечения эффективности судопроизводства (п. 6 ст. 155 АП РФ, ст. 230 ГПК РФ, ч. 4. ст. 250 КАС РФ, ч. 5 ст. 259 УПК РФ; ст. 278.1, п. 8 ст. 389.13 УПК РФ)¹.

2. Применение видеозаписи, как средства обеспечения реализации принципа гласности и открытости судопроизводства (ч. 5 ст. 241 УПК РФ)².

¹ См.: Добровлянина О.В. Внедрение новых электронных технологий в уголовное судопроизводство / О.В. Добровлянина // *Ex jure*. – 2019. – № 2. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/vnedrenie-novyh-elektronnyh-tehnologiy-v-ugolovnoe-sudoproizvodstvo> (дата обращения 16.11.2021).

² См.: п. 12 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов». – URL : <https://base.garant.ru/70281236>

3. Применение видеозаписи, как средства обеспечения права на защиту отдельных участников уголовного процесса, например, несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего (ч. 5 ст. 191 УПК РФ).

4. Применение видеозаписи, как средства фиксации результатов производства следственных и иных процессуальных действий (ч. 6 ст. 164, ч. 8. ст. 166, ч. 5. ст. 179, ч. 4 ст. 190, 278.1 УПК РФ);

5. Использование видеозаписи как самостоятельного доказательства, хранящегося на цифровом или магнитном носителе, например, на жестком диске ПЭВМ или на съемном диске – Флэш-карте (ч. 2 ст. 84 УПК РФ).

Видеозапись в уголовном судопроизводстве может применяться на всех стадиях процесса без исключения, облачаясь практически во все вышеперечисленные формы. И только в одном случае законодатель устанавливает запрет на ее осуществление – при производстве осмотра, обыска и (или) выемки жилых и служебных помещений, занимаемых адвокатом (ч. 2 ст. 450.1 УПК РФ).

Применение видеозаписи, как правило, носит необязательный характер, т.е., осуществляется по усмотрению следователя или суда. Исключение составляют лишь только те случаи, когда она носит обязательный характер. Например, производство следственных действий с участием несовершеннолетних свидетелей или потерпевших, если несовершеннолетний свидетель или потерпевший, либо их законные представители не высказались против этого (ч. 5 ст. 191 УПК РФ).

Надо признать, что применение ее при производстве следственных действий носит двойкий характер своей направленности. Во-первых, позволяет весьма эффективно осуществлять процесс собирания и фиксации доказательственной информации, придавая не только самому производству следственного действия законный характер, но и процессу собирания и фиксации доказательственной информации. По сути дела, она выступает ничем иным, как средством, запускающим механизм признания доказательства допустимым в будущем.

С другой стороны, видеозапись, полученная в таком формате, может рассматриваться доказательством только в сочетании с

протоколом следственного действия, в рамках производства которого она была получена. В какой-то мере данный тезис противоречит требованиям Закона, гласящим о том, что «...никакие доказательства не имеют заранее установленной силы...» (ч. 2 ст. 17 УПК РФ). И все же, если оценивать такую видеозапись с позиции ее информативности события преступления, то она будет существенно уступать в этом компоненте видеозаписи, которая содержит сведения о самом факте совершения преступления, либо о других обстоятельствах, входящих в предмет доказывания по уголовному делу.

В этой связи, хотелось бы отдельно остановиться на характеристике видеозаписи, которая выступает в качестве самостоятельного доказательства.

Итак, видеозапись, как самостоятельное доказательство в уголовном судопроизводстве относится к числу иных документов, которые по мнению законодателя – цитата из УПК РФ: – «...документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. К ним могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном ст. 86 УПК РФ...» (ч. 2 ст. 84 УПК РФ).

Как видим, законодатель допускает возможность использования в доказывании видеозаписи в качестве самостоятельного доказательства при условии, если будут соблюдены требования ст. 86 УПК РФ «Собирание доказательств». И вот с этого момента возникает достаточно много вопросов не только к собиранию такого рода доказательства, но и к оценке.

В качестве субъектов собирания такого рода доказательств Закон рассматривает дознавателя, следователя, прокурора и суд (ч. 1 ст. 86 УПК РФ), а также защитника (ч. 3 ст. 86 УПК РФ). Что же касается подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего, то они, по смыслу Закона (ч. 2 ст. 84 и ч. 2 ст. 86 УПК РФ) вправе собирать только «... письменные документы и предметы...». А это значит, что данные участники уголовного процесса собирать и предоставлять доказательства с использованием видеозаписи не могут.

Парадоксальным в этом отношении является правовое положение свидетеля, который в качестве субъекта собирания дока-

зательственной информации законодателем не рассматривается вообще. Отсюда все дискуссии относительно допустимости видеозаписи в качестве доказательства, собранной свидетелем, являются бесполезными и бессмысленными, ибо решение данного вопроса отнесено к компетенции следователя или суда, а у тех, в свою очередь, в работе с доказательствами всегда есть соблазн, в каждом удобном для них случае признавать или не признавать допустимым доказательством – видеозапись, представленную свидетелем только на том основании, что она была получена не уполномоченным на то субъектом.

Надо признать, что судебная практика признания в качестве доказательств аудио- и видеозаписи представляется весьма противоречивой. В подтверждение данного тезиса приведем несколько примеров, которые на наш взгляд, заслуживают внимания.

В частности, судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, давая правовую оценку выводам апелляционной и кассационной инстанциям, признавшим представленную истицей аудиозапись телефонных переговоров недопустимым доказательствам, отменил данное решение, тем самым признав их допустимыми¹.

В другом случае, только уже в рамках уголовного судопроизводства, судья Мещанского суда, рассматривавшая уголовное дело по обвинению гр. Е., в вопросе оценки доказательств (видеозаписи) принимает весьма странное решение. Вначале, по ходатайству стороны защиты, разрешает осмотреть визуально CD диски с аудио и видеозаписями, приобщенными следствием в качестве вещественных доказательств, однако затем отказывает в их прослушивании и просмотре.

Мосгорсуд и Верховный суд, в свою очередь на последующие апелляционные и кассационные жалобы разъяснили, что требования ст. 284 УПК РФ об осмотре вещественных доказательств судом первой инстанции были соблюдены.

Не остался в стороне и Конституционный Суд РФ, который, отказывая в рассмотрении жалобы гр. Е. – обвиняемого по дан-

¹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 06.12.2016 № 35-КГ16-18. – URL : <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-06122016-n-35-kg16-18>

ному уголовному делу, указал, что отказ суда от просмотра и исследования видео и аудиозаписей, приобщенных в качестве доказательств к материалам уголовного дела, допускается, если вина подсудимого подтверждается другими доказательства имеющимися в деле¹.

Надо признать, что на этом чудеса в судебной практике не заканчиваются, и в качестве примера хотелось бы привести выдержки из апелляционного постановления суда, рассматривавшего жалобу стороны защиты подсудимого гр. Ф., обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 115 УК РФ.

Цитата из описательной части выше указанного постановления: – «...в судебном заседании 2016 года, при исследовании признанной в качестве вещественного доказательства по уголовному делу «№» видеозаписи на флэш-карте в корпусе красного цвета с имевшимся на ней файлом с названием «...», было обнаружено отсутствие на ней файла «...», а также отсутствие каких-либо других файлов.

Однако позже судом был допущен подлог вещественных доказательств в уголовное дело – незаконно подложена видеозапись на флэш-карте в корпусе черного цвета с зеленой полоской с крышкой черного цвета с записью файла «...». Данную флэш-карту, в связи с утратой вещественного доказательства по делу, предоставил в судебное заседание потерпевший...». Данная видеозапись судом не была признана в качестве доказательства по уголовному делу, однако позже, при постановлении приговора, он сослался на нее, именно как доказательство².

И наконец, приведем еще один пример, когда суд апелляционной инстанции, рассматривая жалобу стороны защиты, в по-

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ №2399-О от 24.11.2016: «об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Евдокимова Дениса Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 284 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. – URL : [https://C:/Users/User/Downloads/Определение%20КС%20РФ%20\(3\).pdf](https://C:/Users/User/Downloads/Определение%20КС%20РФ%20(3).pdf)

² См.: Апелляционное постановление апелляционного суда Обского городского суда Новосибирской области по уголовному делу № 10-3/2017 от 17 марта 2017 года по обвинению гр. Ф., в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК РФ. – URL : <https://sudact.ru/regular/doc/kJ399kaCtIbC>

рядке ст. 125 УПК РФ на неправомерные действия суда первой инстанции и органов предварительного следствия, принял поистине соломоново решение. Действия суда первой инстанции, отказавшего стороне защиты в осмотре и оценке видеозаписи, на которой были запечатлены неправомерные действия сотрудников органа дознания и предварительного следствия, осуществлявших проверку сообщения о совершенном преступлении, в порядке ст. 144 УПК РФ – признал правомерными, а действия следователя – незаконными. При этом, давая оценку действиям суда первой инстанции, апелляционный суд, исследовав обстоятельства дела, в том числе и видеозапись, представленную стороной защиты, указал следующее – что «...при проверке законности и обоснованности решений и действий (бездействия) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, судья не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела. В частности, судья не вправе делать выводы о фактических обстоятельствах дела, об оценке доказательств и квалификации деяния...»¹.

Как видим, судебная практика применения и использования видеозаписи в уголовном судопроизводстве, представляется весьма неоднозначной и противоречивой, что позволяет сделать вывод о существовании проблем системного характера.

Полагаем, что их преодоление невозможно без проведения существенной ревизии норм действующего уголовно-процессуального законодательства.

В частности, необходимо создание правового механизма сдержек и противовесов в системе осуществления правосудия за счет усиления ответственности судей за вынесение заведомо не-

¹ См.: Постановление суда апелляционной инстанции Краснодарского краевого суда. Материалы уголовного дела № 14367019/14. Архив СУ СК РФ по Краснодарскому краю. «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 10.02.2009 г. (п. 1.3) (с изм. доп. Внесен. постановлениями Пленума от 23 декабря 2010 г. № 31, от 09 февраля 2012 г. № 3, от 28 января 2014 г. № 2 и от 24 мая 2016 г. № 23, от 29 ноября 2016 г. № 56). – URL : <https://www.vsrf.ru/documents/own/8099/> (дата обращения 09.12.21).

обоснованных, неправосудных решений. Наряду с этим необходимо устранить существующий дисбаланс в объеме процессуальных прав свидетеля собирать доказательства, предоставив ему более широкие права – собирать доказательства всеми законными способами, в том числе и с использованием аудио- и видео записывающих устройств.

МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОБВИНЯЕМЫХ (ПОДОЗРЕВАЕМЫХ): ВИДЫ И ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ

Губко И.В.

канд. юрид. наук, доцент кафедры
уголовно-процессуального права
Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»

Лукаш Я.О.

магистрант 2-го курса
магистерской программы
«Судебная и прокурорская деятельность по уголовным делам»

В современном уголовном процессе метод принуждения является одними из элементов механизма уголовного преследования, инструментом целенаправленного воздействия на поведение его участников, позволяющем обеспечить их надлежащее поведение для реализации целей, задач и назначения уголовного судопроизводства. Исходя из императивных начал последнего, основным предназначением мер процессуального принуждения является создание благоприятных условий для наиболее полного, всестороннего и объективного осуществления уголовного преследования. Все меры процессуального принуждения по своему объективному содержанию представляют собой правовые ограничения, но отличаются, в зависимости от их вида, по-

рядком избрания, составом участников уголовного судопроизводства, в отношении которых они применяются, степенью строгости налагаемых ограничений и некоторыми другими критериями. Исходя из степени строгости налагаемых ограничений, особое место в системе мер процессуального принуждения отводится мерам пресечения, применяемым в отношении лиц, обвиняемых или подозреваемых в совершении преступлений, в числе которых достаточное количество составляют несовершеннолетние.

Особенности уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних обусловлены их особым правовым статусом, предусматривающим дополнительные процессуальные гарантии, обусловленные возрастными особенностями личности: повышенной эмоциональностью и неуравновешенностью, отсутствием достаточного жизненного опыта, склонностью к подражанию, несколько искаженным восприятием окружающей его действительности. Именно эти обстоятельства обусловили необходимость усложнения процессуальной формы уголовного судопроизводства в отношении этой категории лиц, в том числе и посредством установления дополнительных процессуальных гарантий обеспечения прав и свобод личности, в том числе при применении мер пресечения.

Согласно российскому уголовно-процессуальному законодательству, производство по делам в отношении несовершеннолетних осуществляется в общем порядке с изъятиями, установленными главой 50 Уголовно-процессуального кодекса РФ¹. Таким образом, оно не устанавливает самостоятельной цели уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних, что, по мнению Г.П. Химичевой, не всегда позволяет в должной степени учесть баланс между правами несовершеннолетних и общими целями уголовного судопроизводства². Также не предусмотрен порядок применения мер пресечения в отношении указанной категории обвиняемых (подозреваемых).

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (далее УПК РФ) // Собрание законодательства Российской Федерации № 52 от 24.12.2001 г. Ст. 4921.

² Химичева Г.П. Несовершеннолетний обвиняемый (подозреваемый): меры пресечения / Г.П. Химичева // Уголовное судопроизводство. – 2014. – № 4. – С. 20–24.

Система мер пресечения определена в ст. 98 УПК РФ, в которой последовательно закреплён исчерпывающий перечень мер пресечения от наименее строгой – подписка о невыезде, до, предполагающей максимальные ограничения конституционных прав личности, – заключения под стражу. Одновременно, в зависимости от категории обвиняемых (подозреваемых), выделяют специальные меры пресечения, применяемые к отдельным категориям лиц: наблюдение командования воинской части (ст. 104 УПК РФ) и присмотр за несовершеннолетним обвиняемым или подозреваемым (ст. 105 УПК РФ), применяемый исключительно в отношении несовершеннолетних обвиняемых. С учетом этих изъятий, все остальные российские меры пресечения являются общими и могут быть применены в отношении несовершеннолетних лиц с учетом некоторых особенностей процедуры и условий.

Российское уголовно-процессуальное законодательство не дифференцирует порядок избрания мер пресечения в отношении несовершеннолетних и взрослых подозреваемых, обвиняемых. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым схож с такой мерой пресечения, как подписка о невыезде и надлежащем поведении. Существенным и важным отличием является то обстоятельство, что в случае избрания подписки о невыезде подозреваемый или обвиняемый несет персональную ответственность за ее исполнение, при присмотре за несовершеннолетним данная ответственность возлагается на лиц, которые в силу действующего законодательства реализуют свои родительские обязанности.

Согласно ч. 2 ст. 423 УПК РФ при решении вопроса об избрании меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в каждом случае должна обсуждаться возможность отдачи его под присмотр. Пленум Верховного суда РФ в своем Постановлении от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» указал, что исходя из конкретных обстоятельств дела, тяжести преступления и с учетом данных о личности несовершеннолетнего, об условиях его жизни и воспитания, а также об отношениях с родителями судье на основании статьи 105 УПК РФ надлежит обсуждать возможность применения та-

кой меры пресечения, как присмотр за несовершеннолетним родителями, опекунов, попечителей или других заслуживающих доверия лиц, а за несовершеннолетним, находящимся в специализированном детском учреждении, – присмотр должностных лиц этого учреждения¹.

Несмотря на единство позиций законодателя и мнения Пленума Верховного Суда РФ в целесообразности применения присмотра в отношении несовершеннолетних обвиняемых, анализ правоприменительной практики показал, что в настоящее время данная мера пресечения следователями, дознавателями практически не применяется.

Определенную сложность в обеспечении эффективности этой меры пресечения представляет отсутствие убежденности следователя в том, что устанавливаемые им ограничения, действительно будут соблюдаться. Как следует из содержания ст. 105 УПК РФ, соблюдение установленных ограничений должно быть обеспечено наблюдением со стороны лиц, на которых возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. При этом, объективно, родители не всегда являются достаточным авторитетом для своих детей, равно как и опекуны, попечители или другие заслуживающие доверия лица, либо должностные лица специализированного детского учреждения. При этом, ст. 105 УПК РФ не требует согласия на применение присмотра ни подозреваемого, обвиняемого, ни вышеперечисленных и упоминаемых в ней субъектов. Очевидно, что применение присмотра эффективно только в случае заинтересованности осуществляющих присмотр лиц, при условии добровольного принятия на себя этих обязанностей, а также заинтересованности несовершеннолетнего в избрании в отношении него именно этой, наиболее мягкой меры пресечения.

Но и это не единственное условие. С.В. Тетюев подчеркивает, что следователи и дознаватели обязаны при избрании меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозрева-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий». – URL : http://www.consultant.ru/law/podborki/mera_presecheniya_v_otnoshenii_nesovershennoletnego

емым или обвиняемым обращать свое внимание на такие факторы, как условия, в которых подростки живут и воспитываются, насколько его родители, под чей присмотр они отдаются, могут на него позитивно влиять, не находятся ли данные лица в алкогольной, наркотической зависимости, не ведут ли они аморальный образ жизни¹.

В случае, если несовершеннолетнее лицо проживает в неблагополучной семье, а его законным представителем является сотрудник органа опеки и попечительства, то выбор меры пресечения для него крайне затруднителен ввиду невозможности ее обеспечения по прежнему месту жительства. В этом случае, несмотря на наличие целой системы мер пресечения, избрать аналогичную по степени строгости и с учетом специфики личности несовершеннолетнего подсудимого представляется крайне затруднительным.

Следует отметить, что современные авторы высказывают мнение, что «следует вообще отказаться от мер психологического характера (подписка о невыезде, поручительство во всех его проявлениях (ст. 103–105 УПК РФ) как самостоятельных мер пресечения, все пресекающее действие которых сводится к угрозе применения к нарушителю более жесткой меры пресечения»². Однако в случае осуществления уголовного преследования в отношении несовершеннолетних отказ от присмотра может существенно зависить планку репрессивности, строгости избираемых в отношении него мер пресечения, ввиду отсутствия реальной альтернативы в их выборе.

В качестве альтернативы ей выступают подписка о невыезде и надлежащем поведении, а также более строгие меры пресечения, избираемые на основании судебного решения, например, домашний арест или заключение под стражу. Более того, и эти меры недостаточно адаптированы к применению в отношении несовершеннолетних лиц. Так, А.А. Федорова справедливо отметила: «Уголовно-процессуальным законодательством прямо не

¹ Тетюев С.В. Избрание мер пресечения в отношении несовершеннолетних / С.В. Тетюев // Судья. – 2015. – № 7. – С. 20–23.

² Рудич В.В. О современной системе мер уголовно-процессуального принуждения – мер пресечения / В.В. Рудич // Российское право: образование, практика, наука. – 2021. – № 3. – С. 25–31.

установлены возрастные ограничения для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу несовершеннолетнему, обвиняемому в совершении преступления средней тяжести»¹, что также указывает на пробелы процессуального регулирования оснований избрания в отношении несовершеннолетних этой меры пресечения. Закон также не исключает возможности избрания меры пресечения в виде залога, но, как правило, эта мера пресечения не избирается ввиду ее малоэффективности в отношении несовершеннолетнего обвиняемого, и одновременно сложной процедуры ее применения.

В целях обеспечения альтернативы при избрании мер пресечения в отношении несовершеннолетних и обеспечения баланса между их строгостью и эффективностью достижения целей их применения предлагаем дополнить ст. 105 «Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым», указанием на ее разновидность – меру пресечения, сочетающую в себе черты домашнего ареста и передачи под присмотр, путем помещения несовершеннолетнего в специализированное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Так, в случае невозможности передачи несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого под присмотр его родителям, опекунам, попечителям или другим заслуживающим доверия лицам, по решению суда в порядке, установленном статьей 108 УПК РФ, он подлежит помещению в специализированное учебно-воспитательное учреждение ФСИН закрытого типа под присмотр назначенному судом сотруднику администрации, на срок до 2-х месяцев.

Целесообразно также дополнить действующую редакцию ст. 105 УПК РФ указанием на то, что «передача под присмотр осуществляется при наличии согласия родителей, опекуна, попечителя или другого заслуживающего доверия лица, и отсутствии обоснованных возражений в отношении кандидатов со стороны несовершеннолетнего обвиняемого». В указанный перечень не подлежат включению должностные лица специализированного детского учреждения, в котором находится несовершеннолетний,

¹ Федорова А.А. Меры уголовно-процессуального пресечения в отношении несовершеннолетних: правовое регулирование и практика / А.А. Федорова // Научный журнал «GLOBUS». – 2021. – Т. 7. – № 3 (60). – С. 48.

поскольку эта сфера деятельности охватывается их обязанностями, как работника ФСИН.

Полагаем, что предложенные направления совершенствования современного российского уголовно-процессуального законодательства будут способствовать обеспечению не только прав и законных интересов несовершеннолетних лиц, но и минимизирует применение процедур, оказывающих на них психотравмирующее воздействие.

ПРИЗНАКИ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: ВОПРОСЫ МЕХАНИЗМА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Егорова Т.И.

канд. юрид. наук,
докторант Академии «ФСИН России»

Курбатова Г.В.

канд. юрид. наук, доцент,
старший преподаватель
кафедры гражданского права и процесса
Академии «ФСИН России»

Расследование преступлений, совершенных в местах лишения свободы, обладает определенной спецификой, связанной с объективными и субъективными признаками посягательств. Несмотря на отсутствие в законодательстве особенностей уголовно-правовой характеристики массовых беспорядков в исправительных учреждениях, фактически они значительным образом отличаются от подобных деяний, совершенных в общественных местах. Общая картина массовых беспорядков, а также их отдельные эпизоды обладают особенностями фактов, связанных с объектом и объективной стороной посягательств, их субъектом и субъективной стороной.

Примечательно, например, что для массовых беспорядков в исправительных учреждениях достаточно типично отсутствие

подготовительного этапа. В рассматриваемом случае посягательство начинается стихийно. Объединение в пределах изолированной территории большого количества лиц, обладающих криминальным опытом, наличие лиц, склонных к неповиновению законным требованиям представителей власти, и лидеров преступных группировок является криминологически значимыми факторами в возникновении беспорядков.

Возникая в пределах жилых секций отрядов или участках промышленной зоны, массовые беспорядки направлены в первую очередь на повреждение и уничтожение находящегося там имущества, принуждение к поддержанию своих незаконных требований со стороны других осужденных, применение с этой целью угроз и насилия. Субъективная сторона на фоне прямого умысла характеризуется также целью оказать дезорганизующее воздействие на процесс исполнения наказания по мотиву недовольства требованиями режима, действиями администрации исправительного учреждения.

Нельзя согласиться в этой связи с мнением М.М. Миловановой, что поводом для массовых беспорядков «могут стать противоправные действия администрации, связанные с унижением, оскорблением, применением физического и иного насилия, специальных средств, оружия к осужденным, ужесточение по отношению к ним режимных требований и т.п.»¹. Как свидетельствует судебная практика, возникновение массовых беспорядков зачастую связано с существованием среди тюремного населения неформальной субкультуры. Игнорирование администрацией исправительных учреждений «авторитета» отдельных осужденных, склонных к систематическому нарушению режима отбывания наказания, является достаточным поводом для стихийного начала массовых беспорядков.

В случае наличия подготовки к массовым беспорядкам, действия организаторов направлены, в первую очередь, на приобретение или приспособление средств и орудий совершения преступления; создание условий для стремительного объединения криминальных усилий, перемещения по территории исправительного учреждения.

¹ Милованова М.М. Установление криминалистически значимой информации при расследовании массовых беспорядков / М.М. Милованова // Союз криминалистов и криминологов. – 2018. – № 1. – С. 148–153.

Как свидетельствует судебная практика, с началом массовых беспорядков в исправительных учреждениях выводится из рабочего состояния система видеонаблюдения, повреждаются системы электроснабжения и сигнализации.

На основном этапе массовые беспорядки распространяются на определенную часть жилой или производственной зоны, агрессия участников направляется на имущество исправительного учреждения, совершение его погрома и поджога. Организация данных действий состоит в непосредственном руководстве «противоправными действиями толпы»¹.

Отличительной чертой основного этапа развития массовых беспорядков в исправительных учреждениях является совершение их организаторами и активными участниками уголовно наказуемых деяний, связанных с применением насилия «к неопределенному кругу лиц: как к осужденным, так и к сотрудникам исправительных учреждений»². Зачастую насилие применяется к положительно характеризующимся осужденным. Их мотивом может быть месть за активную правопослушную позицию при отбывании наказания и цель воспрепятствования их ресоциализации.

Выдвигаются конкретные требования, в основном связанные, с ограничением проведения обысковых и досмотровых мероприятий, а также исключения случаев применения сотрудниками уголовно-исполнительной системы физической силы, спецсредств и оружия в отношении осужденных.

На заключительном этапе массовых беспорядков, в обстановке неизбежности привлечения к уголовной ответственности, их организаторы и руководители предпринимают действия, направленные на сокрытие следов преступления, воспрепятствование раскрытию и предварительному расследованию, в том числе путем воздействия на потерпевших.

¹ Мачехин М.С. Организация массовых беспорядков и уголовное наказание за это преступление / М.С. Мачехин // Вопросы российского и международного права. – 2020. – Т. 10. – № 10-1. – С. 154–162.

² Красильникова М.С. Дискуссионные вопросы юридической оценки действий, дезорганизующих работу учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества / М.С. Красильникова // Вестник Кузбасского института. – 2018. – № 3(36). – С. 35–48.

Введение на данном этапе режима особых условий функционирования исправительного учреждения во многом способствует разобщению участников преступной деятельности, сохранению следов преступления, обеспечивает благоприятные условия для предварительного расследования¹.

В правоприменительной практике достаточно распространены случаи активного содействия участников массовых беспорядков раскрытию и расследованию преступлений, согласия с обвинением. Встречаются также примеры заключения участниками преступлений досудебных соглашений с правоохранительными органами.

Очевидно, что разделение массовых беспорядков по этапам развития преступной деятельности позволяет определить характер и степень повреждения охраняемого уголовным правом объекта и существования иных реальных угроз социальным ценностям. По верному утверждению В.Г. Енгибарян, установление «внутренних связей между этапами и их изучение – важный вопрос для следственной, экспертной и судебной практики, поскольку информация, почерпнутая при изучении данных связей, позволяет не только установить неизвестные обстоятельства, но и исследовать конкретное преступление в его развитии»².

Разграничение признаков состава преступления на этапах возникновения, развития и завершения позволяет более объективно установить их характерные черты, свидетельствующие об определенной степени общественной опасности. Механизм массовых беспорядков в исправительных учреждениях во многом зависит, таким образом, от границ в которых возникли и протекали преступления, длительности и интенсивности посягательств, изменений численного состава организаторов и участников их совершения, а также разнообразия мотивов и целей преступной де-

¹ Горбань Д.В. Законодательство в области исполнения наказаний в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения: ретроспективные и современные вопросы / Д.В. Горбань, О.С. Ефремова // Вестник Могилевского института МВД. – 2020. – № 2. – С. 20–27.

² Енгибарян В.Г. Расследование массовых беспорядков: теоретические, организационные и методико-криминалистические основы по материалам Республики Армения : дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2015. – 422 с.

тельности. Изменение объектной стороны массовых беспорядков тесно связано с расширением круга субъектов, участвующих в совершении преступлений, а также трансформацией интеллектуально-волевых характеристик отношения к совершаемым противоправным действиям, их целям и мотивам.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Кольчурин А.Г.

канд. юрид. наук,

доцент кафедры уголовно-процессуального права,

Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством РФ использование видео-конференц-связи (ВКС) возможно при рассмотрении дел в суде. В основном, такая возможность предусмотрена при проведении судебных действий в отношении обвиняемых и подсудимых.

Так, согласно ч. 6 ст. 35 УПК при рассмотрении ходатайства об изменении территориальной подсудности уголовного дела суд вправе принять решение об участии обвиняемого в судебном заседании по ВКС.

В соответствии с ч. 6.1 ст. 241 УПК в исключительных случаях в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства при рассмотрении уголовных дел о некоторых преступлениях против общественной безопасности, а также, против основ конституционного строя и безопасности государства, по ходатайству любой из сторон суд вправе принять решение об участии в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей, путем использования систем ВКС.

Полагаем, что участие в судебном заседании подсудимого путем использования систем ВКС, в целях обеспечения безопас-

ности участников уголовного судопроизводства, возможно и при рассмотрении судом уголовных дела об иных преступлениях, хотя прямо такая возможность нормами УПК РФ не предусмотрена.

На наш взгляд, возможно использование систем ВКС и для участия обвиняемых (подозреваемых) при рассмотрении ходатайств органов предварительного расследования об избрании в отношении указанных лиц мер пресечения, которые могут быть назначены по судебному решению, а также при рассмотрении жалоб на действия (бездействие) органов предварительного расследования.

При рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора, суд согласно ч. 2 ст. 399 УПК при наличии ходатайства осужденного об участии в судебном заседании обязан обеспечить его непосредственное участие в заседании либо предоставить возможность изложить свою позицию путем использования систем ВКС.

Нормами УПК РФ регламентированы некоторые вопросы, связанные и с возможностью использования систем ВКС при допросе потерпевших и свидетелей.

Так, в соответствии с ч. 4 ст. 240 УПК, суд первой инстанции может допросить свидетеля и потерпевшего путем использования систем ВКС.

С учетом разъяснения Пленума ВС РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции», допрос специалиста в судебном заседании проводится по правилам допроса свидетеля¹, соответственно, лицо, привлеченное к участию в судебном разбирательстве в качестве специалиста, на наш взгляд, также может быть допрошено судом первой инстанции путем использования систем ВКС.

Представляется, что, исходя из положений ст. 282 УПК о порядке допроса эксперта в судебном заседании, допрос этого участника процесса с использованием систем ВКС, не противоречит принципу непосредственности судебного разбирательства.

Если суд рассматривает вопросы об условно-досрочном освобождении от отбытия наказания (п. 4 ст. 397 УПК), о замене

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Бюллетень ВС РФ. – 2018. – № 3.

неотбытой части наказания более мягким видом наказания (п. 5, 19 ст. 397 УПК), либо вопрос об отсрочке исполнения приговора, то в судебном заседании вправе также участвовать потерпевший, его законный представитель, в том числе и посредством использования систем ВКС.

Других возможностей проведения судебного заседания посредством использования ВКС УПК РФ не предусмотрено.

Необходимость проведения судебного заседания по ВКС остро проявилась в период принятия ограничительных мер, связанных с противодействием распространению на территории РФ коронавирусной инфекции (COVID-19).

Оперативно реагируя на возникшую ситуацию, Президиум ВС РФ и Президиум Совета судей РФ в совместных постановлениях от 18.03.2020 и 08.04.2020 рекомендовали судам в этих условиях рассматривать только дела и материалы безотлагательного характера. В том числе о защите конституционных прав граждан на свободу и личную неприкосновенность, охрану здоровья и собственности, об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения и др. К этим же категориям были отнесены дела, всеми участниками которых заявлены ходатайства о рассмотрении дела в их отсутствие, если их участие при рассмотрении дела не является обязательным.

Кроме того, Президиум ВС РФ и Президиум Совета судей РФ дополнительно разъяснили, что с учетом обстоятельств дела, мнений участников судопроизводства и условий режима повышенной готовности, введенного в соответствующем субъекте РФ, суд вправе самостоятельно принять решение о рассмотрении дела, не указанного в приведенном перечне.

В последующем, в связи с возникшими у судов вопросами ВС РФ издал несколько обзоров судебной практики, касающихся применения систем ВКС.

В частности, в Обзоре от 30.04.2020¹, отвечая на вопрос о возможности в период действия ограничительных мер рассмот-

¹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Постановлением Президиума ВС РФ от 30.04.2020).

рения судами уголовных дел с использованием систем ВКС, высший судебный орган не только подтвердил, но и развил ранее сформулированные позиции. В частности, ВС РФ указал, что использование систем ВКС не препятствует подозреваемому, обвиняемому, подсудимому осуществить права, изложенные в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

К этим правам относятся: право «защищать себя лично», «допрашивать или иметь право на то, чтобы свидетели были допрошены» и право «пользоваться бесплатной помощью переводчика, если обвиняемый не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке» и иные права, предусмотренные в том числе УПК¹.

В Обзоре от 30.04.2020 ВС РФ разъяснил, что в условиях применения ограничительных мер, связанных с противодействием распространению коронавирусной инфекции (COVID-19), суд вправе по каждому уголовному делу или материалу, которые требуют безотлагательного рассмотрения, принять решение о проведении всего судебного разбирательства с использованием систем ВКС.

В этом же обзоре ВС РФ конкретизировал имеющийся перечень дел и материалов, требующих безотлагательного рассмотрения. В частности, отнес к ним:

- ходатайства органов предварительного расследования о наложении ареста на имущество и о продлении срока ареста этого имущества;
- ходатайства осужденных и их защитников об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания (ст. 79 УК), о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК), об освобождении от наказания в связи с болезнью осужденного (ст. 81 УК).

Кроме того, ВС РФ положительно оценил предложение судов о необходимости при рассмотрении ходатайств органов предварительного расследования об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока действия данной меры в отношении подозреваемого, обвиняемого учитывать факт проведения карантинных мероприятий в ИВС и СИЗО.

¹ Качалов В.И. Об использовании видео-конференц-связи в судебном производстве по уголовным делам / В.И. Качалов, О.В. Качалова // Российский судья. – 2017. – № 12. – С. 34–38.

В Обзоре от 17.02.2021 г. ВС РФ указал, что сохраняют свою актуальность ранее данные разъяснения о возможности рассмотрения уголовных дел и материалов с использованием систем ВКС¹.

При этом, в данном Обзоре было указано что перечень уголовных дел или материалов, требующих безотлагательного рассмотрения, не является исчерпывающим и суд, с учетом конкретной ситуации, может расширить перечень таких дел, но с обязательным указанием оснований, по которым то или иное уголовное дело или материал подлежат безотлагательному рассмотрению. В любом случае при рассмотрении уголовного дела в безотлагательном порядке необходимо обеспечить соблюдение требований справедливого судебного разбирательства.

Таким образом, в настоящий момент суд, учитывая принцип безотлагательности, может рассмотреть любое уголовное дело с использования систем ВКС.

Применение систем ВКС предполагает особое отношение к соблюдению прав обвиняемого при участии в судебном заседании. Основное содержание вышеуказанных требований, основано на положениях ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В частности, суд должен обеспечить обвиняемому, в том числе не находящемуся под стражей, но участвующему в судебном заседании по ВКС, равно как и потерпевшему, следующие возможности:

- следить за ходом судебного процесса;
- видеть и слышать участников судебного заседания;
- задавать им вопросы;
- быть заслушанным сторонами и судом.

Обвиняемому суд должен обеспечить реализацию права на квалифицированную юридическую помощь, включая возможность конфиденциального общения с защитником (например, с использованием телефонной связи).

При этом возражения одной или обеих сторон по поводу рассмотрения уголовного дела или материала с использованием

¹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19). – № 3. (утв. Президиумом ВС РФ от 17.02.2021).

систем ВКС, как следует из Обзора ВС от 17.02.2021 г., не являются препятствием для принятия судом такого решения.

В указанном Обзоре Верховный Суд РФ обратил внимание на то, что определение порядка проведения судебного разбирательства в данном случае относится к исключительной компетенции суда, который должен исходить из необходимости обеспечения санитарно-эпидемиологической безопасности участников уголовного судопроизводства¹.

Рассмотрение судом первой инстанции уголовного дела или материала с использованием систем ВКС, на наш взгляд, не является отступлением от принципа непосредственности, как полагают некоторые ученые и практики².

Непосредственность нельзя полностью отождествлять с понятием непосредственного участия (присутствия) лица в судебном заседании. При рассмотрении дела с использованием систем ВКС подсудимый, потерпевший и другие лица, не присутствующие непосредственно в зале судебного заседания, в любом случае участвуют в судебном разбирательстве лично что позволяет в полной мере обеспечить соблюдение требований справедливого судебного разбирательства.

Так, система ВКС позволяет заслушивать показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, эксперта, специалиста в ходе их допросов, осматривать вещественные доказательства, оглашать заключения экспертов, протоколы и иные документы, производить другие судебные действия по исследованию доказательств точно так же, как и в случае нахождения участников непосредственно в зале судебного заседания.

Кроме того, следует еще раз обратить особое внимание на то, что Президиум ВС РФ в своих постановлениях и обзорах указывает на возможность участия обвиняемого или подсудимого в заседании суда посредством ВКС именно по тем уголовным делам и материалам, которые признаны подлежащими безотлагательному рассмотрению. Поэтому важно, чтобы суд, решая во-

¹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 3 (утв. Президиумом ВС РФ от 17.02.2021).

² См., напр.: Курченко В.Н. Толкование принципа непосредственности судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве / В.Н. Курченко // Уголовное право. – 2019. – № 6. – С. 104–110.

прос о возможности рассмотрения конкретного уголовного дела или материала с использованием ВКС, при вынесении соответствующего постановления, указывал соответствующие основания.

Если суд принял мотивированное решение о том, что уголовное дело или материал подлежат безотлагательному рассмотрению, то он обязан организовать это рассмотрение с соблюдением требований справедливого судебного разбирательства.

Полагаем, что для этого необходимо:

- обеспечить и убедиться в устойчивой работе систем ВКС как в самом суде, так и по месту фактического нахождения потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста, или в учреждениях ФСИН по месту содержания обвиняемого, подсудимого.

- обеспечить надлежащие условия для конфиденциального общения обвиняемого (подсудимого) со своим защитником.

- решить вопросы, связанные с идентификацией личности допрашиваемых и предупреждения об ответственности за дачу ложных показаний потерпевших и свидетелей.

- исключить возможность оказания скрытого влияния на участников уголовного судопроизводства при даче показаний и решить другие вопросы.

Таким образом, применение видеоконференц-связи в уголовного судопроизводстве становится неотъемлемой частью современного уголовного процесса.

ГЛАВНЫЙ ДЕФЕКТ НЫНЕШНЕГО УПК РФ

Костенко Р.В.

д-р юрид. наук, профессор,

профессор кафедры уголовного процесса

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Как справедливо отмечает Т.Г. Морщаковой, «главный дефект нынешнего УПК РФ – господство на так называемых досудебных стадиях процесса стороны обвинения и фактическое процессуальное неравноправие с ним стороны защиты, в результате чего судебные доказательства формируются, по сути, одним лишь публичным обвинителем (следователем, дознава-

телем), тогда как другая сторона – защита – такой возможностью не обладает. Недостаточная роль состязательности в предварительном расследовании проявляет себя и в слабости суда, который довольствуется здесь лишь формальным и ограниченным судебным контролем за соблюдением прав участников процесса. На самом деле, судебную по своей природе функцию судопроизводства, связанную с формированием на досудебных стадиях судебных доказательств, выполняет орган предварительного расследования. Обратной стороной такого квазисудебного и квазисостязательного порядка судопроизводства является избыточная формализация предварительного расследования, его письменного протокольная процессуальная форма, вполне уместная для судебных заседаний, но инородная для предварительного расследования, ибо она лишает его гибкости и быстроты, непомерно удлиняет сроки расследования, а также время содержания обвиняемых под стражей»¹.

Указанный дефект выражается, прежде всего, в нормах действующего УПК РФ, непосредственно посвящённых доказательствам и доказыванию. Так, ч. 1 ст. 74 УПК РФ провозглашает, что доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель (выделено мною – Р.В.) в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Собираемые же отдельные виды доказательств в досудебном производстве представляет собой исключительную прерогативу органов предварительного расследования. К примеру, все допустимые в качестве доказательств виды показаний на предварительном расследовании получаются в результате допросов, проводимых дознавателем или следователем. Заключение эксперта на досудебном производстве также может быть получено только посредством решения лица, ведущего производство по уголовному делу (ч. 1 ст. 80 УПК РФ). Предметы признаются вещественными доказательствами после их осмотра, признания и приобщения к уголовному делу (ч. 2 ст. 81 УПК РФ). Все эти действия и

¹ Морщакова Т.Г. О компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации. – М., 2015. – URL : <http://president-sovet.ru/files/bf/f9/bff99bb741943f8aa3e9c0b85cdeb243.pdf>

решения в стадии предварительного расследования могут совершать только дознаватель или следователь. И другие виды доказательств на досудебном производстве формируются, по сути, органами предварительного расследования.

Устранение вышеназванного главного дефекта нынешнего УПК РФ видится в создании института следственных судей. Необходимо солидаризироваться с теми коллегами, которые являются сторонниками института следственных судей в РФ и его внедрения в уголовно-процессуальную деятельность. В Концепции «Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе», разработанной в 2015 году А.В. Смирновым, было обосновано, что «доказательства, собранные следователем и органом дознания, пока они не прошли предварительной состязательной проверки в судебных заседаниях под руководством следственного судьи, в судебном разбирательстве использованы быть, как правило, не могут. Следственный судья по ходатайству сторон назначает следующие судебские следственные действия: допросы, очные ставки, проверки показаний на месте, производство судебных экспертиз. Доказательства, полученные в результате судебских следственных действий, имеют статус судебных доказательств. Они есть не что иное, как доказательства, имеющие право фигурировать в судебном разбирательстве либо при разрешении других важнейших вопросов по делу»¹.

В 2019 году на заседании Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека Г.М. Резник выступил со следующими доводами: «Нужно вернуться к осмыслению фигуры следственного судьи. В 2015 году Вы (Путин) давали поручение вопрос этот проработать. Он был проработан. Все правоохранительные ведомства выступили против при невнятной позиции Верховного Суда.

Фигура следственного судьи необходима, причём необходима именно у нас, потому что сейчас ситуация следующая. Одни и те же судьи, которые должны обеспечивать соблюдение прав человека в досудебной стадии, которые рассматривают дела, рассматривают ходатайства об избрании и продлении меры пресечения, об арестах, о прослушивании телефонных разговоров, о даче

¹ Смирнов А.В. Концепции «Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе». – М., 2015. – URL : <http://president-sovet.ru/files/70/e2/70e2f1754d8a68c8007f1576cf4e69a6.pdf>

санкций на обыски, эти же судьи затем рассматривают дела по существу.

Не во всех странах есть этот институт. Он традиционно присутствует во Франции, но представляется, что для нашего уголовного процесса он необходим, и он введён: введён в Казахстане, введён в Грузии, в Армении. Необходимо разграничивать и не усиливать этот обвинительный настрой, который и так есть у наших судов»¹.

В.В. Путин после этих слов отреагировал следующим образом: «Следственный судья: нужно посмотреть уже на экспертном уровне, как это работает, где и как это должно работать у нас. Думаю, то есть уверен, что с этим нужно разбираться. Нужно посмотреть на экспертном уровне, как это функционирует»².

«Невнятная позиция Верховного Суда РФ» по поводу института следственных судей, как выразился ГМ. Резник, была представлена в докладе председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева по итогам деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов РФ в 2019 году. В этом докладе предлагалась следующая компетенция следственных судей:

– Рассмотрение жалоб на действия (бездействие) и решения органов дознания и предварительного следствия (ст. 126 УПК РФ).

– Рассмотрение ходатайств об избрании или продлении мер пресечения (гл. 13 УПК РФ).

– Рассмотрение ходатайств о производстве следственных действий (ст. 165 УПК РФ).

– Депонирование доказательств (например, показаний несовершеннолетних потерпевших)³.

¹ Стенограмма заседания Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека от 10 декабря 2019 года. – URL : http://president-sovet.ru/events/zasedanie_soveta_v_kremle_10_dekabrya_2019_goda/report

² Стенограмма заседания Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека от 10 декабря 2019 года. – URL : http://president-sovet.ru/events/zasedanie_soveta_v_kremle_10_dekabrya_2019_goda/report

³ Доклад председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева по итогам деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов РФ в 2019 году. – URL : <https://www.vsrif.ru/files/28759>

Однако, уже в 2020 году на заседании Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека В.В. Путин сказал: «Что касается следственного судьи. Такой институт у нас был, но был очень давно, ещё во времена наших первых реформ при Александре II, это вторая половина, по-моему, XIX века. Но он не прижился у нас, этот институт, он начал постепенно угасать и ушёл в конце концов»¹.

Таким образом, идея о создании института следственных судей в РФ была на текущий момент отвергнута, и соответственно, главный дефект нынешнего УПК РФ остаётся не устранённым.

СТРУКТУРНЫЙ ПОДХОД К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Кубицки А.В.

адъюнкт адъюнктуры

кафедры криминалистической техники УНК ЭКД,

Волгоградская академия МВД России,

лейтенант полиции

Деятельность экспертно-криминалистических подразделений Республики Молдова (далее по тексту – ЭКП РМ) носят многоаспектный характер и включают различные направления по обеспечению раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. ЭКП РМ представляют собой упорядоченную систему, основанную на ежедневной работе специалистов (офицеров-криминалистов) и экспертов, обеспечивающих технико-

¹ Стенограмма заседания Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека от 10 декабря 2020 года. – URL : http://presidentsovet.ru/events/vstrecha_prezidenta_s_sovetom_10_dekabrya_2020_goda/report

криминалистическое сопровождение для эффективной борьбы с преступностью.

Республика Молдова реализует основополагающие принципы состязательности и независимости, что в свою очередь отражается в организации экспертно-криминалистической деятельности в рамках публичных (государственных) судебно-экспертных учреждений или в бюро судебной экспертизы (в статусе физического или юридического лица).

Сеть публичных судебно-экспертных учреждений сформирована в системе ряда Министерств и служб Республики Молдова:¹

- специализированные учреждения Министерства юстиции;
- специализированные учреждения Министерства здравоохранения, труда и социальной защиты;
- оперативные технико-криминалистические или судебно-экспертные подразделения Министерства внутренних дел;
- подразделения Таможенной службы;
- подразделения Национального центра по борьбе с коррупцией.

При этом государство оставило за собой право создавать и реорганизовывать иные публичные судебно-экспертные учреждения. Примером может служить расформированная Государственная инспекция по надзору над алкогольной продукцией, которая вошла в состав Национального агентства по безопасности пищевых продуктов (ANSA) в качестве управления в области контроля безопасности и качества виноградно-винодельческой продукции, этилового спирта, пива и алкогольных продуктов при Министерстве сельского хозяйства, регионального развития и окружающей среды.

Более подробно хотелось бы остановиться на организации деятельности экспертно-криминалистических подразделений при Министерстве внутренних дел Республики Молдова (далее по тексту – МВД РМ).

МВД РМ подведомственны двенадцать различных организаций, служб, бюро, но только в четырёх из них организованы

¹ Закон Республики Молдова № 68 от 14.04.2016 г. «О судебной экспертизе и статусе судебного эксперта». – URL : <http://lex.justice.md/ru/365259>

специализированные технико-криминалистические и экспертные подразделения:

- Генеральный инспекторат полиции;
- Генеральный инспекторат пограничной полиции;
- Генеральный инспекторат по чрезвычайным ситуациям;
- *Служба внутренней защиты* и противодействия коррупции.

Самыми крупными организациями в Республике Молдова обеспечивающими технико-криминалистическое сопровождение при борьбе с преступностью являются Генеральный инспекторат полиции и Генеральный инспекторат пограничной полиции.

В качестве примера, более подробно рассмотрим структуру Генерального инспектората полиции, который, после реформирование правоохранительных органов Республики Молдова 2012–2013 года, и принятия закона «О полиции» от 27 декабря 2012 г. № 320¹, занял место центрального управленческого и контрольного органа (со статусом юридического лица) полиции на всей территории Республики Молдова. Основной целью создания Генерального инспектората полиции стала оптимизация кадровой, организационной и информационной нагрузки с МВД РМ, которое ранее напрямую осуществляло руководство всеми специализированными и территориальными подразделениями полиции. При этом вместе с внедрением современных методов управления полицией было обусловлено и создание новых подразделений по расследованию преступлений особой сложности и транснационального характера².

Организация Генерального инспектората полиции Республики Молдова (далее по тексту – ГИП РМ) на местном уровне осуществляется через инспектораты полиции, которые для оптимизации обязанностей состоят из полицейских участков. Административно-территориальное деление в Республике Молдова чрезвычайно фрагментирована и разделено на 32 района, 66 го-

¹ Закон Республики Молдова № 320 от 27.12.2012 г. «О деятельности полиции и статусе полицейского». – URL : https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=106476&lang=ru

² Постановление Правительства №283 от 24.03.2013 г. «Об утверждении Положения об организации и функционировании Генерального инспектората полиции Министерства внутренних дел».

родов, из которых 5 имеют статус муниципий и 898 коммун, что и повлияло создание двух территориальных управления полиции и 42 инспектората полиции с 205 полицейскими участками (Схема № 1).

Схема № 1 – Органиграмма Генерального инспектората полиции Республики Молдова

Непрерывность процесса реформирования, начатого на основании Концепции реформирования Министерства внутренних дел¹ и подведомственных децентрализованных субъектов, обусловило пересмотр вектора развития структуры полиции. В системе подчинения ГИП РМ вошли специализированные и территориальные подразделения (Схема № 1).

¹ Постановление Правительства №283 от 12.05.2016 г. «Об утверждении Стратегии развития полиции на 2016–2020 годы».

Специализированные подразделения полиции методически обеспечивают деятельность территориальных подразделений, согласно полномочиям и направлениям их деятельности. В системе специализированных подразделений среди прочих был создан Техничко-криминалистический Центр Судебной экспертизы (далее по тексту – ТКЦ СЭ), который занял особую нишу главного органа (Схема № 2), осуществляющего технико-криминалистическое обеспечения территориальных инспекторатов. Таким образом, при районных инспекторатах полиции (к примеру, относящихся к муниципальному управлению г. Кишинёва) функционируют криминалистические службы отдела криминальной полиции, формирующие следственно-оперативную группу, в составе которой офицерами-криминалистами (специалистами) обеспечивается технико-криминалистическое сопровождение при проведении следственных действий по преступлениям незначительной и средней тяжести. Несмотря на то, что инспектораты получают техническое, методическое и информационное обеспечение от ТКЦ СЭ, своё непосредственное подчинение инспектораты сохраняют Генеральному инспекторату полиции.

При этом в самом ТКЦ СЭ создан специализированный отдел «Осмотра места происшествий (Secția cercetarea la fața locului)» деятельность данного отдела преимущественно ориентирована на проведение осмотров мест происшествий по тяжким, особо тяжким и чрезвычайно тяжким преступлениям, предусмотренным уголовным законодательством Республики Молдова¹. Следует отметить, что это не значит, что офицеры-криминалисты не выезжают на тяжкие преступления, иногда при осмотре места происшествия вопрос тяжести преступления может быть открытым. Думается, что такое разделение больше условное, так как на практике возникают различного рода непредвиденные ситуации.

Хотелось бы отметить, что было бы уместно, пересмотреть иерархию подчинения криминалистических служб инспекторатов полиции, целесообразно если бы они подчинялись ТКЦ СЭ, и офицеры-криминалисты докладывали о результатах своей деятельности в непосредственно начальникам ТКЦ СЭ, чтобы не допускать потери квалифицированного контроля за деятельностью криминалистических служб инспекторатов полиции.

¹ Уголовный кодекс Республики Молдова № 985 от 18.04.2002. – URL : – https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=17781&lang=ru

На территории Республики Молдова функционируют пять официальных филиалов ТКЦ СЭ, с головной структурой в столице г. Кишинёв (Схема № 2).

Схема № 2 – Организграмма Технико-криминалистического Центра Судебной экспертизы Республики Молдова

Дореформенный период организации экспертно-криминалистического обеспечения в Республике Молдова характеризовался возможностью привлечения специалистов к следственным действиям и оперативно-розыскным мероприятиям в двух статусах: в качестве специалистов и экспертов. Недостатком была организации работы эксперта-криминалиста в порядке, когда эксперту приходилось самостоятельно проводить исследования (по заданию следователя) по изъятым с места происшествия объектам, приобщённым в качестве вещественных доказательств. При этом, децентрализованность и обособленность территориальных инспекторов и участков, сказывалось на отсутствие согласности касательно единства методов в практической деятельности и отсутствия минимально-необходимого оснащения техническими средствами.

После реформирования полиции в подразделениях произошли функциональные изменения полномочий экспертов-

криминалистов, и они трансформировались в офицеров-криминалистов, выполняющих обязанности, субъектов, обеспечивающих технико-криминалистическое сопровождение производства соответствующего процессуального действия и оказывающих помощь в обнаружении, закреплении или исключении доказательств.

Реорганизация специализированных ТКП РМ, оказала как положительное, так и отрицательное влияние.

Из положительных аспектов следует выделить – создание ТКЦ СЭ, обусловившего повышение эффективности деятельности всех ТКП РМ и сконцентрировавшего весь накопленный практический опыт, что способствовало созданию условий для эффективного методического и технического обеспечения, оптимизации и распределения ресурсов. Ежегодно ТКЦ СЭ проводит исследования по 35 различным областям (табл. № 1)

Таблица № 1 – Данные о проведённых исследованиях в ТКЦ СЭ

По материалам уголовных дел (до/после возбуждения)	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Судебные экспертизы	4920	4667	4363
Технико-криминалистические исследования	2780	2403	2371
Всего исследований	7700	7070	7470

На сегодняшний день специализированные отделы ТКЦ СЭ занимают центральное место в оказании практической помощи, нижестоящим районным инспекторатам полиции, в применении технических средств и научных методов при раскрытии и расследовании преступлений, а также участие в осмотрах мест происшествий и других процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, по тяжким, особо тяжким и чрезвычайно тяжким преступлениям, осуществление государственной дактилоскопической регистрации, проведении экспертных исследований в целях обеспечения доказательств.

Отрицательным моментом, является то, что структурная организация ТКП РМ, ещё не обрела своей логической завершенности в силу ряда объективных причин:

– Во-первых, низкий уровень технического обеспечения районных подразделений и инспекторатов, что не позволяет в полной мере реализовать весь арсенал возможностей офицера-криминалиста по оказанию оперативной помощи органам уголовного преследования. Снижаются возможности раскрытия и расследования преступлений по горячим следам, так как проверка по учётно-регистрационным массивам осуществляется на вышестоящем уровне в специализированных отделах ТКЦ СЭ;

– Во-вторых, отсутствие узкоспециализированного экспертного образования у офицеров-криминалистов сказывается на объёме знаний и функциональных возможностях офицера-криминалиста, что отражается на качестве его работы. На период 2021 года инспектораты Республики Молдова осуществляют деятельность 122 действующих офицера-криминалиста. Подготовка офицеров-криминалистов осуществляется по одному либо на краткосрочных курсы (3–6 месяцев) в Интегрированном Центре по подготовке применения закона (CIPAL), но следует отметить, что данные курсы больше направлены общую профессиональную подготовку полицейских. Либо по программе четырёхлетнего обучения первого цикла (за счёт бюджетных средств) в Академии «Штефана чел Маре» («0421.1 Право» бакалавриат, с уклоном на криминалистику).

– В-третьих, отсутствие научно-технического (информационно-методического) отдела в ТКЦ СЭ (Схема № 2), не позволяет накапливать ценный практический опыт и способствовать организации научных исследований по проблемам применения криминалистических средств и методов в целях обнаружения, фиксации, изъятия и исследования вещественных доказательств, разработки методик исследования новых и редко встречаемых вещественных доказательств, подготовки научно-методических материалов по различным вопросам применения криминалистической техники. Учитывая особенности организации работы ТКЦ СЭ, и перехода всего делопроизводства с русского языка на молдавский, было бы уместно привлечение квалифицированных переводчиков для консультирования экспертов при написании исследований, когда возникают спорные вопросы по грамотному построению научной мысли и переводу научных терминов, а также при разработке методических материалов, терминологических словарей, справочников, учебных материалов.

Подводя итог, следует отметить, что структурная организация ЭКП РМ видоизменилась с момента реформирования полиции в связи с разделением на специализированные и территориальные подразделения, находящиеся в подчинении ГУП РМ. На сегодняшний день продолжается процесс адаптации ЭКП РМ к последствиям реформирования, которые требуют логического завершения повышения уровня узкоспециализированной кадровой подготовки офицеров-криминалистов, дополнительного финансового обеспечения для технического оснащения ТКП и инспекторов, создание методического отдела и продвижение научно-исследовательской деятельности.

ПРОБЛЕМЫ ОТКАЗА ПРОКУРОРА ОТ ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

Лукожев Х.М.

канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Самаркина Ю.Э.

аспирант кафедры уголовного процесса
«Российский государственный университет правосудия»,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Изучая сущность полномочий прокурора по отказу от обвинения в судебном производстве по уголовным делам различных инстанций, исследователи сталкиваются с множеством спорных положений¹. В ряду проблемных вопросов отказа прокурора от обвинения можно назвать следующее: Верным ли является признание законодателем этого права в качестве без-

¹ Лукожев Х.М. Отказ государственного обвинителя от обвинения в суде по УПК РФ / Х.М. Лукожев // Российский судья. – 2005. – № 8. – С. 9–13; Лукожев Х.М. Процессуальные проблемы отказа государственного обвинителя от обвинения в суде / Х.М. Лукожев // Современные проблемы развития уголовного процесса, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности: сборник материалов конференции, Москва, 22 июля 2013 года. – М. : Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2013. – С. 67–74.

условного для судов? Возможно ли использование действующих ранее моделей, по которым реализовалось данное право? Как обеспечить права потерпевшего? И многое другое.

В соответствии с п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 года № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» в случае частичного либо полного отказа прокурора от обвинения в суде, суд принимает решение исходя из позиции государственного обвинителя¹. Данное положение в полной мере согласуется с позицией Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 20 апреля 1999 года № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвёртой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород»². Конституционным Судом РФ отмечается, что, если суд продолжает рассматривать дело при отказе государственного обвинителя от обвинения, происходит нарушение такого конституционного принципа, как состязательность судопроизводства, поскольку суд в данном случае берет на себя выполнение несвойственной ему функции обвинения.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 05.04.2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» предусматривается письменная мотивация такого отказа, рассмотрение его судом при участии сторон обвинения и защиты с учетом исследо-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Российская газета. 29 декабря 2017. № 297 (7463).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвёртой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 17. Ст. 2205.

вания материалов дела, благодаря чему создаются гарантии вынесения судом законного, справедливого и обоснованного решения, в соответствии с которым будет прекращено уголовное дело¹. И так, ещё до недавнего времени в российской законодательной базе предусматривалось применение другой модели, согласно которой реализовывался исследуемый вопрос.

В научной литературе имеются многочисленные исследования такого вопроса, как правовые последствия, возникающие при отказе государственного обвинителя от обвинения в судебном заседании. Большинство трудов посвящены анализу проблем отказа от обвинения в суде первой инстанции. Но многие ученые в последнее время обращаются также и к изучению проблем отказа от обвинения в суде апелляционной инстанции.

Так, согласно позиции Л.А. Воскобитовой, невозможно прекратить уголовное дело, опираясь на данное основание в апелляционных судах, поскольку предмет судебных разбирательств не представлен обвинением, а принятым в суде первой инстанции решением по нему, при этом, имеет место решение вопроса, касающегося обвинения, в вышеуказанном суде, в связи с чем, на данном этапе слишком поздним будет отказ от обвинения².

В соответствии с точкой зрения Л.А. Курочкиной, апелляционная инстанция сопровождается в некоторых случаях прошением прокурора об отмене либо же изменении приговора. Затем, следует прошение, направляемое в суд, о прекращении производства по тем или иным делам³. То есть, возможность прекращения дела, без отмены приговора отсутствует. При этом, автор отмечает, что поддержание государственного обвинения оканчивается рамками разбирательства дела в суде по существу⁴.

Согласно позиции М.А. Маркова, в рамках деятельности государственного обвинителя в суде апелляционной инстанции,

¹ Постановление Пленума Верховного Суда от 05 марта 2004 года № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2004. – 25 марта. – № 3437.

² Воскобитова Л.А. Апелляция – принципиально новый институт в уголовном судопроизводстве / Л.А. Воскобитова // Апелляция: реалии, тенденции, перспективы. – М., 2013. – С. 39.

³ Курочкина Л.А. Прокурор в суде апелляционной инстанции: кто он? / Л.А. Курочкина // Законность. – 2016. – № 7. – С. 26–29.

⁴ Курочкина Л.А. Там же.

продолжается реализация такой функции, как уголовное преследование. Цель введения расширенной апелляции заключалась в полном обеспечении такой возможности, как повторное рассмотрение дел в соответствии с правилами, соответствующими перечню правил, по которым уголовное дело рассматривается в судах первой инстанции. Вместе с тем, осуществление той или иной деятельности государственного обвинителя может помимо прочего преследовать такую цель как прекратить уголовное преследование при неподтвержденности обвинительного тезиса¹.

Аналогичной позицией отмечается также А. Панокин. Как указывает автор, в рамках данного порядка, согласно которому происходит судебное разбирательство, государственный обвинитель в апелляционных судах получает широкие права, благодаря которым продолжается отстаивание ранее заявленной позиции, либо же, происходит изменение обвинения, отказ от обвинения. Согласно действующему уголовно-процессуальному закону, государственному обвинителю в суде апелляционной инстанции дано право на отказ от обвинения, который является обязательным в отношении судов².

В Определении Конституционного Суда РФ от 07 декабря 2017 г. № 2800-О «По запросу суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности положений части четвертой статьи 37, части седьмой статьи 246 и части первой статьи 389.13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»³ отмечено, что, не подвергая сомнению наличие у государственного обвинителя права отказаться от обвинения в суде апелляционной инстанции, следует учитывать что «объем обвинения уже определен на предшествующих этапах производства

¹ Марков М.А. Правовое положение прокурора в суде апелляционной инстанции / М.А. Марков // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 2.

² Панокин А. Отказ государственного обвинителя от обвинения в суде апелляционной инстанции / А. Панокин // Законность. – 2014. – № 11. – С. 30–34.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 07 декабря 2017 г. № 2800-О «По запросу суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности положений части четвертой статьи 37, части седьмой статьи 246 и части первой статьи 389.13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант». – URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71741518/?prime>

по делу и проверен судами первой и апелляционной инстанций, признавшими доказательства по делу допустимыми, а вину осужденного – доказанной». Прокурору предоставлена право на отказ от обвинения, но, на суд возлагается обязанность по установлению обоснованности этого решения посредством исследования обстоятельств по делу.

Согласно позиции Конституционного Суда РФ, не следует рассматривать наличие отказа гособвинителя от обвинения в качестве полного отказа. Прокурором полный отказ от обвинения может быть заявлен лишь в рамках производства в суде первой инстанции, что является законным, поскольку осуществляется определение объема вины в рамках предшествующего этапа в производстве. При этом действия суда апелляционной инстанции и принимаемые им решения не являются ограниченными в связи с наличием той или иной позиции государственного обвинителя, поскольку в данном случае его позиция – это предмет, который оценивается судом. То есть, если суд несогласен с поддерживаемой прокурором позицией, у суда есть право на неудовлетворение апелляционных представлений государственного обвинителя.

Наряду с этим, изложенной в условиях решения, принятого Конституционным Судом РФ, позицией не преследуется цель создания препятствия для государственных обвинителей в случае изменения в противоположную сторону позиции в апелляционном производстве. Государственный обвинитель должен мотивировать и обосновать свою точку зрения в рамках апелляционного представления и выступления в суде апелляционной инстанции¹. Согласно положению, закрепленному в ч. 2 ст. 6 УПК РФ, имеет место соответствие уголовного преследования и отказа от него, реабилитация лиц, которые необоснованно преследуются, и назначения справедливого наказания целям, поставленным перед уголовным судопроизводством.

Согласно п. 8 Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокурора в судебной стадии уголовного судопроизводства» предусматривается возложение на государственного обвинителя обязанности по информированию прокурора, по поручению которого производится поддер-

¹ КС напомнил о праве прокурора указывать на недостатки приговора. – URL : <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-napomnil-o-prave-prokurora-ukazyvat-na-nedostatki-prigovora>

жание государственного обвинения, относительно существенных расхождений в их позициях¹.

Весь объем внутриорганизационной работы на базе прокуратуры состоит из осуществления «прокурорами-руководителями» текущего контроля деятельности, осуществляемой «прокурорами-исполнителями». В соответствии с п. 9 приказа Генерального прокуратора РФ № 465 государственный обвинитель берет на себя обязанность по информировании прокурора, поручившего поддерживать государственное обвинение, относительно поддержания обвинения его промежуточных и итоговых результатов и стадии, на которой находится уголовное дело. Зачастую, для прокуратуры «положительный» исход судебного разбирательства представлен обвинительным судебным приговором, но и обоснованный отказ от обвинения и прекращение уголовного преследования имеет не меньшее значение.

Случаи заявления отказа от обвинения, либо вынесения судом оправдательного приговора зачастую возникают при неэффективной работе должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, и прокурорских работников в ходе досудебного производства. Помимо этого, нельзя не отметить ситуации, когда производится обоснованный отказ от обвинения, который соответствует назначению уголовного процесса. Но, в целях установления данного факта, требуется проведение служебной проверки. Причиной проведения такого рода проверок является наличие основания предположить дисциплинарный проступок прокурорских работников (речь идет о неисполнении либо же ненадлежащем исполнении служебной обязанности (согласно п. «г» п. 2.1 Приказа Генерального прокуратора РФ от 28 апреля 2016 г. № 255 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения служебных проверок в отношении прокурорских работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации»)².

¹ Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства». – URL : <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/combatingcorruption/international/implementation/legal/organizational?item=4771221>

² Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 28 апреля 2016 г. № 255 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения служебных проверок в отношении прокурорских работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации». – URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71301572> (дата обращения 16.03.2021).

Обобщая вышесказанное, также стоит обратить внимание, что прокурорские работники несут ответственность за своевременное выявление оснований, при наличии которых производится прекращение уголовного дела. К примеру, существует возможность сокращения численности непосредственно отказов от обвинения, организуемая эффективным контролем деятельности органов, производящих предварительное расследование. Если государственный обвинитель должен отказаться от обвинений, немаловажной является четкая мотивация принятого решения.

К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ СУДЕБНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Овчинникова Е.А.

канд. юрид. наук,

преподаватель кафедры уголовно-процессуального права
СКФ ФГБОУВО «РГУП»

И зучая вопрос о пределах судебной компетенции, прежде всего, необходимо отметить, что в уголовном судопроизводстве РФ суд преимущественно рассматривается как государственный орган, который традиционно решает вопрос о виновности или невиновности подсудимого. Это направление судебной деятельности лежит в основе представлений об общей судебной компетенции, в том числе и в уголовном судопроизводстве на современном этапе развития отечественного уголовного судопроизводства.

Процессуальная судебная компетенция является самостоятельной, отдельной, имеющей как теоретическую, так и практическую значимость правовой, многоуровневой конструкцией, которая определяет совокупность правовых вопросов, подлежащих разрешению конкретным судом при соблюдении условий, установленных уголовно-процессуальным законом¹.

¹ Овчинникова Е.А. Компетенция и полномочия суда (судьи) в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Краснодар, 2020. – 249 с.

Научный интерес представляет вопрос пределов судебной компетенции, поскольку только процессуальная компетенция имеет свои пределы, а общая компетенция ограничивается ее формулировкой, заключающейся в разрешении правовых споров и конфликтов в порядке судопроизводства.

Процессуальная же компетенция ограничена определенными правилами, установленными законодательно, которые фиксируют исчерпывающий круг вопросов ведения определенного судебного органа. В то же время, действующее процессуальное законодательство не закрепляет необходимый перечень вопросов и определяет компетенцию лишь частично. Так, ч. 1 ст. 29 УПК РФ гласит о правомочности суда разрешать определенные вопросы. Вместе с тем, в число этих вопросов не попали достаточно важные, также входящие в судебную компетенцию. Указанное обстоятельство, несомненно, создает в деятельности судебных органов. нежелательный фактор риска для невыполнения назначения уголовного судопроизводства.

Обращаясь к опыту зарубежных стран, имеет смысл привести в пример статью 54 УПК Республики Казахстан, в которой прямо указано, что судье, в пределах своей компетенции рассматривающему дело единолично, осуществляющему распорядительные действия по подготовке заседания суда или обеспечению исполнения его приговора или другого решения, разрешающему ходатайства и жалобы, указанные в ч. 3 ст. 53 УПК РК, принадлежат полномочия суда.

Другой пример, статья 29 УПК Республики Узбекистан гласит: «Вышестоящие суды, в пределах своих полномочий осуществляют надзор за судебной деятельностью нижестоящих судов», – здесь же, исходя из формулировки, законодатель определил исчерпывающий перечень полномочий для суда.

Понятия «полномочия» и «компетенция» различны по своему содержанию понятия, различаются они и по пределам. Для установления пределов компетенции законодателю достаточно определить перечень вопросов, необходимых разрешить суду, а какие действия, либо решения суд будет использовать, либо альтернативно может использовать для рассмотрения этих вопросов – будет являться пределом полномочий.

Процессуальное значение пределов указанных понятий является важным аспектом при определении должного поведения судьи при решении определенного вопроса, которое может по-

влиять в некоторых случаях на ясность и однозначное понимание концепции законодателя.

Пределы компетенции могут применяться при законодательно закрепленном перечне, подлежащих судебному разрешению вопросов на определенном этапе уголовного судопроизводства, как в ч. 1, ст. 29 УПК РФ.

В случаях же, когда имеется альтернатива использования возможных процессуальных действий судом по своему усмотрению, следует применять пределы компетенции.

В юридической литературе встречаются и иные методы разрешения вопросов о пределах компетенции. В частности: «Компетенция – это пределы уголовно-процессуальной деятельности участника уголовного судопроизводства, установленные законодателем совокупностью процессуальных полномочий, подследственностью уголовного дела и юрисдикцией этих органов в сфере уголовного судопроизводства»¹. Здесь видится два предела. В первом случае компетенция является пределом для процессуальной деятельности, а во втором, пределами для компетенции выступают полномочия, подследственность и юрисдикция.

Возвращаясь, к примеру законодательства Республики Казахстан, необходимо отметить, что в некоторых случаях, понятия «компетенция» и «полномочия» могут не разграничиваться².

Несомненно, эти понятия взаимосвязаны, они имеют прямое отношение к содержанию, определению направлений судебной деятельности, но компетенция видится первичным пунктом, а полномочия являются средством для ее реализации.

Суд, выступая субъектом на досудебном этапе (не исключая этап возобновления досудебного производства) и судебном производстве (в котором компетенция в зависимости от инстанции также отличается), в связи с тем, что компетенции необходима возможность для трансформации полномочий относительно складывающихся условий и потребностей для каждого из этапов

¹ Есина А.С. Дознание в органах внутренних дел: учебник и практикум для СПО / А.С. Есина, Е.Н. Арестова, О.Е. Жамкова; Под ред. А.С. Есина. – М. : Юрайт, 2017. – С. 11–12.

² Статья 55 УПК Республики Казахстан имеет следующую формулировку: «В ходе досудебного производства следственный судья в предусмотренных настоящим Кодексом случаях рассматривает вопросы: 1) санкционирования содержания под стражей; 2) санкционирования домашнего ареста» и др.

уголовного судопроизводства, компетенция суда должна быть вариативной и включать соответствующие каждому этапу вопросы.

Поэтому, необходимость закрепления в процессуальном законе вопросов, которые по своему усмотрению правомочен решать исключительно судья имеет практическую значимость. Вместе с этим, каждый из видов процессуальной компетенции законодательно должен иметь собственное раскрытие в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, в случаях возобновления досудебного производства, в судебных стадиях первой инстанции, а также в вышестоящих судебных инстанциях.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ДОКАЗЫВАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАЩИТНИКА С УЧЕТОМ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Петрикина А.А.

канд. юрид. наук,

доцент кафедры уголовно-процессуального права

СКФ ФГБОВО «РГУП»

Мукарамов М.А.

магистрант 2-го курса

магистерской программы

«Судебная и прокурорская деятельность по уголовным делам»

СКФ ФГБОУВО «РГУП»

Реализация функции защиты в уголовном процессе является важной составляющей современного демократического государства. Особенно актуальным данное направление является сегодня. Принятые ограничения на фоне распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19¹ повлияли на возможности защитника в уголовном судопроизводстве. Объективно

¹ Gori P. Fundamental rights under COVID-19: an European perspective on videoconferencing in court / P. Gori, A. Pahladsingh. – ERA Forum, 2021. – P. 561–577.

сложившаяся в настоящий момент ситуация показывает не только существенные недостатки работы в дистанционном формате защитника, но и открывает новые возможности для использования им новых криминалистических средств.

Надо отметить, что за время пандемии адвокаты с пониманием относились к дистанционному участию в судебных заседаниях их подзащитных, однако в практической деятельности вопросы цифровизации адвокатской деятельности остаются не до конца разрешенными.

Понятно, что достижения научно-технического прогресса так стремительно входят в нашу жизнь, что синхронно закреплять в нормативно-правовых актах основы их применения не удастся. Тем не менее остановиться на наиболее значимых аспектах все же стоит:

- подменит ли цифровизация, появление новых технологий, искусственный интеллект деятельность защитника по уголовному делу;
- можно ли достичь правовой определенности в применении перманентно появляющихся новых криминалистических средств для осуществления защиты по уголовному делу;
- этические нормы при использовании цифровых средств фиксации информации и дистанционной форме работы адвоката;
- безопасность в использовании новых технологий в процессе реализации функции защиты.

Последние два года были непростыми не только для представителей российской адвокатуры. Защитники не могли в начале пандемии попасть в суд из-за социальных ограничений, добиться очных свиданий с доверителями в СИЗО по тем же причинам, обеспечить очное участие свидетелей и т.д.¹. Однако нельзя сказать, что правосудие в нашей стране плохо работало. Наоборот, было своевременно сделано все максимально в плане обеспечения доступа граждан к правосудию, реализации гарантий права на защиту. Пусть не идеально в начале, но в итоге судебная си-

¹ Гаврилов Б.Я. Возбуждение уголовного дела: мифы о справедливости и реализация права на доступ к правосудию / Б.Я. Гаврилов // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве : материалы Всероссийской научно-практической конференции. 20–21 марта 2015 г. – СПб., 2016. – Ч. 1. – С. 68–70.

стема России справилась с вызовами пандемии, мобилизовала все свои возможности.

Очень интересным в этой связи представляется опыт стран ближнего зарубежья. Например, в республиках Казахстан и Азербайджан планируется интегрировать электронную систему адвокатуры с электронными системами государственных органов и судов¹. А в Узбекистане адвокаты имеют право проносить в СИЗО и другие пенитенциарные учреждения телефоны и компьютеры. Однако думается, что к цифровизации реализации функции защиты в уголовном процессе все-таки стоит подходить взвешенно, с учетом того, что любая техника и искусственный интеллект никогда не смогут осуществлять защиту всеми не запрещенными уголовно-процессуальным законом способами и средствами, для этого всегда необходим человек, обладающий определенным правовым статусом, позволяющим оказывать лицу квалифицированную юридическую помощь в зависимости от возникшей правовой ситуации (конкретного этапа расследования уголовного дела, отдельной стадии процесса).

Конечно, без внимания не должны оставаться вопросы, связанные с ликвидацией правовых пробелов в уголовно – процессуальном кодексе Российской Федерации, связанных, например, с отсутствием правового регулирования дистанционных форм участия по уголовному делу специалистов, экспертов. Ведь по видеоконференцсвязи они показания давать не могут. Однако такой формат во многом повысил бы эффективность деятельности правоохранительных органов и суда.

К тому же сейчас сложно оценить, насколько правильно или нет применять для реализации функции защиты в уголовном процессе Skype, Zoom, Teams и иные социальные сети, и мессенджеры.

Проблемой также остается тот факт, что каких-либо нравственных границ и критериев оценки современным обществом повсеместно используемых сейчас везде цифровых технологий не существует.

К достоинствам дистанционных технологий в отдельных регионах стоит отнести изменения способов выбора адвоката-

¹ Результаты XVII Ежегодной научно-практической конференции Федеральной палаты адвокатов РФ «Адвокатура. Государство. Общество». Официальный сайт ФПА. – URL : <https://fparf.ru/news/fpa/novye-tendentii-i-vyzovu> (дата обращения 29.10.2021).

защитника для работы по назначению: через call-центр, случайную выборку компьютерной программой, например. Это подход максимально отвечает интересам подозреваемых и обвиняемых, гарантирует их право на оказание квалифицированной юридической помощи беспристрастно и независимо от стороны обвинения.

Безопасность также является очень значимой составляющей в деятельности защитника, когда речь идет о передаче информации. Конечно, когда она осуществляется в электронной форме, тоже стоит задуматься о способах ее защиты. Полагаем, что необходимо вести независимо, самостоятельно, по защищенным каналам связи диалог с доверителем, однако выбор способов и средств для его поддержания всегда должен обеспечивать самостоятельность адвоката-защитника, без какого-либо давления на него со стороны государства. В противном случае под угрозой будет находиться принцип состязательности уголовного судопроизводства.

Подводя итог сказанному, стоит отметить, что пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 стала катализатором внедрения новых информационных технологий в уголовный процесс. Однако всегда стоит помнить, что реализация назначения уголовного судопроизводства возможна при соблюдении баланса сторон защиты и обвинения при сохранении судом позиции независимого арбитра, за всеми процессуальными решениями всегда стоит проявление воли, основываясь на высоких моральных качествах личности, чего у искусственного разума нет.

СОВРЕМЕННЫЕ ВИДЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРЕДСТВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗУМНОГО СРОКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Полухин В.М.

заместитель председателя Нижегородского областного суда

В числе проблем обеспечения эффективности уголовного судопроизводства находится проблема обеспечения его разумной длительности, следующей из необходимости реали-

зации принципа разумного срока уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6.1 УПК РФ. Механизм его реализации возможен единственным способом – за счет верного подбора и использования соответствующих процессуальных средств. Прежде, чем говорить о видах процессуальных средств, применяемых в целях обеспечения разумного срока уголовного судопроизводства, имеет смысл остановиться на общей классификации уголовно-процессуальных средств.

В настоящее время в теории процессуальных средств разработаны критерии классификации уголовно-процессуальных средств¹, на основании которых возможна их дифференциация следующим образом.

1. По функциональному признаку процессуальные средства подразделяются на регулятивные, охранительные и компенсаторные. Регулятивные направлены на регулирование общественных отношений через использование дозволений и запретов; охранительные призваны устранять препятствия для действия регулятивных средств; компенсаторные нацелены не просто на устранение создавшихся препятствий, но и на восполнение утраты, связанной с нарушением прав участников судопроизводства.

2. По значимости для решения задач судопроизводства процессуальные средства условно делятся на основные и вспомогательные. Если процессуальные средства непосредственно обеспечивают решение процессуальных задач и достижение целей судопроизводства, то они являются основными. Но если процессуальные средства только создают условия для использования других средств, то они относятся к вспомогательным.

3. По степени сложности структуры процессуальных средств их можно разделить на первичные (элементарные) и комплексные (составные). Особенность первичных (элементарных) процессуальных средств заключается в том, что они представляют отдельные элементы механизма правового регулирования, которые используются без привязки к другим процессуальным средствам.

¹ См., например: Беляева Г.С. Процессуально-правовые средства: понятие, признаки, виды / Г.С. Беляева // *Lex russica*. – 2015. – № 3. – С. 19–27; Селезнев Д.И. Средства уголовно-процессуальной деятельности: понятие и система : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012; Шрамкова М.Н. Понятие и закономерные свойства процессуально-правовых средств / М.Н. Шрамкова // *Современное право*. – 2011. – № 5. – С. 11–14.

К первичным (элементарным) процессуальным средствам относятся закрепленные в нормах УПК РФ процессуальные права и обязанности, запреты, санкции, дозволения. Комплексные (составные) процессуальные средства, связываемые со структурными особенностями механизма правового регулирования, представляют собой процессуальные механизмы, процедуры и акты¹.

4. По закрепленности в правовых формах процессуальные средства делятся на:

- 1) нормативно-правовые;
- 2) правоприменительные;
- 3) правореализационные.

Первые представлены принципами как формализованными правовыми установлениями общего характера. Вторые представляют собой нормативные положения, предназначенные для индивидуального использования. Третьи необходимы для реализации прав участников уголовного судопроизводства.

5. По пределу действия процессуальные средства разграничиваются на:

1) используемые на протяжении всего уголовного судопроизводства;

2) используемые на его отдельных стадиях или этапах. Например, требование соблюдения принципа разумного срока судопроизводства действует на всех досудебных и судебных стадиях, ограничиваясь стадией апелляционного производства. Такое же процессуальное средство, как подача жалобы в порядке статьи 125 УПК РФ, доступно только на досудебных стадиях.

В рамках обсуждения вопроса о видах процессуальных средств представляет интерес предложение К.Ю. Хатмуллина о выделении такого вида, как «право-временные средства», которые характеризуют либо длительность процесса, либо процессуальные сроки².

В теории уголовного процесса уже имеется опыт классификации именно процессуальных средств обеспечения разумного срока уголовного судопроизводства.

¹ См.: Шрамкова М.Н. Цели, средства и результаты процессуально-правового регулирования: общетеоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2014. – С. 104.

² Хатмуллин К.Ю. Право-временные средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2014. – С. 54.

В частности, Д.Г. Рожков подразделяет их на:

- 1) общие;
- 2) специальные;
- 3) сопутствующие.

К первым он относит нормы, оказывающие влияние на ход всего уголовного судопроизводства (например, принцип законности). Вторые, по его мнению, – это те, которые непосредственно регулируют процессуальные сроки. Третьи им определяются как нормы, прямо не устанавливающие процессуальные сроки, но оказывающие влияние на продолжительность производства по уголовному делу¹.

Оригинальный подход к классификации рассматриваемых процессуальных средств можно встретить в диссертационном исследовании С.Б. Некеновой, где они представлены в структуре элементов принципа обеспечения права на разумный срок уголовного судопроизводства. В частности, по ее мнению, в качестве правового средства, входящего в структуру «восстановительно-охранительного» элемента принципа обеспечения права на разумный срок уголовного судопроизводства, выступает «право лица обращаться с заявлением об ускорении производства по делу, и корреспондирующая ему обязанность властных субъектов принять меры к такому ускорению»².

Любая классификация процессуальных средств позволяет акцентировать внимание на каком-либо одном свойстве, положенном в основание классификации, и рассматривается как вспомогательное средство, позволяющее выявить конкретный потенциал рассматриваемых уголовно-процессуальных средств.

По характеру воздействия процессуальные средства можно разграничить на три вида:

- 1) превентивные;
- 2) санкционные;
- 3) компенсаторные.

¹ Рожков Д.Г. Обеспечение разумного срока уголовного производства в суде первой инстанции : дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2013. – С. 12.

² Некенова С.Б. Принцип обеспечения права лица на разумный срок уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2015. – С. 13.

Первые применяются в качестве стимулятора должного поведения участников уголовного процесса, используются в случае возникновения угрозы нарушения разумной длительности уголовного процесса и направлены на предупреждение такого нарушения. Например, сюда можно отнести право на обращение с заявлением об ускорении судопроизводства в порядке частей 5–6 статьи 6.1 УПК РФ.

Вторые, санкционные средства обеспечения разумного срока судопроизводства содержат в себе неблагоприятные правовые последствия для нарушителей разумной длительности судопроизводства. Например, это частные постановления суда в отношении должностных лиц, действия которых повлекли неправомерное затягивание уголовного судопроизводства.

Третий вид процессуальных средств (компенсаторные) направлен на заглаживание неимущественного вреда, причиненного лицам вследствие факта нарушения требований разумного срока уголовного судопроизводства.

Компенсаторные процессуальные средства обеспечения разумного срока уголовного судопроизводства имеют две формы реализации:

1) на уровне отечественного судопроизводства – в порядке смешанного (межотраслевого) судопроизводства: уголовно-процессуального и административного. Посредством административного процесса решаются вопросы о закономерности присуждения истцам компенсации за нарушение их права на разумный срок уголовного судопроизводства¹;

2) на уровне международной юрисдикции – в порядке рассмотрения жалоб граждан России в ЕСПЧ на нарушение статьи 6 Европейской конвенции.

Заметим, что принцип разумного срока уголовного судопроизводства имеет уникальный механизм компенсации в случае

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушения права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»: федеральный закон от 30 апреля 2010 года № 69-ФЗ: принят Государственной Думой 21 апреля 2010 года: одобрен Советом Федерации 28 апреля 2010 года // Собрание законодательства РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.

его нарушения, ни один другой принцип не имеет такого многоуровневого «набора» средств обеспечения.

По границам действия процессуальные средства обеспечения судом разумного срока уголовного судопроизводства подразделяются:

1) на общие, которые доступны на протяжении всего действия принципа разумного срока уголовного судопроизводства (например, жалоба на бездействие органов следствия или суда, влекущее угрозу нарушения названного принципа);

2) стадийные, которые могут использоваться только на некоторых стадиях уголовного процесса: досудебных или судебных.

Например, предполагаемое нарушение права на разумный срок уголовного судопроизводства в судебном производстве дает доступ заинтересованным лицам к такому процессуальному средству, являющемуся только «судебным», как обращение к председателю суда с заявлением об ускорении производства на основании частей 5–6 статьи 6.1 УПК РФ.

По степени сложности структуры процессуальные средства обеспечения судом разумного срока уголовного судопроизводства разграничиваются на первичные и комплексные. Первые могут использоваться самостоятельно и непосредственно. Например, жалоба в порядке статьи 125 УПК РФ на бездействие следователя, адресованная в суд, непосредственно влечет определенные действия, которые обязан предпринять по судебному решению следователь.

Вторые требуют предварительного использования первичного средства в виде обязательного этапа. Например, заявление о компенсации будет принято во внимание судом только после предварительного обращения с заявлением об ускорении судебного разбирательства председателю соответствующего суда.

В заключении отметим, что приведенная в данной статье классификация не является исчерпывающей и может быть дополнена иными критериями, в зависимости от цели систематизации. Кроме того, постоянное совершенствование уголовно-процессуального законодательства и судебной практики предполагает возможность появления новых, возможно, более эффективных средств обеспечения судом разумного срока уголовного судопроизводства.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНСТИТУТА ПРОВЕРКИ И ПЕРЕСМОТРА ПРИГОВОРОВ, ПОСТАНОВЛЕННЫХ НА ОСНОВАНИИ ВЕРДИКТА КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Садикова Ю.В.

преподаватель кафедры уголовно-процессуального права
СКФ ФГБОУ ВО «РГУП»

С 01 июня 2018 года вступили в силу основные изменения в уголовно-процессуальное законодательство, реформирующие институт присяжных заседателей в Российской Федерации, связанные с расширением применения института присяжных и сокращением численности состава коллегии присяжных заседателей¹. А с 01 октября 2019 года, в результате масштабной судебной реформы коренным образом изменилась существовавшая с 2010 года система проверки и пересмотра судебных решений, выразившаяся, в том числе, в создании апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции².

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей: Федеральный закон № 190-ФЗ: текст с изменениями и дополнениями на 29 декабря 2017г.: [Принят Государственной Думой 07 июня 2016 года]: [Одобен Советом Федерации 15 июня 2016 года] // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26. Ч. I. Ст. 3859 // КонсультантПлюс: справочная правовая система: сайт. – URL : <https://www.consultant.ru> (дата обращения 07.11.2021) – Режим доступа: для зарегистрированных пользователей. – Текст: электронный.

² О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции: Федеральный конституционный закон от № 1-ФКЗ: [Одобен Государственной Думой 17 июля 2018 года]: [Одобен Советом Федерации 24 июля 2018 года] // Собрание законодательства РФ. 2018. № 31. Ст. 4811 // КонсультантПлюс: справочная правовая система: сайт. – URL : <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 07.11.2021) – Режим доступа: для зарегистрированных пользователей. – Текст: электронный.

Законодательные нововведения в значительной мере затронули порядок пересмотра итоговых решений суда, в том числе приговоров, постановленных на основании вердикта коллегии присяжных заседателей. Этот факт обуславливает актуальность выбранной темы и научный интерес к особенностям правового регулирования процесса проверки пересмотра приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных.

Однако нормативные требования и эффективность института проверки и пересмотра приговоров, постановленных на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, не во всем отвечают потребностям современного общества, новым проблемам и вызовам. Очевидна и проблема несогласованности научных подходов в данном вопросе.

Т.Г. Бородинова раскрывает внутреннее содержание института пересмотра приговоров как совокупность общих для всех правовых институтов групп «норм, регулирующих предмет, объект, субъекты, последствия юридических фактов и группы норм, регулирующих специфические элементы данного института: повод и основания возбуждения производства по пересмотру приговора, основания отмены/изменения приговора, процедура и пределы пересмотра приговора, решения по результатам пересмотра приговоров»¹. Также следует отметить, что согласно позиции того же автора, внутренняя структура института пересмотра приговоров объединяет в себе группу относительно самостоятельных институтов проверки и пересмотра итоговых решений суда в апелляционной, кассационной, надзорной формах и ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Как справедливо указывает С.А. Насонов, специальной целью апелляционного производства является проверка юридических и фактических оснований приговора, как итогового решения суда, что предполагает повторное судебное разбирательство по существу в суде апелляционной инстанции, включающее не только собирание, проверку и оценку доказательств, но и уста-

¹ Бородинова Т.Г. Институт пересмотра приговоров в современном уголовно-процессуальном праве Российской Федерации : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореферат дис. ... на соиск. уч. ст. д-ра. юрид. наук. – Краснодар, 2016.

новление фактических обстоятельств дела посредством проверки и оценки доказательств, полученных судом первой инстанции¹.

Вместе с тем, главная особенность института проверки и пересмотра приговоров, постановленных на основании вердикта коллегии присяжных заседателей заключается, в том, что апелляционное рассмотрение применительно к таким приговорам не является новым рассмотрением дела: существуют определенные ограничения применительно к исследованию доказательств в судебном заседании, которые исключают возможность проверки и оспаривания обоснованности вердикта присяжных заседателей и приговора в части выводов, основанных на этом вердикте.

Согласно действующему законодательству в соответствии со статьей 401.3 УПК РФ для приговоров, постановленных на основании вердикта коллегии присяжных, как и для других итоговых решений судов, постановленных в ходе уголовного судопроизводства, предусмотрены два порядка производства в суде кассационной инстанции: с назначением судебного заседания суда кассационной инстанции без предварительного решения судьи о передаче кассационных жалобы, представления для их рассмотрения в судебном заседании (далее – порядок сплошной кассации), и с предварительным решением судьи о передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции (далее – порядок выборочной кассации)².

Несмотря на то, что основания отмены или изменения приговора, постановленного судом присяжных, указанные в

¹ Насонов С.А. Модели пересмотра не вступивших в законную силу приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных заседателей, в России и зарубежных странах / С.А. Насонов // Lex Russica. – 2013. – № 4. – С. 379–390.

² О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19: текст с изменениями на 29 июня 2021 года: [принято Пленумом Верховного Суда РФ 22 июня 2019 г.] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 9. – 2019 // КонсультантПлюс: справочная правовая система: сайт. – URL : <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 07.11.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

ст. 389.27 УПК РФ¹, полностью совпадают с соответствующими кассационными основаниями, есть очевидные различия. Судебное разбирательство в суде апелляционной инстанции включает в себя судебное следствие, прения сторон, последнее слово лица, в отношении которого проверяется судебное решение. Подобные этапы судебного разбирательства не предусмотрены в рамках кассационного пересмотра. При проверке приговоров в порядке сплошной кассации, суд действует в подготовительной части судебного заседания по правилам предусмотренных для рассмотрения уголовного дела в суде апелляционной инстанции, далее в порядке, предусмотренном частями 5–9 ст. 401.13 УПК РФ, предусматривающем возможность сторонам выступить по делу. Прения сторон и последнее слово лица, в отношении которого проверяется судебное решение не предусмотрены.

Современное состояние института пересмотра судебных решений свидетельствует об ординарном характере кассационной инстанции в системе уголовного судопроизводства при том, что созданные институциональные правила в достаточной мере обеспечивают право каждого на доступ к правосудию и на исправление судебной ошибки. Это не менее важно для достижения целей уголовного судопроизводства по делам, в которых итоговые решения принимаются непрофессиональными участниками уголовного процесса.

В научной среде вопрос об обоснованности существования апелляционного пересмотра для приговоров, постановленных на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, является дискуссионным. Такие исследователи как В.А. Давыдов, В.Д. Потапов² считают, необоснованным включение в предмет апелляционной проверки актов суда, которые постановлены с участием

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: УПК: текст с изменениями и дополнениями на 23 сентября 2021 года: [одобрен Советом Федерации 05 декабря 2001 года] // КонсультантПлюс: справочная правовая система: сайт. – URL : <https://demo.consultant.ru/> (дата обращения 07.11.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный

² См.: Давыдов В.А. Пересмотр судебных решений по уголовным делам: о некоторых законодательных новеллах накануне их применения // Уголовный процесс. – 2012. – № 11. – С. 49; Потапов В.Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореф. дис. ... на соиск. уч. ст. д-ра юрид. наук. – М., 2013.

коллегии присяжных заседателей. Вместе с тем именно в апелляционном порядке пересматривается наибольшее количество таких решений.

В 2020 году по статистике, представленной Судебным департаментом при Верховном Суде РФ¹, в апелляционном порядке обжаловано 112435 приговоров и других судебных постановлений по существу дела, из них по делам с участием присяжных заседателей – 723 (Здесь и далее статистические данные представлены по числу лиц). На первый взгляд, указанные данные свидетельствуют о крайне низком проценте (0,64 %) приговоров, постановленным на основании вердикта присяжных в числе обжалуемых судебных актов. С другой стороны, те же данные статистики говорят о том, что в 2019 году с участием присяжных рассмотрено с вынесением приговора 717 уголовных дел, а в 2020 – 675 дел: итого 1392 уголовных дела. То есть 732 обжалованных в 2020 году приговора, постановленных на основании вердикта коллегии присяжных составляют 51,93 % от общего числа приговоров, постановленных в таком порядке судопроизводства за два года, последовавших за расширением института присяжных, сопряженным с реформированием судебной системы и института пересмотра. Примечательно, что в кассационном порядке в 2020 году обжаловано 136 приговоров (в пять раз меньше, чем в апелляционном порядке), постановленных на основе вердикта коллегии присяжных, что составляет еще 9,77 % от такого вида итоговых судебных решений, принятых в совокупности за 2019–2020 годы. Из них 22 % отменены с направлением на новое рассмотрение. 30,84 % обжалованных в апелляционном порядке приговора, основанных на вердикте, также отправлены на новое рассмотрение в суд первой инстанции. В надзорном порядке в 2020 году обжаловано всего 9 решений, вынесенных по делам с участием присяжных заседателей, ни одного приговора не отменено, 1 кассационное определение по существу обвинения отменено с направлением дела на новое рассмотрение в суд кассационной инстанции. В этой связи очень важными являются два вопроса:

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. – URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения 07.11.2021).

1) о важности апелляционной проверки приговоров, постановленных с участием присяжных заседателей, для сторон, участвующих в уголовном деле; и 2) об эффективности и качестве такого вида пересмотра. Такой оценке подлежат, как основания отмены и изменения приговора, процедура и пределы его пересмотра, решения, принятые по результатам пересмотра.

Эффективность, всегда требует расчёта коэффициента эффективности, отражающего способность достичь результата с наименьшей затратой ресурсов, это само по себе невозможно без четко установленных критериев для оценки.

В целях и задачах Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2024 гг.»¹ частично изложены показатели оценки деятельности органов правосудия: сроки судопроизводства, исполнение судебных актов и др. Однако, указанные индикаторы нельзя назвать системой критериев эффективности судебных решений, являющихся ее результатом.

По мнению А.Ю. Астафьева, категория качество «отражает сущностные характеристики судопроизводства», а эффективность – «динамику изменения качества»². Таким образом, оценка качества осуществления правосудия определяется посредством сопоставления цели и результата, соотношения результата и «затрат», направленных на их достижение (организационные и материальные ресурсы, время и т.д.). Исходя из данной точки зрения, необходимо обратить внимание на оценку качественных характеристик процессуальных действий суда при принятии им решений по уголовным делам с участием присяжных заседателей.

Большой процент отмененных в 2020 г. в апелляционном порядке приговоров, постановленных на основании вердикта коллегии присяжных, с направлением дела на новое рассмотрение (30,84 % от числа такого вида решений, принятых в сумме за

¹ О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы»: с изменениями и дополнениями на 29 декабря 2020 года : Постановление Правительства №1406: (подписано 27 декабря 2012 г.). – URL : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102088054&backlink=1&nd=102162740> (дата обращения 04.04.2021).

² Астафьев А.Ю. Эффективность судебной деятельности: понятие и критерии оценки / А.Ю. Астафьев // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2012. – № 1. – С. 124.

2019 и 2020 гг.) свидетельствует о невысоком качестве таких приговоров, постановленных в первой инстанции. Вместе с тем апелляционный пересмотр такого вида решений нельзя назвать эффективным при совокупной оценке всех затрат, направленных на достижение цели по делам с участием присяжных заседателей: повторное формирование коллегии, непосредственно увеличивает материальные издержки, сроки судопроизводства, требует увеличения организационных ресурсов при производстве в данной форме. Так, например, в настоящее время на рассмотрении в Краснодарском краевом суде с участием коллегии присяжных находятся 7 уголовных дел, лишь два из них начаты производством в первой половине 2021 года, остальные приняты к производству в конце 2019 – в 2020 году. Итоговые решения по ним не приняты¹. Это наглядно демонстрирует временные рамки рассмотрения таких уголовных дел.

Ликвидация апелляционной проверки для приговоров, постановленных с участием присяжных заседателей в свою очередь также не решит проблему и неизбежно увеличит нагрузку на кассационные суды, и одновременно с этим скажется на сроках судопроизводства, не решив проблему качества таких решений, поскольку, как уже было сказано ранее более 20 % таких приговоров, обжалованных в кассационном порядке, отменено кассационным судом с направлением на новое судебное рассмотрение. Между тем в настоящее время отсутствуют алгоритмы, которые позволят осуществлять апелляционную проверку и пересмотр приговоров, постановленных на основании вердикта коллегии присяжных эффективно.

Следует отметить позицию Б.Т. Безлепкина, согласно которой «уголовное дело, судебный процесс по которому начался с рассмотрения его с участием присяжных заседателей, должно быть разрешено по существу с обязательным участием присяжных заседателей, сколь бы ни была сложна его биография, какие бы инстанции оно ни проходило»². Обозначенная позиция, на

¹ Судебное делопроизводство: поиск информации по делам и материалам. // Краснодарский краевой суд. – URL : <https://kraevoi--krd.sudrf.ru/> (дата обращения 07.11.2021).

² Безлепкин Б.Т. Настольная книга судьи по уголовному процессу. – 4-е изд. – М. : Проспект, 2014. – 400 с.

наш взгляд соответствует концептуальному пониманию апелляции как повторному рассмотрению уголовного дела. Апелляционному пересмотру приговоров, основанных на вердикте коллегии присяжных, наиболее бы соответствовала модель, предполагающая новое рассмотрение уголовного дела другой коллегией присяжных заседателей. Существование суда с участием присяжных заседателей на уровне судов субъектов в Российской Федерации, может способствовать внедрению такой модели на уровне судов среднего звена. На основе проведенного анализа, можно сделать вывод, что современное состояние института проверки и пересмотра приговоров, постановленных на основании вердикта коллегии присяжных требует его совершенствования. Это неизбежно потребует разработку модели организации процесса апелляционной проверки и пересмотра приговоров, постановленных с участием присяжных заседателей. Совершенствование института пересмотра приговоров, постановленных на основании вердикта коллегии присяжных, направленное на создание новой организационной модели апелляционного пересмотра, позволит устранить существующие противоречия в науке и законодательном регулировании апелляции применительно к проверке приговоров, постановленных на основании вердикта; вместе с тем это существенно сократит ресурсы как временные, так и материальные на судопроизводство в указанной дифференцированной форме, и без того характеризующееся повышенными финансовыми, организационными и временными издержками.

Таким образом, современное состояние института проверки и пересмотра приговоров, постановленных на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, в перспективе требует реформирования, влекущее совершенствование существующей или создание новой модели апелляционной проверки и пересмотра такого вида итоговых решений суда.

ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ КАК ИСТОЧНИК ПОЛУЧЕНИЯ СЛЕДОВ – ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Сафонов А.А.

канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры ТКОЭИ

учебно-научного комплекса Судебной экспертизы
Московского Университета МВД России им. В.Я. Кикотя

Основания производства осмотра места происшествия и порядок его проведения определены в ст. 176 и 177 УПК РФ. Осмотр «...производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела»¹.

Местом происшествия принято называть участок местности или помещение, в пределах которого обнаружены следы преступления. Следует отметить, что преступление могло быть совершено как в месте его обнаружения, так и в другом месте.

Объектами, подлежащими исследованию при осмотре места происшествия, являются: участок местности; помещение; обстановка места происшествия; труп; следы преступления и преступника, иные предметы или документы.

Как правило, осмотр места происшествия является самым первым следственным действием. Очевидно, что если имеются признаки преступления и если обнаружены следы и вещественные доказательства, свидетельствующие о характере и обстоятельствах этого преступления, то необходимо как можно быстрее произвести осмотр места происшествия. Если осмотр произведен некачественно и не достиг своей цели, то эту ошибку невозможно исправить, так как с течением времени обстановка места происшествия неизбежно изменяется, а следы исчезают.

Осмотр места происшествия производится следователем или дознавателем. Обязательными участниками осмотра являются понятые, в случае необходимости привлекаются специалисты в

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (по состоянию на 05 октября 2007 года). – М. : Юриздат, 2007. – 235 с.

соответствующей области. Установленные при осмотре места происшествия и включенные в протокол фактические данные являются доказательствами. Обнаруженные предметы, которые были объектом преступления или служили орудием его совершения, являются вещественными доказательствами.

Задачи осмотра места происшествия заключаются в следующем:

- исследование и фиксация обстановки места происшествия;
- выявление, фиксация и изъятие следов и вещественных доказательств;
- выявление обстоятельств и данных, которые могут быть использованы для розыска скрывшихся преступников;
- установление причин и условий, способствовавших совершению преступления¹.

К принципам осмотра места происшествия относятся: законность, своевременность, полнота, плановость и объективность.

Принцип законности требует, чтобы осмотр места происшествия проводился в точном соответствии с нормами уголовно-процессуального права. Не допускаются действия, унижающие достоинство или опасные для здоровья участников осмотра и тех лиц, интересы которых могут быть затронуты производством осмотра. Весь ход и результаты осмотра должны быть зафиксированы в установленном законом порядке. Своевременность осмотра обеспечивается тем, что следственно-оперативная группа незамедлительно выезжает на место происшествия, а по прибытии туда приступает к осмотру. Указанное требование направлено на обеспечение сохранности объектов к моменту начала осмотра и прямо влияет на его эффективность и результативность. Если осмотр проведен несвоевременно, следы могут быть уничтожены в результате неблагоприятных погодных условий или посторонними лицами, первоначальная обстановка нарушается, и при этом утрачиваются вещественные доказательства, без которых расследование становится крайне затруднительным. Однако, данный принцип на практике не всегда соблюдается в пол-

¹ Разумов Э.А. Осмотр места происшествия / Э.А. Разумов, Н.П. Молибога. – К. : РИО МВД Украины, 1994. – 672 с.

ной мере: группа не может прибыть на место незамедлительно либо потому, что уже работает на другом месте происшествия, либо нет свободного автомобиля. Но в данном случае это проблема не членов оперативно-следственной группы. Вопрос организации работы и обеспечения необходимым оборудованием, транспортом возлагается на вышестоящее руководство.

Осмотр целесообразно производить при дневном свете, но если событие произошло ночью, то откладывать осмотр не рекомендуется. В таких случаях, необходимо обеспечить освещение места происшествия: на открытой местности можно использовать фары автомобиля, специальное освещение, установленное на крыше дежурного автомобиля. Иногда осмотр может быть отложен до утра, но надо иметь в виду, что имеющиеся на открытой местности следы могут быть уничтожены снегом или дождем, и поэтому следует обеспечить их сохранность надежным укрытием.

Принцип полноты осмотра означает тщательность исследования и фиксации всего того, что может иметь значение для расследования преступления. Однако нельзя считать, что нужно с одинаковой тщательностью и во всех подробностях исследовать и фиксировать все объекты места происшествия. Во-первых, это потребовало бы слишком много времени, а во-вторых, значимое терялось бы в массе всевозможных деталей. С другой стороны, недопустимо, чтобы обстановка места происшествия фиксировалась поверхностно и упрощенно.

В связи с тем, что в протоколе осмотра невозможно подробно зафиксировать обстановку во всех ее деталях, в этих целях используются технические средства – фотосъемка и видеозапись. Объем фиксируемой таким образом информации должен превышать объем данных, занесенных в протокол. Подробное фиксирование обстановки места происшествия необходимо для решения целого ряда задач и, в частности, для определения времени совершения преступления. Плановость осмотра достигается в том случае, когда к обстановке места происшествия подходят не как к случайному скоплению отдельных следов и предметов, а как к взаимосвязанной системе объектов, закономерно отображающей действия преступника, его жертвы и иных лиц.

Участвующий в осмотре места происшествия специалист криминалистического подразделения составляет план своих дей-

ствий, который согласовывает со следователем. План, который включает в себя вопросы поиска, фиксации следов и других вещественных доказательств, должен основываться на моделировании действий преступника. При этом специалист должен постараться поставить себя на место преступника, мысленно представить все его действия и определить те места, где следует искать следы. Осмотр места происшествия должен производиться объективно, без какой-либо предвзятости, односторонности, и сопровождаться тщательной фиксацией всех данных, которые имеют или могут иметь отношение к исследуемому событию.

Доказательственное значение осмотра места происшествия заключается в том, чтобы точно и объективно зафиксировать обстановку в том состоянии, в котором она находилась в момент осмотра.

Если же к этому моменту обстановка места происшествия оказалась изменённой (труп увезен в морг, мебель поставлена на свои обычные места и т.д.), то эти изменения устанавливаются путем допросов или в процессе проведения других следственных действий – следственного, эксперимента либо воспроизведения показаний на месте.

Однако, в силу каких-либо условий, не всегда первичный осмотр достигает своей цели: изъяты не все необходимые следы, не зафиксированы не все объекты и т.д. В таких случаях целесообразно провести дополнительный осмотр.

Повторный осмотр производится, когда есть основания полагать, что при первоначальном осмотре не выявлены следы и вещественные доказательства, которые, судя по характеру происшествия, непременно должны быть; или если осмотр проведен без участия специалистов; если протокол осмотра не дает представления об обстановке места происшествия. Хотя исправить ошибки первоначального осмотра очень трудно, а в некоторых случаях невозможно, все же лучше произвести повторный осмотр, поскольку при этом могут быть получены дополнительные данные, имеющие значение для раскрытия преступления.

Тактическая особенность дополнительного и повторного осмотра заключается в более целеустремленном исследовании обстановки места происшествия в целом и ее деталей. Кроме того, он проводится в более спокойной, деловой обстановке, чем

первоначальный осмотр, что положительно сказывается на его результативности. Причем очень важно, чтобы во время первоначального осмотра обстановка по возможности оставалась неизменной, а также была обеспечена охрана места происшествия. К дополнительному и повторному осмотру могут быть привлечены специалисты узкого профиля, что обеспечит более квалифицированное его проведение.

При получении сообщения о происшествии, в связи с которым необходим выезд для проведения осмотра, осуществляется комплекс неотложных мер. Среди них наиболее важное значение имеет обеспечение охраны места происшествия. Несоблюдение этого требования может привести к невозможной утрате важнейших следов и других вещественных доказательств.

Надо иметь в виду, что иногда сохранить первоначальную обстановку места происшествия полностью невозможно в силу объективных причин. Так, если случился пожар, то, конечно, в первую очередь необходимо ликвидировать его; при наезде автомобиля на человека надо немедленно оказать потерпевшему медицинскую помощь. Принимаются меры к тому, чтобы в обстановку места происшествия не были внесены – случайно или намеренно – какие-либо изменения посторонними лицами и чтобы никакие следы не уничтожались, а также не создавались новые следы. С этой целью должны быть выставлены специальные лица и на них возложена обязанность не допускать никого к месту происшествия до прибытия следователя или работника органа дознания, не разрешать что-либо убирать, переставлять или трогать. Обеспечивается сохранность материальных следов происшествия от возможных естественных изменений. Как известно, следы ног и транспортных средств, следы рук, пятна крови, горюче-смазочных материалов и другие могут на открытом воздухе подвергаться изменению под влиянием метеорологических явлений. Поэтому, если есть основания опасаться, что такие изменения могут произойти, нужно организовать, чтобы следы и вещественные доказательства были осторожно прикрыты, например, ящиками или коробками, пленкой. Труп при необходимости также накрывается полиэтиленовой пленкой.

Кроме следователя (дознателя) на месте происшествия, как уже упоминали, должны находиться понятые и специалисты

(криминалисты, судебно-медицинские эксперты и т.д.). Работники милиции, обеспечивающие охрану места происшествия и оказание технической помощи, находятся за пределами грации осмотра.

После того, как определены лица, которые будут участвовать в осмотре места происшествия, следует их проинструктировать, обратив внимание на то, что недопустимо вносить изменения в обстановку, курить, перемещаться по территории осмотра (кроме разрешенных «коридоров»), без разрешения прикасаться к чему бы то ни было, облакачиваться, садиться.

Прежде чем приступить к осмотру места происшествия, необходимо заранее определить границы осмотра. Если этого не сделать, то, прежде всего не будет организована охрана всего осматриваемого участка, что может привести к утрате важных следов и вещественных доказательств. Кроме этого, в таких случаях не будет обеспечена полнота исследования обстановки места происшествия, а значит, не будут обнаружены и изъяты все имеющиеся следы преступления.

Осмотр места происшествия делится на три стадии – общую, детальную и заключительную.

Общий осмотр начинается с обзора местности в целях: ориентации на ней; определения границ подлежащего осмотру пространства; решения вопроса об исходной точке и последовательности осмотра; выбора позиций для производства ориентирующей и обзорной фотосъемки и осуществления этой съемки. Затем необходимо выяснить, какие объекты находятся на месте происшествия, исследовать весь комплекс обстоятельств, относящихся к месту происшествия, изучить взаимное расположение и взаимосвязь элементов обстановки, их внешний вид и состояние, зафиксировать положение объектов к моменту начала осмотра, ничего не трогая и не изменяя. Детальный осмотр, как правило, осуществляется по стадиям. Статическая стадия состоит в исследовании объектов в неподвижном состоянии, не допуская изменения их положения. Она имеет целью запечатлеть точное месторасположение объекта, его положение по отношению к другим объектам и его состояние. Динамическая стадия заключается в изучении объекта, влекущем за собой изменение его местоположения и расположения его частей.

Во время детального осмотра исследуются предметы и следы, оставленные на месте происшествия, пути, по которым преступник мог проникнуть на место преступления и уйти после его совершения. Принимаются все меры к обнаружению следов преступления и самого преступника; при этом объекты могут сдвигаться с места, переворачиваться. Во время заключительной стадии осмотра составляется протокол, проверяется качество описания в нем обнаруженных следов и других вещественных доказательств, способов их фиксации и изъятия. Изымаемые предметы, слепки, откопированные следы, вещества и другие объекты упаковываются с соблюдением мер предосторожности в подручные материалы или специальную упаковочную тару. Упакованные объекты опечатываются, делаются специальные пояснительные надписи, удостоверяемые подписями лица, производящего осмотр места происшествия, и понятых. Принимаются меры к сохранению тех имеющих доказательственное значение объектов, которые изъять с места происшествия невозможно¹.

ТРЕНД ПЛАНИРОВАНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ

Сибилькова А.В.

канд. юрид. наук,

старший преподаватель

кафедры управления органами расследования преступлений

Академии управления МВД России

Расследование преступления является сложной многозадачной, многоэтапной деятельностью, в которой задействовано большое количество людей – участников уголовного судопроизводства. Очевидно, что для достижения целей расследования необходимо тщательно планировать эту деятельность.

¹ Осмотр места происшествия : учеб. пособие / А.Г. Жданов, А.М. Зинин, В.А. Ивашков [и др.]; Под ред. канд. юрид. наук В.Ф. Статкуса. – М. : ЭКЦ МВД России, 1995. – 214 с.

В.И. Громов еще в 1925 году писал о важности составления плана расследования¹. Вопросами планирования расследования занимались В.П. Антипов², Л.П. Дубровицкая и И.М. Лузгин³, И.Ф. Крылов⁴, и др., которые рассматривали различные аспекты данной проблемы.

К определению планирования расследования в криминалистике сформировались различные подходы. Одна группа авторов рассматривает планирование как метод организации расследования (Р.С. Белкин, А.Н. Васильев), другая – как мыслительный процесс (Л.Я. Драпкин, А.Г. Филиппов), третья – придает ему двойственную природу. Например, С.А. Величкин представляет планирование как метод организации расследования и как мыслительный процесс⁵, И.А. Архипова – как условие организации труда следователя и мыслительный процесс расследования⁶.

А.Н. Васильев позже поменял свою точку зрения и отнес планирование к тактическим приемам⁷.

Планирование и организация расследования – взаимосвязанные понятия. Взаимосвязь их обусловлена тем, что в план включаются мероприятия организационного порядка, а выполнение запланированных следственных действий требует организационного обеспечения (привлечение специалиста к участию в осмотре, воссоздание обстановки проведения следственного эксперимента и др.). Вместе с тем планирование отличается от орга-

¹ Громов В.И. Дознание и предварительное следствие (теория и техника расследования преступлений). – М., 1925. – С. 65.

² Антипов В.П. Планирование расследования нераскрытых преступлений. – М. : Юрлитинформ, 2002. – 144 с.

³ Дубровицкая Л.П. Планирование расследования : учеб. пособие / Л.П. Дубровицкая, И.М. Лузгин. – М. : Высш. шк. МВД СССР, 1972. – 54 с.

⁴ Крылов И.Ф. Планирование и организация расследования / И.Ф. Крылов; Г.А. Абдумажидов [и др.]; Под ред. И.Ф. Крылова, А.И. Бастрыкина // Криминалистика : учебник. – М., 2001. – С. 447–455.

⁵ Криминалистика : учебник / А.И. Александров [и др.]; Под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло. – СПб. : Лань, 2001. – С. 345.

⁶ Криминалистика : учебник / Под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ – ДАНА: Закон и право, 2008. – С. 359.

⁷ Криминалистика : учебник / Б.Е. Богданов [и др.]; Отв. ред. А.Н. Васильев. – М. : Изд. Моск. ун-та, 1971. – С. 268.

низации по целям. Планирование направлено на определение мероприятий, которые позволят установить обстоятельства, подлежащие доказыванию, в свою очередь, организация имеет цель обеспечить проведение запланированных мероприятий.

Планирование расследования включает в себя тактические приемы, которые обеспечивают эффективность анализа исходной ситуации, выделение в ней криминалистически значимой информации и т.п., а также следственные действия и тактические операции. Поэтому планирование расследования по объему, уровню решаемых задач и значению шире тактического приема. Кроме того, эти понятия отличаются и по другим критериям (например, по целям).

Таким образом, наиболее уместным положением, которым следует определять планирование расследования, является мыслительный процесс.

В теории криминалистики существуют различные подходы и к определению структурных элементов, составляющих содержание планирования расследования преступлений.

В подходах Л.Я. Драпкина¹ и О.Я. Баева² не анализируется исходная информация, т.е. имеющиеся в ней криминалистически значимые факты.

Р.С. Белкин к элементам планирования добавил анализ исходной информации³.

А.Г. Филиппов предлагает начинать планирование с изучения имеющихся фактических данных⁴.

Здесь следует уточнить, о каких исходных данных идет речь – это данные о преступлении (времени, месте, способе совершения, личности потерпевшего, о возможных подозреваемых).

На наш взгляд, следует расширить объем исходных данных, учитываемых при планировании расследования, не ограничивая их только обстоятельствами преступления.

¹ Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1987. – 163 с.

² Баев О.Я. Тактика следственных действий : учеб. пособие. – 2-е изд., доп. и испр. – Воронеж : МОДЕК, 1995.

³ Белкин Р.С. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов. – 3-е изд., доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – С. 499.

⁴ Криминалистика : учебник / В.В. Агафонов [и др.]; Под ред. А.Г. Филиппова. – М. : Высш. образование, 2008. – С. 291.

Следует отметить, что криминалистика с момента ее зарождения имеет синтетический характер, то есть вбирает в себя и адаптирует для раскрытия и расследования преступлений достижения многих других наук. На наш взгляд, настало время более широкого использования в криминалистике достижений психологии, причем не только для анализа психики подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, а для выявления и учета в работе психологических особенностей лица, ведущего расследование.

Такая тенденция уже нашла отражение, например, в трудах А.Д. Белоусова, предлагающего активизировать личностные ресурсы следователя при расследовании уголовных дел¹.

На наш взгляд личностные особенности следователя и других участников уголовного судопроизводства должны учитываться при планировании расследования по уголовному делу, наряду с другими элементами.

Большую популярность в психологии в настоящее время приобрела концепция эмоционального интеллекта. Его развитию придается все больше значения для эффективной работы в различных сферах человеческой деятельности. Эмоциональный интеллект представляет собой сумму навыков и способностей человека распознавать эмоции, понимать намерения, мотивацию и желания других людей и свои собственные, а также способность управлять своими эмоциями и эмоциями других людей в целях решения практических задач². По менее распространённому определению С. Стейна и Г. Бука, эмоциональный интеллект, в отличие от привычного всем понятия интеллекта, «является способностью правильно истолковывать обстановку и оказывать на неё влияние, интуитивно улавливать то, чего хотят и в чём нуждаются другие люди, знать их сильные и слабые стороны, не поддаваться стрессу и быть обаятельным»³.

¹ Белоусов А.Д. Личностные ресурсы следователя: структура и методы активизации при расследовании уголовных дел. – 2021. – 96 с.

² Эмоциональный интеллект. – URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/Эмоциональный_интеллект (дата обращения 12.11.2021).

³ Стивен Дж. Стейн. Преимущества EQ. Эмоциональный интеллект и ваши успехи. Баланс Бизнес Букс/ Стивен Дж. Стейн, Говард И. Бук. – 2007. – 384 с.

Для следователя, чья работа связана с людьми, безусловно, важным является развитие эмоционального интеллекта. И работа по планированию расследования должна задействовать не только ментальный, но и эмоциональный интеллект. Порядок, место и время проведения следственных действий с различными участниками уголовного судопроизводства, должны определяться не формально, а с учетом их психологических особенностей, убеждений, чувств, испытываемых по поводу преступления и участия в его расследовании.

В настоящее время все большее развитие и распространение находят психофизиологические экспертизы и исследования с применением полиграфа – устройства, позволяющего фиксировать эмоциональные реакции на вопросы, касающиеся преступления. На наш взгляд, следователь с хорошо развитым эмоциональным интеллектом лучше сможет понять реакции допрашиваемого лица, нежели техническое устройство, фиксирующее лишь всплески эмоций, а каких именно не дифференцирующее.

Следователь также должен знать и учитывать время в сутках, когда его работоспособность находится на пике. На это время можно планировать наиболее энергозатратные следственные действия, например, допрос обвиняемого, когда нужна наибольшая концентрация внимания. Естественными являются и периоды снижения работоспособности в течение суток, на это время можно планировать техническую работу, не требующую эмоциональных затрат.

Знание своего преобладающего типа темперамента (холерик, сангвиник, флегматик, меланхолик) также может дать преимущество следователю при выборе тактических приемов, которые ему наиболее подходят.

Таким образом, психологические особенности следователя, дознавателя, а также иных участников уголовного производства, на наш взгляд, должны стать одним из факторов в планировании расследования преступлений, а криминалистика должна адаптировать достижения психологии для расследования преступлений.

АКТУАЛЬНОСТЬ УЧЕТА ВИДОВ И ФОРМ СОУЧАСТИЯ В ВОПРОСЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОУЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Ставило С.П.

канд. юрид. наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
НФ ФГКОУ ВО «КРУ МВД РФ»

Институт соучастия является очень важным институтом уголовного права. Его изучение позволяет разобраться в степени участия каждого из виновных в совместно совершаемом или совершенном преступлении и с учетом этого дифференцированно подходить к привлечению каждого из них к уголовной ответственности и наказанию. Актуальность изучения института соучастия в преступлении связана с большим разнообразием групповых преступлений и групповой преступной деятельности.

Совершение преступления в соучастии: группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой и преступным сообществом (преступной организацией) является обстоятельством, отягчающим наказание (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ) и квалифицирующим обстоятельством.

В соответствии со ст. 32 УК РФ «Понятие соучастия в преступлении» соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления. Объективно известно, что каждый из соучастников вносит свой вклад в преступление, стремится к достижению общего преступного результата, который находится в причинной связи с действиями (бездействием) всех соучастников. К субъективным признакам соучастия можно отнести: взаимную осведомленность соучастников о совместных действиях и общность умысла в совершении преступления. Соучастники тщательно продумывают преступление, надеясь на взаимную помощь и поддержку.

В теории уголовного права различают виды соучастия – простое и сложное. В основу такой классификации положены различные общественно опасные проявления совместного совер-

шения преступления двумя или более лицами в рамках определенной формы соучастия. Простое соучастие, по сути, представляет собой соисполнительство, а сложное соучастие (соучастие с распределением ролей) имеет место, когда между соучастниками существует распределение обязанностей (ролей).

В основу классификации форм соучастия положена степень организованности (устойчивости, сплоченности) соучастников.

Первой формой соучастия является группа лиц без предварительного сговора (ч. 1 ст. 35 УК РФ). В этом случае в преступной деятельности чаще всего присутствует внезапно возникший умысел в сочетании с благоприятными условиями, обстоятельствами, поводом для совершения преступления. Заранее обдуманый умысел может присутствовать только у отдельного соучастника или у двух и более, но каждый из них в отдельности об этом не осведомлен (например, группа подростков за отказ дать закурить начинает избивать прохожего, хотя заранее об этом они не договаривались. Или двое злоумышленников, проходя мимо автомобиля с приоткрытым передним боковым окном, воспользовавшись благоприятными условиями, совершают кражу личных вещей).

Вторую форму соучастия образует группа лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 35 УК РФ).

Соучастники могут заранее обсуждать особенности предмета посягательства или особенности личности потерпевшего, время, место, способы совершения преступления и т. д. Соглашение между соучастниками обязательно должно быть достигнуто до начала преступления, при этом для квалификации неважно, достигнуто ли оно перед самым его началом или заранее.

Соглашение между соучастниками достигается различными способами: словесным, письменным, путем совершения конклюдентных действий, когда используются различные жесты, условные знаки и т.д. Возможны случаи достижения соглашения на участие в преступлении через Интернет, особенно при совершении массовых беспорядков, хулиганства, вандализма и др.

Третьей формой соучастия является организованная группа, которая имеет место, если в совершении преступления участвовала устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений (ч. 3 ст. 35 УК РФ).

В.С. Устинов среди обязательных признаков организованной группы называет: наличие двух и более лиц, устойчивость, объединение для совершения одного сложного или нескольких преступлений, отсутствие иерархической структуры. К факультативным признакам он предлагает отнести: вооруженность, наличие коррумпированных связей, определенные виды совершаемых преступлений, признание традиций преступного мира, жесткую дисциплину, определенные мотивы и цели совершения преступления¹.

Четвертой формой соучастия является преступное сообщество (преступная организация), то есть структурированная организованная группа или объединение организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды (ч. 4 ст. 35 УК РФ).

Под сплоченностью следует понимать наличие у членов организации общих целей, намерений, превращающих преступное сообщество в единое целое. О сплоченности может свидетельствовать наличие устоявшихся связей, организационно-управленческих структур, финансовой базы, единой кассы из взносов от преступной деятельности, конспирации, иерархии подчинения, единых и жестких правил взаимоотношений и поведения с санкциями за нарушение неписаного устава сообщества. Признак организованности – четкое распределение функций между соучастниками, тщательное планирование преступной деятельности, наличие внутренней жесткой дисциплины и т.д.²

Считается, что преступная организация – это единая организационная структура, а преступное сообщество представляет собой объединение преступных организаций или организованных групп под единым руководством.

В основу классификации соучастников преступления уголовный закон положил характер выполняемых ими действий (бездействия) и объективную роль каждого соучастника в совершении преступления.

¹ Устинов В.С. Уголовное право России (Общая часть). – Н. Новгород, 1997. – С. 81.

² См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2001. – № 9. – С. 9.

Так организатором признается лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими (ч. 3 ст. 33 УК РФ).

Среди всех соучастников преступления наиболее опасной и сложной фигурой является организатор. При организации преступления именно он подыскивает участников преступления, осуществляет их подготовку, заранее распределяет между ними обязанности (роли), заботится об оснащении соучастников необходимыми орудиями и средствами совершения преступления, принимает меры по обучению их соответствующим приемам и методам, разрабатывает план посягательства и т.п. Руководящая роль организатора заключается в распределении участников на месте совершения преступления (если это не было сделано ранее), координации их действий, отдаче распоряжений, связанных с выполнением объективной стороны состава преступления, и т.д.

Личные цели организатора преступления могут не совпадать с целями прямого исполнителя. Так, субъект, организовавший кражу, может действовать не по корыстным побуждениям, а преследуя цель мести. Тем не менее организатор отвечает за все, что совершено другими соучастниками во исполнение задуманного и организованного им преступления.

Подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом (ч. 4 ст. 33 УК РФ).

По степени опасности деятельность подстрекателя преступления является следующей за деятельностью организатора. Именно подстрекатель является заказчиком, а зачастую и инициатором конкретного преступления, стоит у его «истоков». Подстрекательство всегда проявляется в активных действиях, направленных на возбуждение у другого лица решимости совершить преступление, поэтому подстрекатель всегда действует с прямым умыслом и целью – склонить другое лицо к совершению конкретного преступления.

Способы, которые использует подстрекатель, разнообразны, они могут далеко выходить за рамки прямо обозначенных в уголовном законе (ч. 4 ст. 33 УК РФ), это не только уговор, подкуп и

угроза, но и просьба, обещание, обольщение, введение в заблуждение, провокация и др. Русский профессор Г.Е. Колоколов описал более двухсот способов подстрекательства.

От подстрекательства следует отграничивать некоторые преступления, схожие с ним объективной стороной: ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», ст. 354 УК РФ «Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны». В указанных случаях подстрекательство образует самостоятельное преступление, поскольку направлено на склонение неопределенного числа лиц к совершению тех или иных общественно опасных деяний. Подстрекательство как разновидность соучастия имеет своей целью склонить определенное лицо к совершению конкретного преступления.

Если подстрекателю не удалось по независящим от него обстоятельствам склонить других лиц к совершению преступления (например, в случае их отказа), то он несет уголовную ответственность за приготовление к тому преступлению, к которому он пытался склонить других лиц (ч. 5 ст. 34 УК РФ)¹.

Исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление, либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), а также лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных уголовным законодательством (ч. 2 ст. 33 УК РФ).

Исполнитель является важнейшей фигурой в соучастии, без него соучастие невозможно, именно он лично или совместно с другими лицами выполняет объективную сторону конкретного преступления, поэтому его поведение прямым образом влияет на юридическую оценку действий (бездействия) других соучастников. Действия исполнителя при соучастии – результат совокупных усилий других соучастников.

Соисполнители отвечают по статье Особенной части УК РФ за преступление, совершенное ими совместно, без ссылки на ст. 33 УК РФ (ч. 2 ст. 34 УК РФ).

¹ См.: Плаксина Т. Неудавшееся подстрекательство / Т. Плаксина // Уголовное право. – 2011. – № 4. – С. 46–51.

Значимость роли исполнителя выражена и в том, что если другие соучастники совмещают свои обязанности с обязанностями исполнителя преступления, то именно исполнительские действия выступают доминирующими и поглощают организацию, подстрекательство либо пособничество в преступлении (например, если подстрекатель склоняет другое лицо к совершению преступления, а затем совместно с ним совершает его, то такие действия оцениваются как групповое преступление, а подстрекательство к нему самостоятельной квалификации не требует). Аналогично решается этот вопрос при совмещении функций организатора и подстрекателя с непосредственным участием в преступлении. В ч. 3 ст. 34 УК РФ говорится о совмещении любой роли с ролью исполнителя, что обязывает квалифицировать содеянное без ссылки на ст. 33 УК РФ. Таким образом, исполнитель выступает стержнем соучастия, и только по отношению к нему действия других соучастников приобретают юридическое значение.

В ч. 2 ст. 33 УК РФ речь идет о тех случаях, когда один из соучастников (как правило, подстрекатель) использует в качестве орудия совершения преступления другого человека, не подлежащего уголовной ответственности из-за возраста, невменяемости, невиновного причинения вреда или других обстоятельств. Такие ситуации по традиции принято именовать посредственным исполнением, а лиц, таким способом совершающих преступления, – посредственными исполнителями¹.

Бывают случаи, когда деятельность исполнителя выходит за рамки общей договоренности с другими соучастниками. Такие случаи образуют эксцесс исполнителя. За эксцесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат.

Пособником преступления признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения

¹ См.: Коробков Г. Исполнитель преступления: проблемы теории, законодательной регламентации и судебная практика / Г. Коробков // Уголовное право. – 2006. – № 2. – С. 46–49.

преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы (ч. 5 ст. 33 УК РФ). Среди всех соучастников пособник является наименее опасной фигурой, играет менее активную роль, однако зачастую без его вклада невозможно совершить конкретное преступление.

В заключении хочется отметить, что существует две концепции ответственности за соучастие в преступлении. Акцессорная теория исходит из несамостоятельного характера соучастия: соучастник может нести ответственность за свои действия лишь при наличии наказуемого действия исполнителя, если к ней привлечен исполнитель. Наказуемость соучастника определяется той статьей УК РФ, которая предусматривает действия исполнителя. Концепция самостоятельности соучастия исходит из того, что соучастие – это самостоятельная форма преступной деятельности: ответственность соучастник может нести за свои действия самостоятельно, независимо от того, был ли привлечен к ответственности исполнитель или нет. Соучастник может быть наказан не только по статье, по которой наказывается или был наказан исполнитель.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА

Тарасов А.В.

Заслуженный юрист Кубани,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-процессуального права
СКФ ФГБОУВО «РГУП»

В современных условиях развития России, которые характеризуются внедрением во все области права новейших технологий, инновацией существующих систем, глобальной информатизацией общества, в целом особо остро встает вопрос о применении в качестве доказательств информации с электронных носителей (далее – цифровая информация).

Технические средства к 2022 году стали постоянными спутниками современного человека. Ежедневно общество тратит по несколько часов в социальных сетях, мессенджерах, за разговорами по телефону. Часы на руках высчитывают пульс, происходит обмен тысячами фотографий и сообщений; огромный информационный поток, в котором, к сожалению, совершаются преступления.

Компьютер, ноутбук, смартфон, смарт-телевизор совмещенные с массой различных гаджетов стали неотъемлемой частью жизни людей в современном мире. Функционирование данных устройств и их взаимодействие путем передачи информации посредством телекоммуникационных каналов связи, как отмечает Е.П. Ищенко, образуют информационную среду, «в которой отражаются, фиксируются и сохраняются специфические следы самой различной человеческой деятельности»¹.

Противоправное поведение и его отдельные проявления в действиях конкретных субъектов находят свое отражение в результате взаимодействия с электронными или информационно-телекоммуникационными сетями, и указанные отображения принято называть цифровыми или электронными следами преступления (правонарушения).

В.Б. Вехов сформулировал понятие «электронного следа»: «Электронный след – это любая криминалистически значимая компьютерная информация, т.е. сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи»².

Цифровые технологии постепенно завоевывают популярность и начинают успешно конкурировать с традиционными средствами аудио, видео- и фотофиксации. Цифровая техника все больше превращается в рабочий инструмент как сотрудников правоохранительных органов различных ведомств, так и адвокатов. Современные технические средства фиксации кардинально влияют на совершенствование старых и разработку новых кри-

¹ Ищенко Е.П. Современный этап развития российской криминалистики // Криминалистические чтения на Байкале – 2015. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. ФГБОУВО РГУП Восточно-Сибирский филиал. – 2015. – С. 58.

² Вехов В.Б. Электронные следы в системе криминалистики / В.Б. Вехов, Б.П. Смагоринский, С.А. Ковалев // Судебная экспертиза. – 2016. – № 2 (46). – С. 17.

миналистических методик, и тактику по обнаружению, фиксации и исследованию доказательств при раскрытии и расследовании преступлений. Поэтому вполне закономерен интерес к любым изменениям в технике: фото-, видео-, аудио фиксации, дающим возможность значительно проще, экономичней, оперативнее и результативнее получить, фиксировать и обработать доказательственную информацию в уголовном судопроизводстве.

На современном этапе, все шире становятся возможности защитников по использованию фиксированной информации в «киберсреде» для обеспечения защиты прав и свобод своих доверителей.

Адвокаты активно используют механизм слепообразования в разнообразных информационных системах и носителях информации, которые при работе с файлами на разных операционных системах и образуют цифровые следы. Однако процесс реализации полученной и зафиксированной информации в уголовном судопроизводстве зачастую затруднен действующим законодательством и правоприменительной практикой.

Все законодательные новеллы, теоретические гипотезы и ожидания сталкиваясь с практикой реализации в процессе расследования уголовных дел, вызывают массу противоречий и проблем у должностных лиц, вовлеченных в этот механизм использования и применения цифровых технологий.

В алгоритме сбора доказательств при расследовании преступлений одним из важных этапов является их фиксация, Д.В. Муленков цифровую фиксацию охарактеризовал как «процесс применения в установленном законом порядке специально уполномоченным субъектом уголовного судопроизводства технических средств, строящихся на цифровых технологиях, для объективного, оперативного, всестороннего и наглядного отображения и закрепления свойств, качеств; форм материальных объектов, хода и результатов проводимых оперативно-розыскных мероприятий, следственных и иных процессуальных действий в целях сохранения в материалах уголовного дела необходимых фактических данных или использования их в качестве обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела»¹.

¹ Муленков Д.В. Использование цифровых средств фиксации на стадиях досудебного производства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2008. – URL : <https://www.dissercat.com/content/ispolzovanie-tsifrov-ykh-sredstv-fiksatsii-na-stadiyakh-dosudebnogo-proizvodstva>

Процессуальный порядок использования информационно-технологических средств сбора доказательств, в деятельности адвоката на досудебной стадии, совершаемых с использованием современных цифровых технологий включает в себя всего несколько направлений:

– Так защитниками (адвокатами) повсеместно и активно применяется мобильная цифровая техника (ноутбуки, планшеты, смартфоны, и т.д.). Наряду с традиционными технологиями использования мобильных телефонов для закрепления фото, аудио и видео-информации, появляются новые технико-цифровые возможности: фиксация материалов уголовных дел (сканирование); фиксация производства следственных действий, хода судебных заседаний (использование аудиопротоколирования); подача процессуальных документов и направление адвокатских запросов с использованием электронной цифровой подписи;

– Определение местонахождения «геолокация» подзащитного в момент совершения преступления (например, для подтверждения алиби). Так, использование смартфона подзащитного с GPS-модулем позволяет при проведении компьютерно-технической экспертизы или осмотре смартфона с участием специалиста (нотариуса) определить его «геолокацию», а в случае передвижения подзащитного на транспортных средствах общественного пользования (например такси), зафиксировать трекинг-маршрут с наложением данных на картографическую программу. «Геолокация» на фотографиях (комбинированные геотеги в фотографиях) позволяет в последующем проанализировать действия подзащитных (свидетелей, потерпевших и т.д.) и выявлять новые информационные источники (информация с наружных камер видеонаблюдения и т.д.), которые, по ходатайству защитника в процессе расследования могут получить процессуальное оформление в виде доказательств (например показания свидетелей, контактировавших с лицами, интересующими органы следствия);

– Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами подзащитного позволяет адвокату провести отслеживание всех звонков произведенных с сотового телефона – биллинг (с указанием номеров абонентов, даты и времени соединения, продолжительности разговора, местонахождения абонента (сот) в момент данных соединений, включая данные о не отвеченных вызовах, GPRS сессиях, адресах базовой станции) и выявить цифровые следы регистрируемые базовыми станциями сетей сотовой связи;

– Фиксация на электронных устройствах подзащитного (компьютерах, планшетах и т.д.) при помощи авторизации через их аккаунт в социальной сети (мессенджере) и с их добровольного согласия, криминалистически значимой информации в отношении тех данных, к которым аккаунт конкретного пользователя имеет доступ.

И это далеко не полный арсенал возможностей информационно-технологических средств сбора доказательств, в деятельности адвоката.

Но тут возникает проблема правосубъектности сбора доказательств «цифровых следов» адвокатом, и дальнейшее их использование в уголовном процессе.

Поскольку в ст. 86 УПК РФ, озаглавленной «Собирание доказательств», прямо говорится о собирании доказательств защитником наряду с органами уголовного преследования и судом, то некоторые ученые и практики позволяют себе делать вывод, что защитник действительно наделен правомочиями в основной части доказывания – собирании доказательств.

Например, по мнению Е.Б. Мизулиной, «наделение защитника полномочиями по собиранию доказательств, служит одной из гарантий принципа состязательности»¹. Однако, по нашему мнению, такой вывод является поспешным, поскольку объявить право и гарантировать его реализацию – не одно и то же. Необходимо уяснить, насколько данное положение уголовно-процессуального закона обеспечено реальным механизмом его применения.

«Сегодня в юридической литературе учеными и практиками все чаще высказывается мнение о неоднозначности полномочий защитника по собиранию и представлению доказательств. Так, ряд авторов единодушны в том, что идея формирования состязательного уголовного процесса не была реализована законодателем в должной мере, о чем свидетельствуют положения действующего УПК РФ»².

С одной стороны, в ч. 3 ст. 86 УПК РФ законодатель перечисляет, что именно признается доказательствами, право соби-

¹ Быков В.М. Новый закон о правах адвоката в уголовном судопроизводстве: научный комментарий / В.М. Быков // Современное право. – 2018. – № 11. – С. 110.

² Смирнов В.Н. Адвокатура и адвокатская деятельность : учеб. пособие / В.Н. Смирнов, А.С. Смыкалкин. – М. : Проспект, 2016. – С. 214.

рать и представлять которые предоставлено защитнику, а с другой – в ч. 2 ст. 74 УПК РФ в перечень доказательств по уголовному делу не включает пункт о признании представленных адвокатом сведений в качестве доказательств.

Мы полагаем, что уголовно-процессуальное законодательство не дает защитнику права самостоятельно собирать именно доказательства. Поскольку одной из ключевых здесь выступает норма ст. 74 УПК РФ, то, исходя из общепринятого понимания доказательства как единства содержания и формы, единства сведений и их источников, право защитника собирать доказательства можно подвергнуть сомнению. Жесткий перечень видов доказательств закреплен в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. В качестве доказательств допускаются: показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы (ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Следовательно, только эти семь источников процессуальной информации являются доказательствами по уголовному делу. Исчерпывающий перечень доказательств, установленный уголовно-процессуальным законом, не содержит ни «опросов лиц», ни «предметов и документов», собранных защитником на основании ч. 3 ст. 86 УПК РФ¹.

Кроме того, необходимо отметить, что доказательства должны соответствовать целому ряду требований уголовно-процессуального закона, и одно из этих требований – законность способа получения доказательства. Как правильно отмечает Б.С. Тетерин, «законность способа получения доказательств является неотъемлемой частью самого понятия доказательства».

Вместе с тем, дискуссия юристов и правоведов заходит в тупик, когда мы обращаемся к практической стороне реализации, установленных законодательством функций, прав и обязанностей сторон уголовного судопроизводства, поскольку реализация данных функций, прав и обязанностей до настоящего времени в преобладающем большинстве не достигается ввиду очевидного отсутствия равенства между прокурором, следователем, дознавателем, и рассматриваемым нами объектом исследования – защитником.

¹ Ходилина М.В. Правовая (защитительная) позиция адвоката-защитника: (проблемы формирования и реализации). – М., 2012. – С. 50.

Вместе с тем процесс выявления, сбора цифровой информации, сопровождаемый техническими процедурами и процессуальным порядком сохранения в отдельных информационных объектах, а также в информационной среде электронного носителя информации, и исследование цифровых следов требует специальных познаний. И соответственно адвокат в ряде случаев для получения той или иной юридически значимой информации вынужден обращаться к уполномоченным должностным лицам (следователям, дознавателям) с ходатайством: о производстве экспертизы цифровой информации; выемки электронных устройств или цифровой информации с электронных устройств, принадлежащих иным лицам; получении информации о соединениях в соответствии со ст. 186.1 УПК РФ и т.д. На что, органы, осуществляющие расследование уголовных дел, по надуманным основаниям, отказывают адвокатам в сборе и фиксации оправдательных доказательств, несущих потенциальную угрозу сформулированному обвинению.

Так, исследуя судебную практику Краснодарского краевого суда, нами выявлен интересный случай, сложившийся в досудебном производстве при собирании доказательств стороной защиты. На предварительном следствии адвокатом Х. было подано ходатайство о приобщении к материалам дела заключения экспертизы по исследованию цифровой информации, которое было проведено экспертным учреждением по его заявлению. Следователем СЧ СК Краснодарского края было отказано в удовлетворении ходатайства.

При рассмотрении жалобы адвоката Х., представлявшего интересы С. В суде, в порядке ст. 125 УПК РФ, были признаны незаконными действия следователя СЧ СК Краснодарского края об отказе в удовлетворении ходатайства защитника.

Сталкиваясь с проблемами реализации полномочий по сбору доказательств в интересах подзащитного на стадии расследования уголовного дела, адвокаты тактически грамотно активизируют свою деятельность в ходе судебного разбирательства.

Таким образом можно сделать вывод - законодательство в этой части несовершенно: адвокаты и должностные лица органов дознания и следствия стали широко использовать и применять технические средства, особенно электронные (и цифровую ин-

формацию с них). Между тем законодатель оставил вне поля правового регулирования целый ряд вопросов, возникающих в ходе применения этих средств. Создается впечатление, что законодатель недооценивает возможности, позволяющие эффективно применять названные средства с целью получения доказательств и для уголовно-процессуального доказывания.

Ввиду этого, не вызывает сомнения необходимость устранения существующих пробелов в законодательстве, посредством внесения изменений в действующее законодательство, регламентирующее полномочия защитника по сбору доказательств на досудебной стадии.

СУД ПРИСЯЖНЫХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЭТАП ОБНОВЛЕНИЯ

Черкасова Е.А.

канд. юрид. наук,

доцент кафедры административного и уголовного права,
АНО ВО «Белгородский университет
кооперации, экономики и права»

Орловская Н.В.

старший преподаватель кафедры
административного и уголовного права
АНО ВО «Белгородский университет
кооперации, экономики и права»

В ст.1 Конституции Российской Федерации наша страна провозглашена демократическим правовым государством. Правовым принято считать государство, органы власти которого осуществляют свою деятельность на основе принципов законности, разделения властей, независимости суда. Одним из элементов независимости судебной власти является возможность рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей.

Институт рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей играет важную роль в деятельности суда, по-

сколькx предоставляет гражданам нашей страны возможность участвовать в осуществлении правосудия. Рассмотрение уголовных дел судом с участием представителей народа служит признаком демократичности судебной власти, выступает одним из средств социального контроля за законностью, обоснованностью и справедливостью выносимых судом решений.

Отличительной чертой осуществления правосудия с участием присяжных заседателей является деятельность независимой коллегии присяжных заседателей, сформированной из представителей народа, самостоятельно независимо от мнения судьи-профессионала решающей вопрос о виновности подсудимого.

Суд присяжных в современной России переживает этап обновления. Эта форма рассмотрения уголовных дел играет важную роль в уголовном судопроизводстве, однако нуждается в дальнейшем реформировании: повышении правовых и социальных гарантий присяжных заседателей; обеспечении их безопасности; расширении подсудности уголовных дел, рассматриваемых судом присяжных, в том числе, за счет включения уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности.

Уголовное судопроизводство с участием присяжных заседателей, несмотря на организационную и процессуальную сложность, в наибольшей мере соответствует современным демократическим представлениям о справедливом правосудии. Поэтому суд присяжных можно назвать правовой гарантией судебной защиты права обвиняемого на жизнь и свободу.

Основным признаком осуществления правосудия судом с участием присяжных является участие в рассмотрении и разрешении уголовного дела независимой коллегии народных представителей, наделенных собственной компетенцией, включающей право самостоятельно решать вопрос о виновности подсудимого.

Как справедливо отмечает Е.В. Арцева, пришла пора активного участия присяжных заседателей в отправлении правосудия в Российской Федерации, повышения уровня правовых знаний, правовой культуры не только у граждан – возможных присяжных заседателей, но и у профессиональных судей, секретарей судебного заседания, поскольку данная форма судопроизводства тре-

бует безупречного знания закона, умения его правильно и оперативно применять на практике при рассмотрении конкретных дел, что требует на уровне районных, гарнизонных военных судов подготовки наиболее опытных судей и секретарей судебного заседания для рассмотрения уголовных дел судом с участием присяжных заседателей¹.

Коллегия присяжных заседателей, ранее включающая 12 человек, с расширением применения института присяжных законодателем была сокращена до 8 человек при рассмотрении уголовного дела в областном и приравненных к нему судах, до 6 человек при рассмотрении уголовного дела в районном и гарнизонном военном суде. Данные изменения положительно встречены практикой, учитывая сложность формирования коллегии, состоящей из 12 присяжных заседателей, низкий уровень правовой активности населения нашей страны и дороговизну данной формы судопроизводства.

Таким образом, российским государством продолжается реформирование института суда присяжных, способствующее расширению демократических начал в осуществлении правосудия, независимости и объективности рассмотрения уголовных дел. Вместе с тем, отношение в обществе к суду присяжных остается неоднозначным. Более двух десятилетий существования современного суда присяжных вызывали как одобрение, так и полное отрицание этого правового института. Сторонники суда присяжных в обществе считают, что разобраться в фактической стороне преступления и объективно разрешить вопрос о виновности в состоянии любой человек, не только юрист-профессионал; у присяжных, в отличие от профессиональных судей, не сформирован обвинительный уклон; присяжные независимы от вышестоящих судебных инстанций. Противники суда присяжных называют его «судом толпы», полагая, что главным при вынесении вердикта будут эмоции, а не здравый смысл.

¹ Арцева Е.В. Процессуальные особенности производства в суде с участием присяжных заседателей / Е.В. Арцева // Актуальные вопросы рассмотрения уголовных дел в суде присяжных: Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции; СПС «Консультант-Плюс». – Текст : электронный. – Хабаровск, 2017.

В работах ученых-процессуалистов также высказываются противоречивые мнения о необходимости рассмотрения уголовных дел с участием народных представителей.

Выдвигаются концепции о внедрении суда присяжных во все отрасли права и сферы судопроизводства – от рассмотрения дел, связанных с избранием мер пресечения, до разрешения административных и гражданско-правовых споров¹.

По мнению С.А. Соловьева, суд присяжных на настоящий момент является фактически единственной такой силой, способной на очевидное противостояние обвинению. Признав доказательства недостаточными для утвердительного ответа о виновности лица в совершении инкриминируемого преступления, суд присяжных не настроен на компромиссы в своих решениях, к которым весьма привыкло следствие при единоличном рассмотрении дела профессиональным судьей, когда доказательственная недостаточность компенсируется при обычном рассмотрении дела мягким обвинительным приговором или, при особо пиковых случаях, решением о возвращении дела прокурору по надуманным основаниям².

Однако, ряд ученых-процессуалистов высказывают противоположную точку зрения, считая суд присяжных судом, выносящим необъективные решения по уголовным делам. Вынесение присяжными значительного числа оправдательных вердиктов связывают с правосознанием самих присяжных заседателей, влиянием чувств и отсутствием профессионализма³.

Среди наиболее часто встречающихся аргументов противников суда присяжных звучат такие, как:

– неготовность общества к указанной форме судопроизводства в силу низкого правосознания;

¹ Тарасов В.Н. Актуальные проблемы института суда присяжных на современном этапе / В.Н. Тарасов // Судья. – 2016. – № 2. – С. 45.

² Соловьев С.А. Великий инквизитор: следственные органы в России против великого уравнителя – суда присяжных / С.А. Соловьев // Мировой судья. – 2020. – № 11. – С. 32.

³ Рябцева Е.В. Изменение компетенции присяжных заседателей: история повторяется? / Е.В. Рябцева // Российская юстиция. – 2009. – № 6. – С. 53.

- высокий уровень правового нигилизма и недоверие граждан к деятельности правоохранительных органов;
- подверженность присяжных влиянию, уделение ими внимания не фактам, а способам и формам их преподнесения сторонами;
- непрофессионализм и незнание законов присяжными, неспособность оценить большой объем доказательственной информации в сложных и многоэпизодных делах;
- существенные материальные затраты;
- сложности формирования коллегии, нежелание граждан выступать в качестве присяжных;
- отсутствие обязанности обосновывать свои решения и др.¹

Однако, большинство ученых-процессуалистов и практиков высказывают точку зрения о необходимости не ликвидации суда присяжных как важной формы участия населения в осуществлении правосудия, а реформирования данного правового института.

Таким образом, возрождение суда с участием присяжных заседателей привело к появлению целого ряда как идеологических, так и процессуальных проблем. Однако, как справедливо отмечает Н.А. Колоколов, суд с участием присяжных в современной России – реальность. Проблемы суда присяжных широко обсуждаются, некоторыми авторами он идеализируется, другими – демонизируется. В то же время наличие этих суждений совершенно не препятствует эффективному участию народа в отправлении правосудия².

¹ Облаков А.А. Пределы допустимости исследования данных о личности участников уголовного процесса в суде присяжных / А.А. Облаков // Актуальные вопросы рассмотрения уголовных дел в суде присяжных: Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции; СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.– Хабаровск, 2017.

² Колоколов Н.А. Суд с участием присяжных (juror): проблемы идеологические, доктринальные, процессуальные и организационные / Н.А. Колоколов // Уголовное судопроизводство. – 2020. – № 1. – С. 8.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПОЛНОМОЧИЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩЕГО В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Чистилина Д.О.

канд. юрид. наук,

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Суд с участием присяжных заседателей является особой формой уголовного судопроизводства, отличающейся участием народного элемента в осуществлении правосудия. Именно от присяжных заседателей зависит итоговое решение по уголовному делу. Однако нельзя умалять роль профессионального судьи в таком суде. Его деятельность направлена не только на общее руководство ходом процесса и принятие ключевых решений, значительно влияющих на приговор, но и оказание помощи присяжным заседателям в ходе всего судебного разбирательства. Последний вид деятельности связан с выполнением председательствующим социальной функции, заключающейся в оказании влияния на присяжных заседателей не в ходе непосредственного контакта с ними, а являя определенный пример и образец для подражания.

Функция – это роль, исполняемая определенным компонентом общественной системы в ее организации как общего, а также в реализации целей и интересов социальных групп. Каждый человек реализует определенные социальные функции, как своеобразное поручение на выполнение специализированного рода занятий в данном социальном взаимодействии в рамках общественного разделения труда. В социологии о функциях судят не по тому, что человек сам конкретно намеревается делать, какой смысл он вкладывает в свою деятельность, а по тому – какие последствия (для других, для общества в целом) эти действия имеют. Функция человеком может осуществляться преднамеренно или непреднамеренно. Если действия совпадают с намерениями, мотивами лица, то в данном случае речь идет о явной функции. Латентная (скрытая) функция представляет собой не планиро-

вавшийся, не предполагавшийся, в том числе неосознанный, результат действия¹. Более значима, на наш взгляд, в суде с участием присяжных заседателей латентная функция председательствующего. Стоит признать, что она проявляется именно в том влиянии, которое профессиональный судья своим авторитетом оказывает на присяжных заседателей. Тот социальный статус, который он получает в обществе ввиду профессиональной принадлежности, предполагает уважительное отношение к судье и высокую степень доверия к его решениям.

В ходе уголовного процесса суд реализует функцию по осуществлению правосудия. Данная функция обусловлена требованиями уголовно-процессуального законодательства и принадлежит к исключительной компетенции суда², что закреплено в ст. 8 УПК РФ. Для реализации функции по разрешению уголовного дела закон наделил судью полномочиями, однако на законодательном уровне недостаточно проработан вопрос о реализации им социальной функции, которая не менее важна, особенно при определении порядка взаимодействия профессионального судьи с присяжными заседателями.

Стоит отметить также, что и элементы воспитательного воздействия присутствуют в подобном суде. В рамках воспитательной функции осуществляется эмоциональное воздействие на сознание и поведение личности в данном случае как подсудимого и присутствующей в зале судебного заседания публики, так и присяжных заседателей³. Отметим, что в процессе общения степень восприятия действий и слов председательствующего будет зависеть от понимания присяжных заседателей, которое будет выше, если в коллегия будут входить люди с высоким образовательным уровнем. Некоторые исследователи в сфере уголовного процесса уже вносили предложение о дополнении законодательства о суде

¹ Санжаревский И.И. История, методология и техника исследования проблем общества и личности в социологии. – 4-е, изд. испр. и доп. – Тамбов : 2012. – С. 127–130.

² Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. – Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. – М. : Наука, 1968. – С. 188–191.

³ Жаркова А.А. Функции – важнейший структурный компонент теории социально-культурной деятельности / А.А. Жаркова // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 6(79). – С. 307–309.

присяжных требованием об образовательном цензе, запретив включать в списки присяжных заседателей лиц, не имеющих хотя бы неполного среднего образования¹. Данное предложение видится отчасти разумным, однако может вызвать споры в обществе о возможной дискриминации.

Интересно, что еще в процессе становления классического суда присяжных в Англии судьи отмечали, что их полномочия носят не только организационный и разъяснительный характер, но и имеют воспитательный эффект, а также оказывают влияние на жизнедеятельность всего округа².

Безусловно, недопустимо оказывать прямое воздействие на присяжных заседателей. Именно поэтому закон запрещает председательствующему выражать собственное мнение по поводу рассматриваемого уголовного дела, что при этом не вменяет ему в обязанность пассивно относиться к происходящему. Напротив, присяжные заседатели должны видеть крайнюю заинтересованность в справедливом разрешении уголовного дела, а не безразличие профессионального судьи.

Также недопустимо оказание воздействия на присяжных заседателей путем проведения председательствующим совещания с ними вне рамок судебного заседания с целью склонить их к определенному решению. Вне процессуального общения председательствующего и присяжных заседателей является примером незаконного воздействия³, которое, по сути, является одним из видов злоупотребления председательствующего своими полномочиями. В рамках проведенного в ходе исследования опроса, 88 % респондентов (судьи из разных регионов) отметили недопустимость проведения бесед с присяжными заседателями вне рамок судебного заседания.

¹ Белкин А.Р. Суд присяжных: сомнительные плюсы и несомненные минусы. – URL : http://www.iuaj.net/1_oldmasp/modules.php?name=Pages&go=page&pid=326 (дата обращения 03.11.2021).

² Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. – Т. 1: Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. – М. : Госюриздат, 1957. – С. 345–350.

³ По обе стороны обвинения // Новая газета. – № 116. – 2017. – URL : <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/10/18/74237-po-obe-storony-obviniya> (дата обращения 05.11.2021).

Несмотря на явную социальную обусловленность суда с участием присяжных заседателей, законодатель при установлении норм, регулирующих данный правовой институт, не учел этот фактор вовсе либо не обратил на него должного внимания. Формальный подход к определению полномочий председательствующего препятствует достижению целей, ради которых и был создан данный правовой институт (нивелирование дисбаланса интересов сторон в ходе судебного разбирательства, вынесение объективного и справедливого приговора, учет социального опыта граждан при принятии итогового решения по уголовному делу, новый взгляд на уголовно-правовые нормы и т.д.).

Раскрытие социального потенциала роли председательствующего положительно скажется на функционировании всего института суда с участием присяжных заседателей. Профессиональный судья и присяжные заседатели не должны противопоставляться в процессе. Напротив, их деятельность направлена на решение единой задачи по осуществлению правосудия. Разделение потенциальных возможностей по участию в доказывании не способствует объединению усилий двух коллегий. Рассмотрение любой попытки председательствующего дополнить судебное следствие путем истребования дополнительных доказательств не должно расцениваться как его желание оказать негативное влияние на присяжных заседателей или навязать им собственное мнение. Присяжные заседатели должны воспринимать председательствующего как равного, а не как лицо, которое стремится склонить их к определенному решению, то есть они должны осознавать, что действия председательствующего направлены на оказание им информационного содействия. В данном случае законодателю следует таким образом скорректировать полномочия председательствующего, чтобы были учтены социальные и правовые условия реализации им своих функций.

Бесспорным является тот факт, что председательствующий оказывает огромное влияние на ход судебного следствия, направляя работу присяжных, помогая им в установлении истины. В связи с этим в научных кругах не утихают дискуссии по поводу того, должен ли председательствующий быть более или менее ак-

тивным на этапе судебного следствия¹. Классическое толкование сущности принципа состязательности раскрывает потенциал сторон по активному участию в процессе доказывания, представляя судье лишь роль независимого арбитра, основная задача которого разрешить уголовно-правовой спор². Кроме того, некоторые исследователи стоят на более жесткой позиции. Так, Н.А. Развейкина активность председательствующего приравнивает к неправомерному воздействию на присяжных заседателей³.

Другие же исследователи, напротив, утверждают, что принцип состязательности предполагает активность суда в процессе доказывания, поскольку тем самым суд направляет исследование уголовного дела в сторону, способствующую установлению истины и восполнению пробелов, допущенных сторонами⁴. В данном случае председательствующий исходит из необходимости наличия по делу совокупности доказательств, достаточной для принятия законного, обоснованного и справедливого решения,

¹ Чистилина Д.О. Пределы допустимости исследования присяжными заседателями обстоятельств уголовного дела в ходе судебного следствия / Д.О. Чистилина // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения: сборник материалов IV Международной студенческой научно-практической конференции, Курск, 20 апреля 2018 года. – Курск : Юго-Западный государственный университет, 2019. – С. 226–231.

² Андрющенко Т.И. Суд обязан доказывать обстоятельства по уголовному делу / Т.И. Андрющенко // Пробелы в российском законодательстве. – 2010. – № 4. – С. 241–244.

³ Развейкина Н.А. Злоупотребление правом как способ неправомерного воздействия председательствующего на присяжных заседателей и средства защиты от него : дис. ...канд. юрид. наук. – Самара, 2007. – С. 65–70.

⁴ Подробнее об этом см.: Бердников С.В. К вопросу об активности председательствующего в судебном доказывании по уголовному делу / С.В. Бердников // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2008. – № 4(60). – С. 426–429; Кругликов А.П. О так называемом «объективно-истинном типе уголовного процесса» и некоторых проблемах установления объективной истины по уголовному делу / А.П. Кругликов. – URL : <http://www.iuaj.net/node/2429> (дата обращения 06.04.2018); Кемпф Н.Г. Проблемные вопросы исследования фактических обстоятельств дела в суде с участием присяжных заседателей : дис. ...канд. юрид. наук. – Барнаул, 2006. – С. 47–48.

что невозможно при его пассивности, особенно при отсутствии должного уровня подготовки у присяжных заседателей в правовых вопросах¹.

Европейский Суд по правам человека также придерживается позиции предоставления суду возможности собирать некоторые доказательства по собственной инициативе, но исключительно в открытом судебном заседании в присутствии обвиняемого².

На наш взгляд, желание председательствующего устранить пробелы в картине произошедшего, прежде всего для присяжных заседателей, не должно расцениваться участниками процесса, как навязывание собственного мнения коллегии. Более того, обязанность судьи принять итоговое решение, связанное с назначением наказания, в случае вынесения коллегией присяжных заседателей обвинительного вердикта также требует подробного изучения председательствующим всех обстоятельств произошедшего.

В свою очередь, интеграция правовых и социальных начал в деятельности председательствующего в суде с участием присяжных заседателей позволит определить оптимальный объем и содержание полномочий председательствующего в таком суде.

В целом отношение к председательствующему в суде с участием присяжных заседателей должно измениться. Он не должен представляться как некий наблюдатель, отстраненный от принятия решения. Относительно его полномочий необходимо предусмотреть такие, которые позволили бы ему взаимодействовать с присяжными заседателями. Например, позволить председательствующему излагать данные о личности подсудимого в той части, в которой это поможет присяжным понять причины совершения преступления и вынести справедливый вердикт; предоставление возможности председательствующему совещаться с присяжными заседателями в присутствии сторон по поводу истребования новых доказательств и т.д. В целом, проявление им активности не должно расцениваться негативно.

¹ Карякин Е.А. Цель и бремя доказывания применительно к формированию судебной истины по уголовному делу в суде первой инстанции / Е.А. Карякин // Российский судья. – 2016. – № 5. – С. 22–26.

² Баранова Е.В. Современные правовые позиции Конституционного суда РФ по вопросу о соотношении принципа состязательности и активности суда в уголовном процессе / Е.В. Баранова // Уголовная юстиция. – 2013. – № 2. – С. 21–23.

Формальный подход законодателя к определению полномочий председательствующего в суде с участием присяжных заседателей не способствует эффективному развитию такого процессуального института, как суд с участием присяжных заседателей. Более того, отрицание социальной составляющей в деятельности председательствующего в таком суде может негативно сказаться на понимании его роли и излишней формализации выстраивания цепочки взаимодействия «председательствующий – присяжные заседатели».

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОКУРОРОМ ВОЗМОЖНОСТЕЙ КРИМИНАЛИСТИКИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Шутемова Т.В.

старший преподаватель
кафедры уголовного права и процесса,
ОАНО ВО «Волжский университет
имени В.Н. Татищева» (институт)

Современный процессуальный статус прокурора в уголовном судопроизводстве ставит вопрос о нужности криминалистики прокурору и наоборот¹. Отвечая положительно на этот вопрос, полагаем, что теоретико-прикладные проблемы использования прокурором возможностей криминалистики в уголовном судопроизводстве можно разделить на три группы:

– проблемы, касающиеся состояния криминалистики на современном этапе;

¹ Данилова Н.А. Нужен ли прокурор науке криминалистике? // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2017. – № 3(17). – С. 150–154; Шутемова Т.В. Прокурорская деятельность и криминалистика: необходимость взаимосвязи / Т.В. Шутемова // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2018. – № 2. – Т. 1. – С. 190–198.

– проблемы использования прокурором возможностей криминалистики в досудебном производстве при осуществлении надзорной деятельности и уголовного преследования;

– проблемы использования прокурором возможностей криминалистики в стадии судебного производства, особенно при поддержании государственного обвинения.

Исследование первой группы проблем позволяет определить в каком состоянии на современном этапе находится криминалистика, как наука, как отрасль права, как учебная дисциплина для понимания возможностей ее использования в практической прокурорской деятельности, при подготовке и переподготовке прокурорских кадров. Нами уже отмечалось, что о современном состоянии криминалистики нет единства мнений¹. Одни ученые высказывают озабоченность кризисными явлениями, проявляющимися в излишнем теоретизировании, отрыве науки от нужд практики, в отсутствии коммуникации с представителями зарубежной криминалистики и др.², другие настроены более оптимистично, утверждая, что кризиса нет, но необходимо уточнить предметную сферу, навести порядок, свести воедино наработки, определить вектор развития³. Имеющиеся проявления кризиса в криминалистике, не означают ее застоя, а признание их наличия, выявление и устранение причин – это путь к новому этапу в раз-

¹ Шутемова Т.В. И вновь о кризисе криминалистики / Т.В. Шутемова // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2021. – № 4(100). – Т. 2. – С. 152.

² Волынский А.Ф. Стратегические проблемы уголовного процесса и криминалистики: после дифференциации знаний необходима их интеграция / А.Ф. Волынский // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 1. – С. 75–79; Сокол В.Ю. Кризис отечественной криминалистики : монография. – Краснодар, 2017. – 332 с.; Сокол В.Ю. Неопределенное будущее отечественной криминалистики / В.Ю. Сокол // Криминалистика и новые вызовы современности (58-е криминалистические чтения). Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. – Электронные текстовые данные (2,18 Мб). – М. : Академия управления МВД России, 2018. – С. 365–370.

³ Смахтин Е.В. Криминалистика: кризис или необходимость уточнения предмета? / Е.В. Смахтин // Российское право : образование, наука, практика. – 2017. – № 5(101). – С. 26–32; Шаевич А.А. Криминалистика сегодня / А.А. Шаевич // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – № 2(2). – С. 79–86.

витии криминалистики. Четвертая промышленная революция так или иначе затронет или уже затрагивает все стороны деятельности человека, общества и государства, включая и криминальную деятельность, и направления борьбы с ней. На данном этапе, полагаем, первоочередными задачами должны быть создание единого координирующего криминалистического центра, Общероссийского Интернет-портала «Современная криминалистика», проведение своеобразной «инвентаризации» результатов научных и практических исследований с перспективой «принятия государственного решения о системном изучении состояния наук уголовно-правового направления (уголовного права, уголовно-процессуального права, криминалистики, судебной экспертизы), отраслевого законодательства и практики его применения для выработки рекомендаций, выполнение которых могло бы быть обеспечено соответствующим финансированием¹».

Признание прокурора субъектом криминалистической деятельности² означает и определение значимых направлений криминалистического обеспечения прокурорской надзорной деятельности и уголовного преследования в условиях действующего уголовно-процессуального законодательства, разработку, апробирование и внедрение соответствующих криминалистических рекомендаций.

Вторая и третья группы выделенных теоретико-прикладных проблем напрямую связаны с прокурорской деятельностью в уголовном судопроизводстве.

01 июля 2022 года исполнится 20 лет со дня вступления в законную силу Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), из которых после следственной реформы 2007 года уже почти 15 лет идет дискуссия о содержании и практическом применении прокурором своих полномочий в досудебном производстве.

¹ Шутемова Т.В. Криминалистика: кризис и (или) переход к новому этапу / Т.В. Шутемова // Библиотека криминалиста. – 2016. – № 3(26). – С. 255–258; Шутемова Т.В. И вновь о кризисе криминалистики / Т.В. Шутемова // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2021. № 4. – Т. 2. – С. 154–156.

² Исаенко В.Н. Прокурор как субъект криминалистической деятельности / В.Н. Исаенко // Библиотека криминалиста. – 2017. – № 2. – С. 331–336.

Нами поддержано мнение Н.В. Булановой, Н.А. Даниловой, Т.Г. Николаевой, В.Н. Исаенко и других ученых обоснованно считающих, что надзирающий прокурор, наблюдающий за исполнением законов органами предварительного следствия и дознания и видящий перспективу уголовного преследования, должен знать криминалистические технику, тактику и методику¹, больше того, считаем, что прокурору необходимо (выделено мной – Т.Ш.) их знать для качественного исполнения своих служебных обязанностей. Этот тезис, наконец, нашел свое нормативное воплощение в п. 2.2 приказа Генерального прокурора РФ от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия²», в котором ставится задача изучать не только правовые позиции, отраженные в судебных актах Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, информационные письма, методические рекомендации, обзоры и иные информационно-аналитические документы, подготовленные Генеральной прокуратурой Российской Федерации, тактику и методику осуществления прокурорского надзора, но и тактику и методику расследования отдельных видов преступлений. Такое требование является весьма актуальным ввиду естественной смены поколения прокурорских работников, обладающих опытом следственной работы, новым поколением без такого опыта. В связи с этим, одной из основных проблем по использованию прокурором возможностей криминалистики при осуществлении своих функций в досудебном производстве является в настоящее время недостаточная разработанность криминали-

¹ Буланова Н.В. Прокурор в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации : монография. – М. : Юрлитинформ, 2015. – С. 161–163; Данилова Н.А. Анализ прокурором материалов уголовного дела (процессуальный и криминалистический аспекты) / Н.А. Данилова, Т.Г. Николаева // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2014. – № 2(40). – С. 67–72; Исаенко В.Н. Методика прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений / В.Н. Исаенко // Законность. – 2012. – № 7. – С. 13.

² Приказ Генерального прокурора РФ № 544 от 17.09.2021 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 27.10.2021).

стических рекомендаций как общего характера, так и специализированного характера для осуществления прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании отдельных видов преступлений.

Третья группа проблем касается использования прокурором возможностей криминалистики в судебном производстве. Криминалистические методы изучения и анализа материалов уголовного дела при подготовке к судебному заседанию, тактика подготовки к судебному заседанию, тактика проведения допросов, тактика предъявления вещественных и иных доказательств во время судебного следствия, методика поддержания государственного обвинения в целом и по отдельным категориям дел призваны решить многие задачи, стоящие перед прокурором – государственным обвинителем при поддержании государственного обвинения. Однако, как верно пишет С.Л. Кисленко, «имеющиеся отдельные теоретические положения и практические рекомендации по поддержанию государственного обвинения в суде в определенной степени носят разрозненный характер, что предопределяет трудности при формировании криминалистических рекомендаций, направленных на повышение эффективности деятельности данного субъекта уголовного преследования¹.

Необходимость разработки методических криминалистических рекомендаций подтверждается и данными опросов, проведенных на факультете повышения квалификации Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ (ныне Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Генеральной прокуратуры РФ)², студентов института прокуратуры Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)³. Из опрошенных нами 118 помощников районных прокуроров только 1 анкетированный посчитал не нужными методические рекомендации по поддержанию государственного обвинения.

¹ Кисленко С.Л. Криминалистическая тактика поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции. – М. : Издательство «Юрлиинформ», 2020. – С. 5.

² Данилова Н.А. Указ. соч. – С. 152–153.

³ Исаенко В.Н. О криминалистической подготовке будущих прокурорских работников / В.Н. Исаенко // Законность. – 2017. – № 5. – С. 19–23.

Говоря о ценности исследования криминалистических функций прокурора, А.С. Рубис указывает, что изучению подвергаются, прежде всего, скрытые возможности деятельности прокурора, раскрыть и закрепить которые во всем их многообразии процессуальный закон не в состоянии¹. Это положение, по сути, и определяет как возможность, так и необходимость использования прокурором криминалистики в своей деятельности в уголовном судопроизводстве.

Трибуна молодого ученого

Понятие нравственных начал в уголовном судопроизводстве России

Бородинова В.В.

магистрант 2-го курса

магистерской программы «Юрист в сфере
уголовного судопроизводства» ФГБОУВО «РГУП»

Интерес к вопросам нравственных начал в процессе реализации прав в уголовном процессе обусловлен современным курсом на построение демократического правового государства в нашей стране, где моральные ценности занимают важное место. Так, Президент В.В. Путин, обращаясь к Федеральному Собранию РФ, определил нравственность и справедливость социальных отношений в качестве одной из основ нашего государства и подчеркнул, что «Общество решительно отторгает спесь, хамство, высокомерие и эгоизм, от кого бы всё это ни исходило, и всё больше ценит такие качества, как ответственность, высокая нравственность, забота об общественных интересах, готовность слышать других и уважать их мнение»².

¹ Рубис А.С. Основы криминалистического обеспечения деятельности прокурора в сфере борьбы с преступностью : монография. – Мн., ООО «Харвест», 2006. – С. 71.

² Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина перед Федеральным Собранием Российской Федерации 2016 года. – URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41550> (дата обращения 30.11.2021).

Нравственные начала (добро, гуманизм, милосердие, сострадание, справедливость, совесть, честь) пронизывают все сферы современной жизни нашего общества, при этом в каждой отдельной социальной области прослеживается усиление тех или иных граней морали. Важное место нравственные основы занимают и в системе регулирования уголовного судопроизводства.

Как совершенно справедливо отмечено Т.Н. Москальковой: «Находя свое отражение в Верховном законе Российской Федерации, нравственность занимает свой почетный пьедестал в становлении, развитии, формировании уголовного процесса нашей страны. Ведь закон, созданный без учета норм, принципов, требований нравственности, пренебрегающий историческими, общественными традициями, нравами и обычаями, категорически не может быть признан справедливым, гуманным, а значит, не может быть признан эффективным»¹.

Формирование системы нравственных начал уголовного судопроизводства России длится не одно столетие.

XIX век в истории права России, ознаменованный Судебной реформой 1862–1864 гг., создал благодатную почву для развития нравственных основ уголовного судопроизводства. В историю формирования нравственных основ российского процесса золотыми буквами вписаны имена таких выдающихся правоведов как А.Ф. Кони, Н.П. Карабчевский, В.Е. Васьковский, Н.В. Муравьев и др. В их работах красной нитью проходит мысль о том, что для эффективного решения задач уголовного судопроизводства нельзя обходиться исключительно правовыми средствами, регулирование общественных отношений в уголовном процессе должно выстраиваться с учетом отечественных нравственных критериев и ценностей.

Рассматривая значение нравственных основ уголовного процесса своего времени, выдающийся российский правовед А.Ф. Кони писал: «Нравственным началам... принадлежит в будущем первенствующая роль в исследовании условий и обстановки уголовного процесса»².

¹ Москалькова Т.Н. Нравственные основы уголовного судопроизводства: стадия предварительного расследования : дис. ... док. юр. наук. – М., 1997. – С. 36.

² Кони А.Ф. Избранные труды и речи. – М. : Издательство Юрайт, 2011. – С. 480.

Современная правовая наука не утратила мысли А.Ф. Кони и также строится на позиции о невозможности построения эффективных правовых средств защиты прав личности без учета нравственных начал.

В настоящее время вопросы нравственных ценностей нашли свое место в трудах А.В. Агутина, И.А. Антонова, Ю.В. Астафьева, О.Л. Васильева, Л.М. Володиной, А.П. Гуськовой, О.Л. Васильева, А.В. Победкина и др.¹.

На уровне научного исследования профессор О.И. Цыбулевская пишет: «...нравственные устои конкретного общества представляют собой совокупность нравственных воззрений, норм, отношений и ценностей, сложившихся на всей совокупности особенностей национально-исторического, социально-структурного, политического, культурного развития социума. И даже при всей относительности моральных ценностей, плюрализме нравственных оценок государственно-организованное общество всегда основывалось и существует на особом официально признанном и закреплённом в нормах права минимуме социально устойчивой морали»².

Но что же понимать под нравственными началами уголовного судопроизводства? Для этого сначала следует обратиться к вопросу о том, что понимается под нравственностью вообще.

Достаточно часто понятие нравственность используют как синоним термина «мораль». Как близкое им по значению употребляется и слово «этика». Но в философском понимании нравственность и мораль расцениваются как различные категории. В

¹ См.: Агутин А.В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ...д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2005; Антонов И.А. Нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности следователей. – СПб., 2003; Астафьев Ю.В. Нравственные категории в оперативно-розыскной деятельности / Ю.В. Астафьев // Судебная власть и уголовный процесс. – 2015. – № 4. – С. 99; Володина Л.М. Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации. – М., 2018; Васильев О.Л. Теоретические аспекты действия принципа справедливости на досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2018; Победкин А. В. Уголовный процесс: состояние вне права. – М., 2013. [и др.].

² Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права / О.И. Цыбулевская; Под ред. Н.И. Матузова. – Саратов : Изд-во Саратовской государственной академии права, 2004. – С. 188.

частности, нравственность представляется в виде внутренних правил личности поступать в согласии со своими убеждениями и правилами, мораль же видится в качестве требования к поведению человека без связи с нормами закона. Но, и в первом, и во втором случае, – это категории, влияющие на поведение человека. Этика же является наукой о нравственности¹.

В современной юридической науке под нравственностью предлагается понимать определенную систематизированную совокупность исторически сложившихся «принципов, взглядов, убеждений, изменяющихся в процессе исторического развития общества, на основании которых сформировались нормы поведения, оказывающие регулирующие воздействие на отношения, складывающиеся между людьми, человеком и обществом, человеком и государством, а также между основными общественными институтами»².

По мнению И.Г. Субботиной, под нравственностью следует рассматривать системное образование, включающие совокупность таких ее элементов «как поведение, деятельность и отношения, образующие сферу бытия, а также сознание, самосознание и менталитет (ментальность), которые относятся к субъективным компонентам нравственности»³.

К.А. Корсаков нравственность представляет в виде совокупности внутренних установок человека, системы «правил, принципов поведения человека, которая основывается на его убеждениях. Важно, что это всегда добровольный выбор личности. И именно от сделанного выбора будет зависеть, будет ли поступок безнравственным или же наоборот – нравственным. Моральность конкретного поступка оценивается по определенным факторам и критериям, существующим в обществе, в определенный момент времени. В уголовном судопроизводстве оценка допустимости

¹ См.: Новая философская энциклопедия. В четырех томах. / Ин-т философии РАН; Научно-ред. совет: В.С. Степин [и др.]. – М. : Мысль, 2010. – Т. 2. – С. 447–448; Слыщенков В.А. Право и нравственность: различия понятий. – М. : Юрлитинформ, 2020. [и др.].

² Профессиональная этика сотрудников правоохранительных органов / Под ред. Г.В. Дубова и А.В. Опалева. – М. : Щит-М, 2001. – С. 3.

³ Субботина И.Г. Нравственные начала предварительного расследования (на основе сравнительного анализа УПК РСФСР и УПК РФ) : автореф. дис. ... канд. юр. Наук. – Иркутск, 2002. – С. 13.

поступка определяется и с учетом требований закона, наряду с общественной моралью...»¹.

То есть, как можно видеть, из приведенных определений следует сложносоставной характер категории «нравственность», включающий как содержательный аспект в виде таких понятий как «принципы», «взгляды», «убеждения», так и его функциональный аспект, выражающийся в регулятивном воздействии на общественные (социальные) отношения, складывающиеся в различные исторические периоды развития человечества.

Определение нравственности в виде совокупности определенных норм (правил) поведения, регулирующих деятельность человека, является наиболее общим и популярным. По сути, общепризнанно нравственность представлять в виде одного из социальных регуляторов. Именно в связи с системой социальных норм, регулирующих поведение людей в конкретном обществе, связывал понимание нравственности один из корифеев науки советского уголовного процесса М.С. Строгович. Он считал, что нравственность находится в неразрывной связи с пониманием добра и зла, достойного и недостойного отношения к людям, что в совокупности и формирует нравственное сознание².

На нравственную природу социальных норм обращает внимание Л.Б. Алексеева, по мнению которой, «социальные нормы по своей сущности выполняют регулятивную функцию, на которую, как и на природу самих норм, оказывают влияния их генетические свойства, т.е. причины и условия возникновения и развития. К таким причинам относятся, в первую очередь, потребность общества в закреплении должного поведения каждого его члена, которое на данном этапе его развития не противоречит потребностям и интересам большинства»³.

¹ Корсаков К.А. Допустимость лжи в уголовном судопроизводстве Нравственные начала в уголовном процессе. К 177-й годовщине со дня рождения А.Ф. Кони Материалы Всероссийского круглого стола, Санкт-Петербург, 13 февраля 2021 г. / К.А. Корсаков; Под общ. ред. К.Б. Калининского, Л.А. Зашляпина; Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – СПб., 2021. – С. 47.

² Строгович М.С. Избранные труды. – М., 1990. – Т. 1. – С. 84.

³ Алексеева Л.Б. Уголовное судопроизводство и судебная этика. – М. : Юридическая литература, 1989. – С. 76.

Л.Д. Кокорев, целенаправленно исследуя взаимосвязь правовых и нравственных отношений, приходит к выводу, о том, что они, не совпадая друг с другом всё, же развиваются параллельно, при чем нравственные отношения должны признаваться процессуальными¹.

Приведенные и другие точки зрения относительно природы нравственных начал в уголовном процессе России позволяют прийти к выводу о том, что нравственные начала в уголовном процессе России представляются одними из важных способов регулирования общественных отношений.

Теперь остановимся на выявлении семантического значения понятия «начала». Смысл данной категории близок к понятию «принцип» и зачастую они используются как синонимы, но при анализе можно найти различия в их значении. Да не следует забывать, что русский язык не терпит существования избыточных дублирующих друг друга слов. Обратившись к словарю Д.Н. Ушакова, мы увидим, что «начало» им толкуется как:

«1) первый момент или первые моменты, исходная стадия какого-нибудь действия или явления;

2) исходная точка, первая часть;

3) сущность, основа, первопричина. Основное начало. Духовное начало;

4) основные положения, принципы (книжн.). Способы проявления, осуществления чего-нибудь;

5) научный закон, правило»².

В.И. Даль определил слово «начало» следующим образом:

«1) чем начинается бытие или действие;

2) первый источник или причина бытия;

3) сила рождающая, производящая, создающая;

4) начало, в значении стихий, состава, оснований науки, учения, либо основ нравственных правил»³.

Из приведенного множества толкований слова «начало» к теме нашего исследования наиболее близко его толкование как

¹ См.: Кокорев Л.Д. Участники правосудия по уголовным делам. – Воронеж, 1973. – С. 118, 124, 136.

² Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. – М. : Аделант, 2013. – С. 346.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М. : Terra, 1995. – Т. 3. – С. 509.

основы нравственных правил. То есть, нравственные основы и нравственные начала являются синонимичными понятиями. Но каково соотношение понятий «нравственные начала» и «нравственные принципы»?

Анализ толкования слова «начало» позволяет отметить, что понятия «принцип» и «начало» совпадают в значении оснований науки, теории, учения. В то же время очевидно, что понятие «начало» шире, чем понятие «принцип», поскольку под «началом» понимается еще и «первый источник или причина бытия; сила рождающая, производящая, создающая». Категория «начало» понимается в качестве основ теории, учения, науки и в качестве объективных факторов, причин, порождающих какие-либо явления. Категория «принцип», в свою очередь, понимается только в качестве основания теории, науки, учения. Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что в определенном значении «начало» и «принцип» являются семантическими синонимами, но не равновеликими.

Сравнивая значения терминов «принцип» и «начало» в правовом поле, Н.П. Аслаян отмечает в своем исследовании, что «принципы права» носят гносеологический характер, т.е. являются частью учения, теории, научного знания. «Начала права» носят не только гносеологический, но и онтологический характер, т.е. выражают объективные факторы правообразования¹. По ее мнению, частичная синонимичность слов «принцип» и «начала» связана с тем, что слово «начало» было исконно русским, а слово «принцип» было заимствовано из латинского языка, в котором латинское слово «*principium*» означает «основу», «начало» и толкуется как «основное исходное положение теории, учения, руководящая идея». В процессе заимствования слова «принцип» в научном языке произошло его наложение на русское «начало», но в то же время последнее сохранило и свой исконный смысл².

Подытоживая семантический анализ интересующих нас терминов, можно прийти к выводу о том, что основным отличием «нравственных начал» от «нравственных принципов» является то, что под «началами» понимаются не только основания теории,

¹ Аслаян Н.П. Основные начала российского частного права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. – М., 2002. – С. 85.

² Аслаян Н.П. Основные начала российского частного права: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. – М., 2002. – С. 76–77.

но и реальные, объективные факторы, которые оказывают влияние на формирование нравственности в определенной части общественной жизни.

В науке уголовного процессе под нравственными началами уголовного судопроизводства понимается «система, состоящая из нравственного сознания, нравственных отношений, деятельности субъектов уголовного судопроизводства, нравственных норм, которые в совокупности выступают гарантией четкого, принципиального и неукоснительного выполнения норм права, дополняют правовые гарантии, а также выступают гарантией справедливости при производстве предварительного следствия и судебного разбирательства, ограничивают от формализма, безразличия к судьбе людей»¹.

Нравственные начала в уголовном процессе Российской Федерации стоят на одном уровне с правом, находясь с ним в тесной связи, проникая его и наполняя нравственным содержанием. В содержании уголовного судопроизводства в различной степени проникновения на различные его этапы реализуется множество нравственных категорий, отличающихся и по источникам их закрепления. В связи с этим И.А. Антонов подразделяет нравственные начала уголовного процесса на две большие группы:

- 1) нравственные начала, реализованные в праве;
- 2) нравственные начала, не реализованные в праве.

В первой группе нравственных оснований он выделяет несколько подгрупп в зависимости от их правового закрепления:

- а) не закрепленные в официальных документах;
- б) не имеющие нормативного закрепления, но официально признанные;
- в) закрепленные в национальном законодательстве;
- г) закрепленные в международном праве².

И.И. Сухова предлагает нравственные начала уголовного процесса систематизировать, положив в основу объект нравственной оценки. По такому основанию нравственные начала она классифицирует на:

¹ Сухова И.И. Нравственные начала решения о необходимости избрания меры пресечения, допускаемой только по судебному решению : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2021. – С. 47.

² Антонов И.А. Нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности следователя. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – С. 118.

«1. Нравственные начала, в соответствии с которыми оценивается уголовно-процессуальная деятельность.

2. Нравственные начала, на основании которых оценивается личность должностного лица, осуществляющего уголовное судопроизводство»¹.

Какие же именно нравственные категории заложены в основу уголовного судопроизводства? Категоричного ответа на данный вопрос наука уголовного процесса не дает.

Например, Т.Н. Москалькова, в качестве основных нравственных категорий, охраняемых в процессе уголовного судопроизводства, называет честь и достоинство личности, частную жизнь, личную и семейную тайну².

На уровне диссертационного исследования И.И. Сухова приходит к заключению о том, что «...право, а впоследствии и законодательство... и включают в себя основные нормы нравственности: гуманизм, справедливость, равенство людей»³.

Анализ содержания теоретических и законодательных источников позволяет прийти к выводу о том, что основные нравственные начала в уголовного судопроизводстве составляют:

- гуманизм;
- справедливость;
- уважение прав и свобод человека и гражданина;
- совесть;
- честность.

Подытоживая сказанное, приходим к выводу, что под нравственными началами уголовного судопроизводства следует понимать совокупность основных моральных ценностей, признаваемых в обществе в качестве таковых, оказывающих влияние на уголовно-процессуальную деятельность должностных лиц и органов в процессе расследования и разрешения уголовных дел.

¹ Сухова И.И. Нравственные начала решения о необходимости избрания меры пресечения, допускаемой только по судебному решению : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2021. – С. 42–43.

² Москалькова Т.Н. Этика уголовно-процессуального доказывания: стадия предварительного расследования. – М. : СПАРК, 1996. – С. 12.

³ Сухова И.И. Нравственные начала решения о необходимости избрания меры пресечения, допускаемой только по судебному решению : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2021. – С. 44.

НЕКОТОРЫЕ ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ОШИБКИ ПО ДЕЛАМ О КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Бухарина Н.П.

аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики
Юридического института «СФУ»

Коррупционные преступления сложны в расследовании. Причина этому ряд обстоятельств и условий: высокая степень латентности, широкий перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, скудный объем оставляемых следов, а также многоэпизодность.

Изучение статистических данных показывает, что количество совершаемых коррупционных преступлений имеет тенденцию к увеличению. С января по ноябрь 2019 г. правоохранительными органами было выявлено 29,1 тыс. коррупционных преступлений, что на 0,5 % больше, чем за аналогичный период 2018 года¹. За 11 месяцев 2020 года по сравнению с тем же периодом 2019 года наблюдался рост массива указанных преступлений (+1,1 %, 29,4 тыс.)². С января по ноябрь 2021 года количество выявленных коррупционных преступлений составило 32,9 тыс. (+11,9 % от уровня 2020 года)³.

Наукой не выработано единого перечня коррупционных преступлений. Исследователи руководствуются в этом вопросе, прежде всего, узким либо широким подходом к пониманию коррупции. Так, например, А.И. Долгова считала коррупционными «преступления с признаками подкупа-продажности»⁴. С принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ, как отмечала автор, в указанный перечень необходимо включать «деяния, которые могут быть

¹ Состояние преступности в России за январь-ноябрь 2019 года: Сборник. М., 2019. – С. 7. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19333347>

² Состояние преступности в России за январь-ноябрь 2020 года: Сборник. М., 2020. – С. 7. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22501861>

³ Состояние преступности в России за январь-ноябрь 2021 года: Сборник. М., 2021. – С. 7. – URL : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/27566319>

⁴ Криминология / Под общ. ред. А. И. Долговой. – 3-е изд. – М., 2005. – С. 716.

связаны с коррупционными, но сами по себе признаков подкупа-продажности не имеют»¹.

С.В. Максимов выделяет три группы коррупционных преступлений:

– собственно коррупционные преступления (узкое понимание коррупции), посягающие на авторитет государственной службы или службы в органах местного самоуправления (ст. 285, 289, 290, 291, 292 УК РФ);

– коррупционные преступления с точки зрения широкого подхода к пониманию коррупции (ст. 169, 170, 304 УК РФ и др.);

– коррупционные преступления, посягающие на авторитет государственной службы или службы в органах местного самоуправления, выступающий в качестве факультативного объекта ч. 3, 4 ст. 160, ст. 164, 174, 174.1, ч. 3 ст. 175, ст. 176, 177, 193, 199, п. «в» ч. 2 и п. «а» ч. 3 ст. 221, п. «в» ч. 3 и п. «а» ч. 4 ст. 226, п. «в» ч. 2 и п. «а» ч. 3 ст. 229, ч. 3 ст. 256, ч. 2 ст. 258 УК РФ².

В.А. Григорьев и В.В. Дорошин высказывают точку зрения о существовании в отечественном уголовном законодательстве не менее 80 составов преступлений, которые при определенных условиях могут быть отнесены к числу коррупционных преступлений³.

Не углубляясь в предмет обозначенной научной дискуссии, согласимся с позицией авторов⁴, согласно которой к коррупционным преступлениям относятся деяния, содержащие признаки

¹ Долгова А.И. Коррупция как криминологическая проблема и система правового регулирования борьбы с ней / А.И. Долгова // Мат. научн.-практ. сем. с прилож. межд. прав. актов и проек. фед. зак. – Барнаул, 2009. – С. 26–27.

² См.: Максимов С. Коррупционная преступность в России: правовая оценка, источники развития, меры борьбы / С. Максимов // Уголовное право. – 1999. – № 2. – С. 107–108.

³ См.: Григорьев В.А. Коррупционные преступления: понятие, признаки, виды. / В.А. Григорьев, В.В. Дорошин. – URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=СЛ&n=6665#0604732298598152> (дата обращения 10.11.2021).

⁴ См., например, Кудрявцев В.Н. Организованная преступность и коррупция в России (1997–1999) / В.Н. Кудрявцев, В.В. Лунеев, А.В. Наумов. – М., 2000. – С. 82; Максимов С.В. Коррупция. Закон. Ответственность. – М., 2000. – С. 15–18.

коррупции, разработанные доктриной и закрепленные законодательно.

Коррупционные преступления неоднородны по уголовно-правовым характеристикам, что должно учитываться при установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию, например, виновности лица. По данной категории дел доказать виновность означает не только охарактеризовать субъективную сторону преступления, но и описать признаки субъекта. Особенностью будет выступать необходимость установления наличия у подозреваемого (обвиняемого) признаков должностного лица (лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации), указанных в примечаниях к ст. 285 и 201 УК РФ. Исключения составляют субъекты, которые не имеют публичного статуса, к примеру, по преступлениям, предусмотренным ст. 291, ч. 1, 2 ст. 204, ст. 304 УК РФ и др. В научной литературе справедливо указывается, что при описании признаков специального субъекта необходимо включать в формулировку обвинения сведения о занимаемой должности или служебном положении, функциональных обязанностях, в связи с исполнением (неисполнением) которых совершено преступление¹.

Как отмечает А.Д. Назаров в структуре следственных ошибок значительную долю составляют пробелы предварительного расследования и, именно, недостаточное исследование виновности обвиняемого составляет половину случаев односторонности и неполноты в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию². В науке высказывается верное замечание, что ошибка в этом вопросе ведет к грубым нарушениям законности и осуждению невиновных³.

Проиллюстрировать следственные ошибки при установлении признаков специального субъекта позволяет случай из су-

¹ См.: Логинова Н.Г. Установление состава преступления как необходимое условие постановления о привлечении в качестве обвиняемого / Н.Г. Логинова, Е.А. Федорова // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2019. – № 3(21). – С. 124.

² См.: Назаров А.Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы : дис. ... доктора юридических наук: 12.00.09. – СПб., 2017. – С. 56–66.

³ См.: Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. – М., 2007. – С. 41.

дебной практики: Ф., являясь мастером производственного обучения в образовательной организации, обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ. Ф. был признан должностным лицом по признаку осуществления организационно-распорядительных функций на основании того, что он будет являться членом итоговой квалификационной комиссии по принятию экзаменов после прохождения студентами курса обучения.

Суд, вернув в установленном порядке уголовное дело прокурору, справедливо указал, что органами следствия не представлено доказательств наличия у Ф. организационно-распорядительных функций на момент инкриминируемых ему преступлений либо доказательств, что Ф. обязательно в будущем будет включен в состав указанной комиссии¹.

Также достаточно типичной следственной ошибкой при доказывании виновности лица является формальное описание мотива совершенного преступления. Особенностью в рассматриваемом случае выступает необходимость установления наличия корыстной или иной личной заинтересованности. Содержание этого признака не раскрывается в законе, его разъяснение дано в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19² как примерный перечень неправомερных преимуществ, к которым стремится субъект коррупции.

Приведем пример из судебной практики: Постановлением Закаменского районного суда Республики Бурятия уголовное дело в отношении Ц., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 292 УК РФ, было возвращено прокурору по причине того, что органами следствия не установлен мотив совершенного преступления. В обвинительном заключении было указано, что преступление Ц. совершено из личной заинтересованности, выразившейся в желании показать себя успешным ру-

¹ Постановление Советского районного суда Ставропольского края от 06.08.2014. – URL : https://sovetsky--stv.sudrf.ru/modules/php?name=sud_delo (дата обращения 10.11.2021).

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/#dst100013

ководителем в глазах вышестоящего руководства, для создания видимости близости окончания ремонтных работ объекта. Однако доказательств этому органами следствия не представлено. Кроме того, подозреваемая настаивала, что преступление было совершено исходя из интересов службы¹. Соответственно, органами следствия недостаточно полно выяснены мотивы совершенного преступления, что привело к возникновению ошибки.

Таким образом, ошибки при установлении виновности подозреваемого (обвиняемого) являются достаточно типичными в правоприменительной практике. Выявление и устранение таких ошибок выступает важнейшей гарантией соблюдения прав и законных интересов граждан при осуществлении производства по делам о коррупционных преступлениях.

РОЛЬ СУДА В ДОКАЗЫВАНИИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ЖАЛОБ В ПОРЯДКЕ СТ. 125 УПК РФ

Миргородская Э.Р.

адъюнкт кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России

Ст. 14 УПК РФ закрепляет общее положение о бремени доказывания. Так, согласно принципу презумпции невиновности «подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, так как бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения». Однако, закон не регламентирует вопросы распределения бремени доказывания при рассмотрении судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ. Не конкретизирует данный вопрос и содержание Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке

¹ Постановление Закаменского районного суда Республики Бурятия от 13.08.2020. – URL : https://zakamensky--bur.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения 10.11.2021).

статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Брем доказывания следует понимать, как и «...право, и как обязанность лиц, участвующих в деле, прежде всего, сторон»¹.

Рассмотрим точки зрения ученых на вопрос о том, на каком лежит право и обязанность доказывать. Т.Е. Сушина отмечает, что: «доказывание и принятие решений в уголовном процессе является обязанностью государственных органов и должностных лиц в пределах установленной законом компетенции. Вопрос заключается в том, предоставляет ли закон правовые возможности частным лицам влиять на доказывание и принятие решений»².

Действительно, как показал анализ материалов производств по жалобам в порядке ст. 125 УПК РФ, суды сами непосредственным образом участвуют в доказывании обстоятельств, входящих в предмет обжалования путем направления запросов должностному лицу, чье действие (бездействие) или решение обжалуется. Это вытекает из положения того, что согласно ст. 86 УПК РФ суд является субъектом доказывания. Однако, с другой стороны, при рассмотрении жалоб действует принцип состязательности сторон, который гласит, что на суд, в том числе при рассмотрении жалобы, возлагается обязанность создавать условия для исполнения обязанности и осуществления прав участников уголовного судопроизводства (ст. 15 УПК РФ). По этому поводу в науке уголовного процессуального права существуют две противоположные точки зрения. Одни авторы считают, что суд с позиции состязательности сторон не должен принимать участие в доказывании и доказывать свою правоту стороны должны сами. Другие считают, наоборот, что суд должен принимать активное участие в состязательном процессе. Не вдаваясь в подробный анализ точек зрения ученых, аргументов в пользу одной из сторон, отметим лишь то, что суд в силу своего положения не может не проявлять активную роль в доказывании при рассмотрении

¹ Треушников М.К. Судебные доказательства. – 5-е изд., доп. / М.К. Треушников. – М. : Издательский Дом «Городец», 2016. – С. 66.

² Доказывание и принятие решения в состязательном уголовном судопроизводстве : монография / Л.Н. Масленникова, Е.К. Антонович, Т.Ю. Вилкова, Л.М. Володина, М.И. Воронин, Л.А. Воскобитова [и др.]. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2017. – С. 18.

жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ. Полагаем, что, если он не будет принимать участия в доказывании, а свое решение будет выносить на основании представленных заявителем материалов, то тогда он будет достигать формальную истину, что означало бы для заявителя в случае отсутствия подтверждающих материалов принятия решения об отказе в удовлетворении жалобы по формальным основаниям – отсутствию обоснования своей жалобы, что является, на наш взгляд, недопустимым.

Рассмотрим, каким образом распределяется бремя доказывания между сторонами, участвующими при производстве по жалобе: заявителе и должностном лице, на действия (бездействие), решение которого подана жалоба.

Следует отметить, что подача жалобы является правом заявителя, которое свидетельствуют о наличии диспозитивности в уголовном процессе. Диспозитивность проявляется в том, что если заявитель не подаст жалобу, то и производство в порядке ст. 125 УПК РФ не начнется. Наделяет ли закон обязанность доказать утверждаемые заявителем факты в обосновании своей жалобы? Однозначно – нет. На заявителе не лежит обязанность доказывания утверждаемых им фактов. Данное положение исходит из принципа публичности. В гражданском процессе, например, наоборот, действует принцип «доказывает тот, кто утверждает». В уголовном процессе обязанность доказывания возлагается на должностных лиц и органов публичной власти. Это объясняется также тем, что как отмечает Т.Е. Сушина принцип публичности в своем развитии прошел от его понимания «...как ограничения производства частных лиц, стремления установить истину и избежать привлечения к ответственности невиновного до его понимания как обязанности государства защитить общество и его граждан от преступлений, не перекладывая этой обязанности на плечи самих граждан»¹. В настоящее время сущность института досудебного обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ состоит в том, что защищать от нарушений конституционные права личности или ограничение права на доступ к правосудию на досудебном производстве.

¹ Доказывание и принятие решения в состязательном уголовном судопроизводстве : монография / Л.Н. Масленникова, Е.К. Антонович, Т.Ю. Вилкова, Л.М. Володина, М.И. Воронин, Л.А. Воскобитова [и др.]. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2017. – С. 17.

Из вышеизложенного, следует сделать вывод, что исходя из принципа публичности обязанность доказывания возлагается на должностных лиц. Рассмотрим, участвует ли в доказывании должностное лицо, чье действие (бездействие) или решение обжалуется. Анализ положений ст. 125 УПК РФ, а также Постановления Пленума Верховного суда от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» показал, что такой обязанности в настоящее время не закреплено. На практике, его обязанность участия в доказывании заключается лишь в предоставлении материалов уголовного дела или в материалах доследственной проверки по запросу суда. Следует отметить, что в научной литературе уже отмечалась проблема того, что следователи (дознаватели) не всегда своевременно предоставляют материалы в обоснование своей позиции по запросу суда. Судьи вынуждены откладывать судебные заседания, повторно направляя запросы¹.

Завершая рассмотрение вопроса о распределении бремени доказывания и о непосредственной роли суда при рассмотрении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, отметим, что обязанность доказывания не налагается на заявителя, исходя из принципа публичности. Закон также не возлагает на органы предварительного расследования доказывать законность, обоснованность и мотивированность принимаемых ими решений, совершаемых ими действий (бездействия). Именно на суд возлагается обязанность принять законное обоснованное решение по жалобе и принять это решение на основании непосредственно исследованных в судебном заседании доказательств. Однако, полагаем, что в данном случае имеется пробел правового регулирования, поскольку не только суд является органов публичной власти, который защищает права граждан, но и должностные лица органов предварительного расследования также должны принимать непосредственное участие в доказывании, обосновывая свою позицию. Если посмотреть зарубежное законодательство, а именно ч. 7 ст. 106 УПК Республики Казахстан, то следует отметить, что там закреп-

¹ Носкова Е.В. Производство по рассмотрению и разрешению судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ : монография / Е.В. Носкова. – Томск, 2013. – С. 58–59.

лено положение о том, что «...бремя доказывания законности обжалованного действия (бездействия) или решения лежит на лице, совершившем или принявшем его»¹. Полагаем, что рассматриваемый вопрос о закреплении обязанности доказывать законность, обоснованность своих действий должен быть не оставлен без внимания, и урегулирован также, и в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТАКТИКИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Сокольских И.И.

курсант ФКОУ ВО

«Пермский институт ФСИН России»

Важнейшим средством получения необходимой информации по поводу расследуемого преступления следует указать такое следственное действие, именуемое осмотром места происшествия. Непосредственно от качества рассматриваемого следственного действия зачастую зависит быстрое и качественное расследование деяния, поскольку выявленная в процессе осмотра места происшествия информация включает и возможность отыскать необходимые доказательства.

От того, насколько верно произведен выбор требующихся следственных и остальных процессуальных действий, их компетентного и своевременного осуществления, по большей степени зависит плодотворность последующего расследования и в целом производства по рассматриваемому уголовному делу. Поэтому крайне важным значением обладает такой выбор и компетентное совершение первоначальных неотложных следственных действий (далее – НСД). В отечественном уголовно-процессуальном законодательстве категория неотложных следственных действий (далее – НСД) существует уже длительное время.

¹ Уголовно-процессуальный Кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.01.2022 г.). – URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения 16.01.2022).

Развитие и совершенствование УПК РФ обязательно приводит к дальнейшему развитию и всей системы следственных действий, основой которых являются информационные технологии, выступающих в качестве одного из современных средств познания реальности¹.

Действующий УПК РФ законодательно фиксировал термин неотложных следственных действий, и поместил его п. 19 ст. 5 УПК РФ; при всем этом законодатель не использовал конструкцию с приведением полного перечня данных действий².

Осмотр места происшествия относится к числу неотложных следственных действий, от тщательного и квалифицированного проведения которого зависит успех в раскрытии преступления.

Анализ положений уголовно-процессуального закона России позволяет назвать осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов, трупов, документов, осмотр и выемку отдельными следственными действиями, имеющими правовую и правоприменительную специфику.

Однако каждое из перечисленных видов можно назвать как НСД при их поглощении осмотром места происшествия. Непосредственным критерием отнесения мероприятия к НСД выступает такой принцип, как недопустимость промедления в их производстве, поскольку в данном случае имеется неотложная потребности в поиске, закреплении, изъятии, передачи для экспертизы следов преступления и иные действия, а в противном случае неопровержимые и иные доказательства могут быть утрачены³.

Как считает кандидат юридических наук, доцент Л.В. Пинчук, осмотр – это такое следственное действие, которое основано на непосредственном восприятии и тщательном изучении объектов, направленное именно на поиск, исследование и фиксацию обнаруженных следов, при этом основной целью выступает определение наличия и содержания всех тех обстоятельств, что

¹ Рамазанов М.М. К вопросу о неотложных следственных действиях / М.М. Рамазанов, А.М. Гамидов // Закон и право. – 2019. – № 7. – С. 86–91.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

³ Рамазанов М.М. Осмотр как неотложное следственное действие / М.М. Рамазанов // Закон и право. – 2019. – № 5. – С. 126–131.

обладают каким-либо значением для расследования уголовного дела¹.

В работе Э.Р. Гареевой указано, что осмотр места происшествия представлен как один из обязательных элементов расследования, имеющий цель по установлению, фиксации и изучению непосредственной обстановки места происшествия, любых следов деяния и лица, его совершившего, а также прочих объективных сведений, с помощью которых, и при наличии иных доказательств, можно сделать заключение о механизме преступления и остальных обстоятельствах, указывающих на ход расследуемого события².

Важнейшей целью осмотра места происшествия можно назвать формирование модели совершенного деяния, обоснованное посредством поиска и фиксации обстановки происшествия, нахождения материальных и прочих следов, представляющие возможность реального складывания портрета преступника.

Осмотр места происшествия устремлен на постижение объективной стороны состава преступного деяния. При совершении осмотра места происшествия знание о преступном деянии получают посредством наблюдения, при всем том сам процесс развития деяния предоставлен воображению следователя, а в результате данного может субъективно исказиться. Так же можно приобрести сведения об установленном месте, обладающем отношением к расследуемому преступному деянию посредством проведения допроса свидетеля деяния.

Общенаучный метод познания в данном случае будет содержаться в воссоздании события, прежде созерцаемого допрашиваемым субъектом. Осмотр места происшествия совершается для выявления следов деяния, обнаружения остальных обстоятельств, обладающих значением для расследуемого деяния. Отсюда вытекает, что указанное следственное действие рекомендуется материализовать неотложно, чтобы следователь смог вос-

¹ Пинчук Л.В. К вопросу о понятии осмотра места происшествия / Л.В. Пинчук // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 5. – С. 227–231.

² Вахитова Д.Р. Особенности осмотра места происшествия / Д.Р. Вахитова, А.Ш. Байрамова, Э.Р. Гареева // E-Scio. – 2017. – № 12(15). – С. 72–76.

принять обстоятельства места происшествия и оставшиеся на нем отпечатки в неизменном состоянии, в каком они были найдены.

При осмотре места происшествия возможно получение решений по множеству вопросов, опираясь лишь на исходную информацию, которая достаточно узкая и носит односторонний характер. Ответы на поставленные вопросы позволяют сделать вывод о наличии признаков состава преступления, то есть оснований для возбуждения уголовного дела. Если хотя бы на один вопрос отсутствует ответ, то имеется необходимость в проведении дополнительной проверки, с целью принятия окончательного правомерного решения о возбуждении, или об отказе в возбуждении уголовного дела. Тактические приемы и их комплексы, характерные для осмотра места происшествия, должны обеспечить организацию исследования материальной обстановки.

Отсутствие у следователя специальных технических и теоретических знаний в этой области, также практики расследования данной категории дел является важным препятствием в определении методики расследования. Для организации работы и повышения компетентности следователей необходимо регулярное квалификационное обучение, доведение до следственного аппарата новых прогрессивных методик расследования данной категории дел, а также своевременная профессиональная переподготовка экспертов-криминалистов органов внутренних дел¹.

Правильная организация работы следственной группы при осмотре места происшествия позволяет получить точную информацию, сузить круг лиц, возможно причастных к совершению того или иного преступления, выдвинуть обоснованные версии относительно сложившейся следственной ситуации и тем самым, установить лиц, виновных в совершении конкретного преступления.

При проведении осмотра места происшествия нередко бывают допущены различного рода ошибки, при этом они могут обладать как объективным, так и субъективным характером. Дан-

¹ Варданян А.В. Новеллы в регламентации обыска и выемки как потребность в модернизации тактико-криминалистических приемов / А.В. Варданян // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: материалы Международной научно-практической конференции. – Иркутск, 2019. – С. 3–9.

ные ошибки возникают из-за того, что осмотр данного места проводится несвоевременно, когда уже утрачивается часть следов, также такое возникает в силу того, что следователь неправильно применил или вовсе не применил тактические рекомендации, не полно и не объективно указал какие-либо факты, относящиеся к обстановке, положению трупа и т.д. На сегодняшний день при осмотре места происшествия у органов, проводящих осмотр, имеется ряд проблемных вопросов в выборе тактики и организации расследования, среди которых можно указать: неполноту сбора информации при доследственной проверке или производстве НСД, нечастое использование современных криминалистических средств, приборов, средств ИТ-технологий. Наличие таких проблем порождают условия для необоснованного приостановления расследования преступлений, безнаказанности для преступников, которые могут и дальше совершать новые, более продуманные преступления¹.

В своей прикладной деятельности следователи могут нарушать необходимый порядок в отношении следственных действий, также существуют и различные технические ошибки, которые не отвечают правилам, положениям расследования преступления, в результате отмечаются различные проблемы по запутыванию следствия².

Наиболее частой является ошибка следователя при описании предметов, назначение, материал и название которых не являются очевидными. Фиксировать необходимо только те признаки, которые следователь непосредственно наблюдал при обнаружении. Данное правило прямо предусмотрено в статье 180 УПК РФ.

По мнению Н.П. Яблокова, одной из распространенных ошибок является не проведение осмотра, если ситуация свидетельствует об его целесообразности. Такая ситуация возникает,

¹ Овсепян Г.М. Осмотр места происшествия при расследовании мошенничеств, совершенных в отношении социально незащищенных категорий граждан: тактическая модернизация / Г.М. Овсепян, Д.В. Кузьменко // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 1. – С. 99–103.

² Керимов А.О. Актуальные проблемы практики осмотра места происшествия / А.О. Керимов // Наука и образование сегодня. – 2017. – № 9(20). – С. 18–19.

например, из-за опасения сотрудником получения результатов, которые могут негативно повлиять на уже собранную доказательственную базу. Это приводит, несомненно, к искажению истины или затруднению в процессе ее установления.

Ряд ошибок связан с нарушением порядка осмотра места происшествия. А это может привести к изменению/отмене решений суда. Приведем пример из практики. По приговору суда А. признана виновной в совершении убийства при превышении пределов необходимой обороны. Она полностью признала вину. Но в ходе судебного разбирательства свидетели Б. и В. указали на то, что в процессе осмотра происшествия протоколы были неправильно записаны старшим следователем СО СК РФ по Краснодарскому краю. Как указали данные лица, при осмотре места происшествия они понятыми не являлись, порядок осмотра места происшествия им не разъяснялся, права и ответственность также разъяснены не были, но в данном протоколе указаны в качестве понятых. Также выяснилось, что указанный в качестве понятого Б. был родственником А., а это полностью исключает возможность участвовать Б. в качестве понятого. Таким образом, приговор суда в отношении А. был отменен¹.

Следующей проблемой является правильная фиксация предметов, имеющих значение для дела и признанных доказательствами, изъятие которых невозможно, например, в силу их габаритов. В данном случае следователю необходимо описать, сфотографировать и заснять объект так, чтобы у участвующих в деле лиц, суда сложилось верное представление о нем. Грамотное изъятие и приобщение к материалам дела обнаруженных объектов, их упаковка также имеют большое значение. Повреждение, утеря, нарушение упаковки доказательства ставит под сомнение его допустимость и допустимость протокола осмотра места происшествия.

Описывая место происшествия и отдельные объекты на нем, недопустимо в протоколе места происшествия или при производстве видеосъемки со звукозаписью излагать суждения по поводу времени, способа совершения преступления, предполагать нали-

¹ Апелляционное постановление № 22–5840/2016 от 10 ноября 2016 г. по делу № 22–5840/2016. – URL : <http://sudact.ru/regular/doc/RGcFFIva7CP> (дата обращения 03.11.2021).

чие причинно-следственной связи между совершенным преступлением, лицами, предметами и так далее.

Нередко ошибка следователя выражается в том, что при производстве осмотра места происшествия не задействован специалист, особенно в области криминалистики и судебной медицины. Или же, наоборот, на участвовавшем при производстве следственного действия специалиста возлагаются функции сверх его профессиональных познаний, которые должен совершать сам следователь, например судебно-медицинский эксперт не должен описывать одежду трупа, находящиеся рядом предметы.

Реже встречаются случаи, когда следователь принимает решение не проводить осмотр места происшествия, поскольку лицо признало свою вину, дало подробные показания, подтверждающиеся показаниями свидетелей.

К ряду ошибок также можно отнести сужение границ осмотра места происшествия. Непроведение осмотра прилегающих к месту происшествия территорий и помещений лишает следователя полной картины произошедшего и, возможно, ряда доказательств. Необходимо исследовать возможную территорию прихода преступников к месту происшествия и ухода с него.

При осмотре места происшествия большое значение имеет не только правильное составление протокола следственного действия, но и процессуально грамотное изъятие и приобщение к материалам дела обнаруженных и изъятых объектов.

Так, неправильная упаковка объекта, не предотвращающая доступа к нему без нарушения целостности упаковки, довольно часто является поводом для сомнения в подлинности вещественного доказательства. Также без тщательной фиксации недопустимы никакие действия следователя, связанные с нарушением целостности упаковки вещественного доказательства.

Одной из проблем сложившегося на сегодняшний день положения дел в следственной практике по поиску и фиксации цифровых следов преступления опрошенные сотрудники следственных и оперативно-розыскных подразделений называют отсутствие должной подготовки привлекаемых к мероприятиям специалистов в части отсутствия у них на месте необходимой криминалистической техники, позволяющей произвести изъятие и фиксацию на носителе-дубликате компьютерной информации в

случае невозможности изъятия компьютерной системы, подлежащей исследованию, а в ряде случаев достаточных для проведения данных мероприятий знаний.¹

На сегодняшний день при фиксации хода и результатов осмотра места происшествия имеется нарушение уголовно-процессуального законодательства из-за элементарной неосведомленности. Крайне важно привлекать лиц, обладающих специальными знаниями уже на этапе планирования и подготовки следственных действий. Однако обобщение результатов опроса показывает, что, несмотря на признаваемую значимость данного этапа, наиболее распространенная и, наверное, общая и наиболее значительная ошибка – это отсутствие либо формальный подход к подготовке к проведению следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Таким образом, при осмотре места происшествия у органов, проводящих осмотр, имеется ряд проблемных вопросов в выборе тактики и организации расследования, среди которых можно указать: неполноту сбора информации при доследственной проверке или производстве НСД, нечастое использование современных криминалистических средств, приборов, средств ИТ-технологий. Наличие таких проблем порождают условия для необоснованного приостановления расследования преступлений, безнаказанности для преступников, которые могут и дальше совершать новые, более продуманные преступления.

¹ Торичко Р.С. Некоторые вопросы совершенствования действующего законодательства, регламентирующего расследование киберпреступлений / Р.С. Торичко, Н.Е. Клишина // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 3. – С. 179–184.

Научное издание

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА,
КРИМИНАЛИСТИКИ
И ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
«Современные проблемы уголовного судопроизводства,
криминалистики и экспертной деятельности по уголовным делам»

(08 ноября 2021 г.)

Сборник статей

Статьи публикуются в авторской редакции

Технический редактор – А.С. Семенов
Компьютерная верстка – М.Н. Гусева
Дизайн обложки – О.Я. Фоменко

Подписано в печать 15.06.2022
Бумага «Снегурочка»
Печ. л. 9,3
Усл. печ. л. 8,7
Уч.-изд. л. 7,9

Формат 60×84 ¹/₁₆
Печать трафаретная
Изд. № 1248
Тираж 103 экз.
Заказ № 2373

ООО «Издательский Дом – Юг»
350010, г. Краснодар, ул. Зиповская 9, литер «Г», оф. 41/3
тел. +7(918) 41-50-571
e-mail: id.yug2016@gmail.com Сайт: <http://id-yug.com>